

Анастасия Волкомир

По велению Вселенной...

Я принимаю бой

Анастасия Волкомир

По велению вселенной...

Я принимаю бой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68560769

SelfPub; 2022

Аннотация

Современный мир, похожий на наш, но все, что в нем происходит, подобно RPG стратегии. У тебя есть и ограниченный инвентарь, и оружие. Ты можешь пить волшебные зелья и прокачивать свой уровень. Здесь ты можешь выполнять квесты и преследовать свои цели. Группа игроков во время выполнения задания находит Героя. Он не помнит ни имени, ни своего предназначения, и все же становится членом команды, которому предстоит нелегкое обучение разным тонкостям сложившихся реалий. Однако спустившийся с небес не так прост. Вселенная даровала ему ценную силу, с которой он вынужден не только научиться совладать, но и не дать врагам заполнить ее.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	10
Глава 2	54
Глава 3	87
Глава 4	132
Глава 5	168
Глава 6	193

Анастасия Волкомир

По велению вселенной...

Я принимаю бой

Предисловие

Говорят, когда-то давно существовал Герой. Откуда он пришел и с какой целью – никто не мог объяснить, да и не пытался. Он существовал и этим все сказано.

С него и начался весь мир. Он открыл глаза, и первое, что увидел это бескрайнюю синеву небес над собой. Монотонную, пугающую и пустую. Так он создал облака, чтобы те, кто это увидят, знали – даже у кажущейся бескрайности есть предел.

Он огляделся по сторонам, но ничего кроме голой и сухой земли подле себя не узрел. Так местность поросла травой и обрела зеленые оттенки. А когда желудок был измотан до невыносимой боли от отсутствия в нем пищи – у его ног расплескалась пресная вода.

Созидая жизнь и разрушая вакуум, сила не спасала его от главного проклятия: Осознания себя. Годами и веками бродил он в размышлениях о своем предназначении, и было ли

оно? Какова его настоящая роль и не закончена ли она на этом?

Он не взял жены и не продолжил свой род. По крайней мере, так гласит легенда, но не объясняет, откуда в дальнейшем прибыли люди. История не терпит сослагательного наклонения, а притча – дословного пересказа. Но когда те чувствовали страх от приближения неизвестных существ, что эволюционировали от пробужденного в их примитивном разуме инстинкта самосохранения, он понял, в чем смысл его жизни.

Он был создан для защиты.

Деревянная палка в руках превратилась в меч из железной руды, а крупный остаток коры – в непробиваемый щит.

И сражался он без страха в глазах и с крепкими убеждениями, не знавшие колебания.

Люди познали, что такое благополучие и стали воспринимать помощь Героя как должное. Равнодушие тушило огонь в его сердце, накрывая мягким одеялом завершенности перед вхождением в вечный сон.

Так он бесследно исчез, но никто даже не заметил его отсутствия.

Люди начали свой путь к выживанию.

Теперь ископаемые, их обработка и применение навыков были доступны каждому. Мир больше не нуждался в первичном человеке. Его миссия была выполнена, а люди продолжили начатое.

Их становилось все больше.

Каждый был занят своим делом. Кто-то образовывал коммуны и старался сплотить людей на общие цели и идеи. Кто-то был недоволен порядком и пытался причинить вред другим во славу собственного обогащения ресурсами. Заводились и разрушались семьи. Они сходились во мнениях и расходились до слез и смертных обид.

Так всеобщие прения снова стали обыденностью.

Вражда, дружба, ложные намерения, справедливость и ее вечное отсутствие. Все это – неотъемлемая часть бытия, без которого жизнь становилась невыносимо скучной, но и это не вызывало былого восторга. Разумные существа, которые еще вчера пытались научиться держать палку в руках, познали, что есть эмоции. Изначально это освежало, добавляло масла в огонь семейных страстей, но у всего есть свой срок.

И стало людям скучно. Мир наполнился всеобщей апатией. Ни любовь, ни убийства не вдохновляли людей на свершения. Они пресытились каждодневной рутинной.

И тогда Вселенная, не только подарившая, но и забравшая у них Героя, подала им знак. Та и сама, вероятно, не смогла наблюдать за происходящим. Это создавало тяжесть на ее смиренном сердце. От чувства долга и ответственности, та спросила у своих подопечных: «Чего же вы хотите?», но в ответ ей была тишина. Они днями и ночами думали о желаемом, но никто не смог сформулировать хоть что-то.

Человек, искренне желающий перемен, никогда не со-

здаст условий для этого, потому что сам их боится.

Протяжно вздохнув, Вселенная закрыла лицо ладонями.

Она плакала днями и ночами, создав моря и океаны, озеленив и без того густые леса и поля. Появлялись новые чудовища: летающие, плавающие, незаметные среди природных красок.

И, казалось бы, когда люди, что обрели второе дыхание, снова начали защищать себя и придумывать новые технологии, и этого душевного порыва хватило ненадолго.

Экосистема перестала быть обузданной. Шумели сильные ветра. Небо навсегда закрылось черным куполом из туч и молний. Водопадом проливал бесконечный дождь.

Все переглядывались между собой.

«Мы разозлили Вселенную»

Так думал каждый, и всех охватила депрессия.

Некоторые сходили с ума, но даже те, кто оставался в ясном рассудке, скитался в бездействии на ограниченном клочке земли.

Так на земле появился первый маг. Мошенник, возомнивший себя мудрецом, взявший на себя решимость поговорить с создательницей напрямую, ибо у этой ситуации был лишь один выход.

И длилась эта дискуссия долгие годы...

Был ли это договор, а быть может хитрость смелого человека, что осмелился выйти со Всевышней один на один? Ясно одно: дожди прекратились, и наступила тишина.

Сначала это пугало обывателей, уже привыкших к жизни в укрытиях и забывших, что из себя представляет дневной свет. Подвоха не последовало, а потому все вышли, радуясь теплым лучам солнца.

Вернулся и тот маг. Весь в лохмотьях и седой. Уставший от тяжести возложенной на него ответственности. Люди не сразу узнали в нем того бывшего смельчака.

Все ждали от него хотя бы слово, но тот только стоял и смотрел на недоумевающие лица, не то готовые обнять его, не то разрыдаться на месте от отчаяния.

Втянув свежий воздух, он пробормотал что-то, понятное только ему. Громко хлопнул в ладоши и звон заполнил все глухие окраины. Смотрящие вздрогнули, но слух остался цел.

Что-то изменилось. Люди понимали это. В суматохе они разглядывали себя и своих ближних. У каждого в голове возник вопрос, на который не было ответа.

И тогда он сказал: «ИГРА!»

Так создала Вселенная игру.

Те предметы, некогда созданные самими людьми для облегчения быта, она нарекла артефактами. Наделила сакральной значимостью для затравки и разложила по всей местности.

В след за этим она создала простейшую магию, которая не нарушала изначальные законы физики, а только укрепляла их. Позже люди сами восторженно изучали ее принципы,

выявляли закономерность, учились искусственно усиливать мощь.

Игроки познали жульничество и фальшь. Так Вселенная добавила устранение, как, не саму, но альтернативу смерти. Пусть это и не решало все проблемы, но у людей появился стимул. Они стали еще больше бояться за свои жизни, хоть и искусственные. Ведь выбывая, ты перестаешь играть, либо начинаешь заново. Потеря заработанного для некоторых – хуже вечной бездны.

Каждый сам назначал свою цель. Кто-то соперничал друг с другом, кто-то собирал редкие предметы. Некоторые просто изучали существ, а кто-то и вовсе пытался обмануть игру, решая сложные уравнения.

Неизменным оставалось одно – теперь у людей был выбор. Они разделились на играющих и проживающих свою жизнь. Первые – добывали желаемое за чужой счет, вторые же – радовались имеющемуся.

Так или иначе, вовлечены в этот бесконечный процесс были все, даже косвенно.

И не было конца и края радости Всевышней. И наблюдала она за людьми, улыбаясь. А где-то на бескрайнем небе, том, что было первым среди увиденного, сияло фигурное скопление многочисленных звезд, изображавшее Героя.

«Да будет мир» – сказала она: «И да начнется его покорение»

Глава 1

«Я эти города люблю за то, что люди в них живут и верят в чудо» (Андрей Лукьянов «Я сделан из такого вещества»)

– Смотри-смотри! – Услышал я сквозь темноту еле уловимый девчачий голос. – Он просыпается!

Мое сознание, словно отдельное от меня существо, само вытаскивало меня на берег, в то время как тело было бесхозно выброшено в холодные воды. Трясло. Я не чувствовал кончиков пальцев, не понимал, что происходит, глаза заполнял темный туман, сквозь который не так просто пробиться. Я знаю, что я есть, и я – жив. Ни кто я, ни что со мной произошло – неизвестно. Что-то вертелось в моей голове, но то касалось меня лишь косвенно.

Доносилось шуршание и шепот. Голова разрывалась на части.

Я помню последнюю, будто виденную ранее, картинку: яркий свет на фиолетовом небе. Он приближался ко мне до тех пор, пока все не заполонило чистотой белого сияния. Далее последовала боль, словно старая подруга, оберегавшая меня от одиночества даже сейчас.

Теперь я и сам был чист и даже свеж, но лишь внутри себя.

Глаза предательски не хотели открываться. Я пытался ворочаться, но тело словно парализовало. Пальцы, что наполнялись неприятным покалыванием, постепенно начинали внимать моим сигналам.

Кто-то был рядом. Девочка, вероятно. Возможно, не одна. Она спасла меня. Не знаю, откуда ко мне пришла эта мысль, и почему я обрел уверенность в этом, но это объясняло мое нынешнее положение.

– Я же говорила, он – живой. – Голос был таким тихим, что я сам проговаривал обрывки услышанного, дабы получить объясняющую логическую цепочку. Мои уши и без того словно наполнены водой, а различить чей это шепот и вовсе невозможно. Я вычислил принадлежность интуитивно.

– Откуда же его сюда занесло? – Сказал другой, более женственный голосок, но уже громче. Я понял вопрос без вспомогательных размышлений.

Та, другая, выдохнула: – Понятия не имею. Одно ясно, нам предстоит много работы. Смотри, его трясет. Кажется, все не так уж и плохо, да? Может, он быстро придет в чувства?

А ведь меня и, правда, будто резко перекалило. Та случайная фраза о «работе» напугала меня. Я не понимал контекста сказанного, и потому сработала защитная реакция. Да, я смог обуздать свое физическое состояние, но получилось это крайне неадекватно. Будто рыба, барахтающаяся на суше. Стало стыдно, но иначе доказать свою жизнеспособ-

ность я не мог. Я чувствовал, что мне нужно срочно доказать свое право быть спасенным.

Вот только... от чего?

– Ой-ой, тише ты! Ты сейчас всю спину себе сломаешь!

Я успокоился. Дышал прерывисто, но громко. Они не должны забывать о моем положении, кем бы они ни были.

Снова увидев всецело обволакивающий собой белый цвет, я вздрогнул, но быстро пришел в себя. То был мягкий свет, что заполнял комнату. Не тот, что в моих былых видениях.

Это был день. Теплый и солнечный.

– Очнулся? Сказать что-нибудь можешь?

Я посмотрел на силуэт подле меня. Мне никак не удалось сфокусироваться на деталях.

Ни единого звука так и не удалось произвести.

– Так, понятно. Но ничего, это нормально. Мы не знаем, как долго ты лежал в этой яме. Медицинская помощь тебе не понадобится, у нас есть аптечки и немного склянок со всякой животворящей ерундой. Должно помочь. А связки – явление временное. Ты все еще в состоянии шока. Худ и бледен. Мы тебе принесем что-нибудь поесть.

– Ты уверена, что все будет хорошо? – Спросил мужской голос. Похоже, их было больше, чем я думал, и все сплошь окружали меня, словно экспонат в местном музее. Было бы на что смотреть... Впрочем, может, и есть на что. Я даже не могу вспомнить, как я выгляжу. Я – парень, без сомнения,

НО ВОТ ЧТО ВО МНЕ...

– Нет причин для беспокойства. Глянь на него, живее всех живых.

– Ладно, пойду, добуду что-нибудь.

Громкое щебетание птиц отдавалось глухим эхом в моей голове. Они пели настойчиво, будто в последний раз. Кажется, они тоже доказывали свое существование.

Я невольно взялся за голову.

– Да, они сегодня ужасно докучливые. – Снова сказала она, подойдя ко мне поближе, чтобы поправить одеяло. Я и не понял, что все это время был окружен заботой. – Придется потерпеть. У нас тут дожди лили несколько месяцев, теперь им, наконец, представилась возможность выйти из укрытий и свить гнезда. Весна как-никак.

– К... к... то...

– Я кто? Да так, завсегдатая этого кабинета. Меня Яна зовут. Хорошее имя, не правда ли? А какой у него сакральный смысл! Имена все-таки даются неслучайно. Некоторые и во-все надо заслужить. А ты помнишь, как зовут тебя?

Я отрицательно покачал головой. Ни единой мысли.

Теперь, когда она была близко, я смог ее разглядеть. Крупная девушка с длинными светлыми волосами и мягкими чертами лица. Полуоткрытые глаза придавали взгляду нежную учтивость, но сохраняли уверенность. Не удивлюсь, если она была инициатором моего спасения. У нее была четкая дикция. Приятно, когда природа сама благоволит тебе быть в

первых рядах. Грубоватая, правда, но для оратора как нельзя кстати.

– Почему-то не удивлена, – выдохнула она, – но да ладно, и не с такими сталкивались.

Последняя фраза была так тихо подавлена, чтобы я, вероятно, ее не слышал. Даже обидно, что я вот так быстро стал таким недооцененным.

– Ты вообще цел?

– Болит что-нибудь?

– Ты как оказался там?!

На меня сыпался шквал вопросов, ответы на которые я и сам хотел знать. Да, людей здесь было достаточно, и у каждого был интерес. Жаль, я не способен удовлетворить его.

Наступила тишина, когда высокий парень в смешной шапке зашел в кабинет и поставил на парту поднос с чем-то съестным. Я понял, что все это время в моем желудке было не менее пусто, чем в голове.

– Ладно, ребят, – продолжила Яна. – Давайте выйдем, пусть поест, в себя придет. Все равно мы такими темпами ничего не узнаем. Да и поговорить надо. Быстрее, не задерживаемся в проходе!

Замешательство сменилось подчиняющимся упадническим гулом. Я остался один, наедине с навязчивым пением птиц. Одиноко. Я, кажется, помнил это чувство ранее, но растерял его. Теперь, словно преследующее, оно вернулось ко мне.

Съев порцию каши, я почувствовал, что становится легче. Вот только у меня все также не получалось сформулировать отчетливый ответ на собственный вопрос: «Что гложет меня?»

Время шло. Те люди, что еще совсем недавно и не думали от меня отстать, будто напрочь забыли обо мне. В тарелке образовалась засохшая пленка клейкой рисовой массы. Откуда не возьмись, прилетела муха и назойливо жужжала в поисках остатков пропитания. Так стало противно от этой картины и меня начало мутить. Жалкое насекомое, готовящееся лакомиться даже остатками, только бы жить.

Чуть погодя, тошнота сменилась злостью. Птицы больше не пели. Да и солнце куда-то скрылось. Тем лучше, я не в настроении терпеть даже докучливые блага природы.

Но больше всего мне было больно от того, что я не знал своего имени. Даже общие очертания. Первую букву и ту не могу вспомнить.

Вообще какую-либо букву...

И в тот момент, когда я уже сжал кулаки и стиснул зубы, дверь открылась. В комнату вошла одна Яна.

– Как себя чувствуешь?

Еще несколько секунд назад я был готов разнести все в пух и прах, но ее проявленная заинтересованность вернула меня на землю. Даже луч солнца снова проник сквозь окно в этот кабинет, разделяя территорию между нами.

– Уже лучше, спа...

– Это не мне спасибо. – Ее резкость в голосе и полный уверенности вид заставляли меня врасплох. Похоже, мне предстоит привыкнуть к такой прямой натуре. – С твоей спасительницей я тебя познакомлю позже. Ты смог что-нибудь вспомнить?

– Нет... Совсем нет.

– Даже имя?

– Нет.

Она тяжело вздохнула: – Плохо, очень плохо. Ты ведь наверняка знаешь, какую значимость для Вселенной имеет твое имя?

Я даже оторопел. Не думал, что наш разговор войдет в такое русло. Да и что это за «Вселенная»? Но я решил не показывать свою безграмотность. Мне и так довелось ощутить стыд. Странно, они действительно позаботились обо мне. Даже одежда была не моя. Ну, вроде не моя. Я так чувствовал. Кто-то из парней пожертвовал свою спортивную форму. И все это ради того, что бы я не смог ничем помочь. Провалиться бы сквозь... ох...

Мое лицо прояснилось, пусть и на столь короткий срок.

– Я что-то припоминаю, но... но не могу и на это ответить.

Она слегка улыбнулась. Кажется, я смог ее порадовать. Вот только чем? Главное, что это согревало мое сердце. Я и сам невольно повторил этот жест. Даже сердце забилось быстрее. Мне оставалось делать все возможное, потому что я имею право на долгий выдох.

– Не беспокойся. Нет ничего постыдного в том, что ты чего-то не знаешь. А уж тем более не стыдно признаться в этом. Я сама только и делаю, что учусь, учусь, изучаю... – Она, будто замечталась, но тут же «вернулась с небес»: – Так вот, о чем я? Имя – это то, без чего человек не существует, понимаешь?

– Начинаю... понимать...

– Тогда с самых азов: нет ничего такого на свете, у чего не было названия. Вот ты, например, человек. У тебя уже есть название. Ты даже мальчик, что еще более конкретно. – В этот момент она оглядела меня с головы до ног, и я ощутил горячий жар смущения на своем лице. Мне будто неловко от того, что об этом говорит девушка. – А вот чтобы обрасти полноценной личностной оболочкой нужно тебя как-то именовать. У Вселенной есть такая закономерность: когда человек ощущает неполноценность, он перестает быть счастливым. Теряет вкус к жизни, становится склонным к апатии. Он может делать опрометчивые поступки, что недопустимо в здешних стенах. Понимаешь? Не пойми неправильно, не то чтобы мы не доверяем тебе, но потенциально все способны на что-то подобное. Мы все прошли через это, я знаю, о чем говорю. Мы должны избежать этот нюанс, раз нам заранее выпал такой шанс. У каждого в этой игре свои цели. Так что, в твоих интересах помочь нам.

– Да я бы и сам рад, но...

– Не так быстро. Ты еще слишком слаб. Я думаю, тебе

многое предстоит сделать и усвоить. Мы тебе поможем. Это и в наших интересах тоже. Чем быстрее у нас получится поставить тебя на ноги, тем меньше проблем мы можем избежать в будущем. Мы посоветовались и решили оставить тебя здесь под нашим наблюдением. К счастью, такая возможность есть. Ты будешь учиться здесь, как все ученики, но большую часть времени проводить с нами. Мы обучим тебя и расскажем все, что знаем сами. Также, я закреплю за тобой наставника. Я еще не решила, кто им станет, но не я это точно. Работы много.

Я тут же обратил внимание в сторону книжной полки, сплошь забитую тетрадями и свитками. Она смотрела на нее с легким благоговением. Эти записи были дороги для Яны, к гадалке не ходи. Интересно, что они в них записывала?

Может, это способствует памяти? Наверное, мне бы тоже не помешала такая деятельность.

– Ах, кстати, вот и твоя спасительница. – Вскинув руки, тут же оторвалась она от своих раздумий.

За спиной у Яны возникла фигура маленькой рыжей девочки с детскими чертами лица. Я даже не заметил ее появления. То ли она была такой тихой, то ли повторное пение птиц так давило на мой слух.

Кажется, я уже видел этот силуэт. Не сказать, что я, тогда, лежа на сырой от дождя земле, был в сознании, но перепутать ее с кем-либо было сложно.

– Ее зовут – Мара. Она – наш бард-хилер. Лучший и...

единственный. Вам лучше подружиться. Думаю, тебе будет приятно пообщаться с ней.

Так называемая «спасительница» даже не поздоровалась со мной, а только вяло помахала мне рукой, и то для галочки. Казалось, ее происходящее совсем не интересовало. Это уязвляло, но я не подавал виду. Старался, по крайней мере. Мало ли какие у них тут порядки.

– Да уж... – вздохнул я, ощутив первые приливы обещанной апатии. – Друг никогда не бывает лишним.

– Вы мне не доверяете! – Сказал, ранее незнакомый мне, девчачий голос. Я находился за дверями кабинета, и уже был готов войти, но бурное обсуждение останавливало меня.

Это был мой второй день пребывания в здешних местах. Узнал я немного. Это здание именовалось средней школой. Постройка старая, но не лишенная косметического ремонта. Не самого лучшего образца во всем городке, но дети в ней умудрялись учиться и даже заводить друзей.

Мысль о том, что я попал в какую-то субкультурную группу – не вызывало у меня сомнений. Все люди здесь были какие-то отрешенные, неразговорчивые, но все же держались друг за друга, как за спасительную веточку. Этакая негласная дружба, которая для меня казалась очень странной. Товарищество, похоже, может быть скрытым, вот это действительно удивляло. А местом их сбора было не что иное как библиотека. Как объяснила мне «новоиспеченная подруга», ко-

торая ростом была мне по грудь, и все тем же безразличным тоном: «Сюда никто не заходит. Поэтому так удобно».

Я ее, конечно, так и не познал. Сложно добиться взаимности от человека, который не стремится идти навстречу. Впрочем, это не мешало мне начинать разговор. Наверное, я для нее новенький. Она не обязана открываться передо мной. Это больно, но терпимо.

В моей голове не укладывались впечатления о нарочитой холодности девушек. Неужели, ей совсем неинтересна дружба? Как она вообще умудрилась меня спасти? Да еще и с такими «птичьими» габаритами... При таком раскладе она не просто должна была меня оставить там, так еще и скрыть от чужих глаз, чтобы точно никто не нашел.

– А я тебе еще раз говорю, ты сама не понимаешь, о чем просишь.

– Неужели т... вы считаете, что так будет лучше?

Голоса Яны не было слышно. Вероятно, она сделала паузу.

Та продолжила: – Я все же настаиваю на том, чтобы изучить еще недавнее природное явление и произошедшие сейчас собы...

– Не учи меня делать мою работу! – Резко рывкнула начальница.

Мне казалось, что от этой фразы даже стекла в окнах пошатнулись. Словно гром среди ясного неба.

Их лидер не казалась мне злой. Я все еще помню ее улыбку, но понимал, что с ней нужно быть начеку. Она выглядит

простовато, да и одета в строгую форму, как догматик своих убеждений и морали, но это не исключает возможных трудностей общения.

В кабинет войти я так и не решился, но стоило мне протянуть ладонь к дверной ручке, я сразу же отбросил эту затею.

Низенькая девушка резко вышла из кабинета. Первое, что я в ней заметил – насколько она худая. Я бы даже ее назвал тоненькой. Второе – у нее были большие карие глаза, но не такие темные, как у парня, принесшего мне еду. Лопухость, присущая эльфам и нахмуренный, похожий на водную рябь, лоб.

Сдвинув брови, она посмотрела на меня и тут же ушла.

Не в настроении. Я и не стал настаивать на разговор с ней. Досадно видеть в гневе таких милашек. Я даже тяжело вздохнул. Мне казалось, что все здесь будет несколько... хм... дружелюбнее что ли. На деле же тебе приходится с каждого по слову клещами вытаскивать. Никакой обещанной помощи.

– Ох, ты... – Выйдя из кабинета, проговорила Яна. У нее даже шепот был отчетливый. – Извини за концерт. Зиновьева любит из мухи слона раздуть. Вы уже познакомились?

– М... нет. – А сам подумал: «А должны были?» – Она, похоже, спешила куда-то.

– Жаль, я думала отдать ее в твои наставники. Что скажешь?

У меня даже мороз по спине прошелся.

– Кхм... не думаю, что она согласится на это.

– Это она на публику такая. На самом деле она не такая дикая, как может показаться. – Теперь она пробегалась взглядом по мне. – Я тебя с ней все-таки познакомлю. Думаю, вам будет о чем поболтать. Ну-ну, не делай такое кислое лицо. К сожалению, мы тут все такие, поломанные. Понимаешь, о чем я? – в ответ я отрицательно покачал головой. – Ничего, если не дурак, поймешь. Лучше вот что скажи, ты здесь освоился?

Да, за словом в карман она не лезет...

– Здесь не так уж и плохо, ну, если не брать во внимание собственную безымянность и безразличие окружающих.

– С первым мы что-нибудь придумаем, а о втором даже не парься. Мне потребовалось много времени, чтобы изучить игроков и, кажется, я понимаю достаточно, чтобы ответить на любой вопрос. Иногда люди специально проходят мимо нас, не потому что злые или равнодушные. Кто-то просто боится переступить через твои границы, например. Мы все еще не знаем, что ты пережил. А мысли друг друга мы и подавно не умеем читать. Да и невозможно это. Я всякое перепробовала в рамках эксперимента, но пришла к неутешительным выводам. Бездарно потраченное время. Знаешь, даже изобрети миелофон – у нас не будет такой возможности. Мы, внутри себя, не умеем формировать мысли в отдельные предложения. Нам это просто не нужно. Нам необязательно проговаривать что-то, мы понимаем себя даже с сумбуром

в голове. А вот объяснить то, что у тебя внутри другому человеку – довольно сложная задача. Понимаешь логическую цепочку?

Я не понял, про какие эксперименты она говорит, да и решил не фокусироваться на этом слове. А вот вторая часть монолога меня действительно подтолкнула на некоторые ответы: – Да. Знаешь, а ведь и правда. Ты даже, в каком-то смысле, утешила меня. Без шуток.

– Хорошо, если так.

– Но, подожди, у тебя же это получается. Как?

– Объяснять, что происходит? Ах... Многолетний опыт, и только. – Не без печали ответила та, отведя от меня взгляд. – Знаешь, я несколько старше, чем выгляжу на самом деле. Именно поэтому я здесь.

На вид я бы дал ей не больше 18-ти.

– Прости, у меня в голове не укладывается.

Та посмеялась. Я заставил себя сдержать улыбку. И без того чувствую себя глупо.

– Это занимательная история, которая требует нескольких написанных томов о моих приключениях. Я бы рада рассказать тебе об этом, но не могу. Во-первых, это слишком приватно, без обид.

Я так смутился, что даже жарко стало: – Т-ты не обязана мне... я понимаю.

– Это тоже хорошо. Далеко не все понимают, поверь. Ты уже подаешь надежды. – Она потрепала мои волосы, от чего

мне даже стало не по себе. Мне казалось, что она чувствует мое учащенное сердцебиение. – Ну, а во-вторых, твоя история, на данном этапе, стоит на первом месте. Удалось вспомнить что-нибудь?

Вот и пришло время спуститься на землю самому.

Неловко поерзав на месте, я смог выдавить из себя лишь короткое: – Нет.

Ответ ее был холоден и безэмоционален: – Плохо. Значит, одного дня недостаточно, что, в общем-то, ожидаемо. Нам нужны какие-нибудь триггеры. Не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем. Всякое случалось на моей памяти и толи еще будет... А пока, чтобы ты вник в здешние правила, можешь выполнить для меня один квест?

– Поверить не могу, что Яна вот так сразу дала тебе задание, предварительно не потренировавшись. – Спокойно сказал мой собеседник в серой шапке, с которым меня отправили в этот «поход». – Да еще и с...

Худенькая девушка, которая в тот день спорила со своей начальницей, шла впереди нас. Услышав, что речь идет о ней, она обернулась и недовольно хмыкнула. Парень не дрогнул, но все же с грустью вздохнул.

Он что-то собирался сказать, но я его перебил, чтобы не создавать еще более неловкую ситуацию: – Яна говорит, что я подаю надежды.

– Вот так просто? Хм, не похоже это на нее.

Я пожал плечами: – Мне многое предстоит узнать, не так ли?

Тот пожал плечами, не выразив ни единой эмоции. Как оловянный солдатик. Такой же тонкий, высокий, стойкий: – И да и нет. Посмотрим, как ты будешь схватывать налету. Меня, кстати, Игорь зовут. Мы ведь не представились. Моя оплошность. Она – Саша.

– Очень... приятно...

Когда та повернулась к нам, я заметил, что она стала мягче. Только спокойно кивнула, не произнеся ни слова.

Может, все не так уж плохо, как мне казалось? Даже полегчало немного. Этот парень явно не из тех, кто лезет на рожон.

Я прошептал близ своего компаньона: – А она всегда такая...

– Вредная? Да, всегда. Смирись.

Он говорил громко, чтобы та слышала. Похоже, они были достаточно близки, чтобы не стесняться озвучивать свое негативное мнение.

Я сглотнул. Еще никогда маленькие девочки не вызывали у меня чувства тревожности. Точнее, я все еще размышляю по интуиции. Мне кажется, они как декоративные собачки: больше шума, нежели прямого назначения.

– А ты, получается, так ничего и не помнишь?

От досады я помотал головой: – Совершенно. Это плохо, да?

– Нет. Не совсем. – Подключилась девушка, позабыв о плохом настроении: – Это может вызвать проблемы, но даже в противном случае мы найдем способ их устранения.

Я также решил не выяснять отношения. Буду общаться со всеми так, как они со мной. Так удобнее: – Странно, но это не звучит ободряюще.

– Мы лишь стелим солому на вероятное место падения. – Продолжил Игорь: – И ты предупрежден, и мы наготове. Будь бдителен.

Я все шел и о многом размышлял. Всего и не припомню. Такая мешанина в голове. Столько людей, уроков, куча материала. Как тут получается что-то вспоминать?

Идти предстояло долго, а путь тернистый, несмотря на хорошую погоду.

– А... сколько у вас...

– М?

– ... случаев... Точнее, сколько у вас таких проблем, как я, было?

Они в недоумении встретились глазами, но спустя короткую паузу Игорь решил: – Ну, именно такой, как ты, – первый. А так, ну, всякое было. Да и всякое будет.

– То есть, я – первый игрок без памяти?

– Скорее без предыстории. И, признаться честно, мы не знаем, как к тебе подобраться. С тобой, кроме Яны, никто не знакомился, так ведь? Так вот, как бы сказать... Не то чтобы люди тебя боятся. К тебе не подступиться. Вот такой ты –

уникум. Это не шутка и не сарказм, правда. У нас за плечами есть опыт, поэтому твое появление здесь и интересует и настораживает одновременно.

– Ну, класс! – Выплеснул я, ощущая усталость, вызванную внутренним бессилием. – Может быть, я еще и избранный!?

Саша остановилась и, насторожившись, посмотрела сначала мне в глаза, потом Игорю. Я чувствовал их молчаливое согласие, и потому тут же принялся развеивать этот созданный мною миф: – Так, подождите, нет. Нет, нет и нет! Вы же понимаете, что я сказал это, не подумав?

– Мы тоже так не думаем. – Ответила она, – Точнее, не хотим об этом думать.

– Избранность – это миф. Мы не понаслышке знаем об этом. Но и отрицать твою исключительность мы тоже не можем.

– Поверить не могу... Я что, единственный человек во всей Вселенной без имени?

– О, нет, не единственный. У нас, кстати, есть одна безымянная. Так ее долгое время и называли. Сложный был случай. Очень долго мы с ней боролись. Кучу нервов и времени потратили.

– И как вы решили этот вопрос?

– Затянувшимися на несколько попыток битвами. – Ответила за Игоря Саша. – До сих пор помню ее стрелу в моей спине. Ох, не сладко же нам было.

Попытки?... Это еще что такое?

– И как вы помирились?

– Дали ей имя.

– Всего лишь? Тогда... может, и мне...

– Ну, тут тоже не все так просто. С именем надо прижиться. Власти, так сказать, корнями. Стать этим именем. Вот смотри, тебя как Яна учила? У всего есть имя, да?

– Да.

– Так вот, что тут имеется ввиду. Тебя можно назвать девочкой или мальчиком – и ты уже существуешь. Неполноценно, правда, но ты себя уже как-то ассоциируешь. Мы вот когда Инкогнито стали так называть, та стала более... человеческой, что ли. Даже спину начала выпрямлять. Когда она постепенно стала краткой Ингой – так и вовсе цвет в лице приобрела. Имя – это самое великое заклинание во всей Вселенной.

– Заклинание? Хм, никогда бы не подумал, что...

– Это образно говоря. – Подхватил Игорь. – В этом есть своя «магия».

– Ага. Даже бытует легенда: Зная имя человека – его легче подчинить себе. Жестоко, но... что-то в этом есть правдивое. Так что и с этим лучше быть начеку.

Я невольно задумался: – Хорошо, но тогда... какое можно мне...

– Пригнитесь! – Крикнул он, и мы с Сашей немедленно повиновались. Так я впервые понял, что такое стресс. Сердце колотилось, а кожа мгновенно покрылась холодными ис-

паринами, словно роса поутру. Неприятное чувство и физические ощущения такие же. Даже внутренние органы будто скрутило узлом.

Тишина нагнетала, лишь шевеление в кустах ставило нас троих в недоумении.

Наконец мимо нас просвистела стрела, но мы не стали ее мишенью. Она вонзилась в ближайшее дерево.

Не успел я моргнуть глазом, как Игорь буквально нырнул в предполагаемое укрытие зачинщика.

– А что он...

– Не беспокойся. – Сказала Саша, но у самой спокойствия на лице не было. – Он знает, что делает.

Хлест! Хлест! Доносились удары по металлу. Звуки не были громкими, но неприятный лязг отдавался даже по внутренностям. Вероятно, противник успел отбежать на некоторое расстояние. Это настораживало не только меня, но и девушку.

– Нехорошо... – прошептала она и встала в полный рост, не боясь нападков. Как только она выпрямилась в боевую стойку и вынула меч из ножен, кусты снова зашевелились. Как же тут густо росла трава, ни черта не видно и непонятно. Я сжался и сглатывал слюну. Минута изнурительного ожидания и как назло не знаю, что делать. Меня еще не учили этому...

– Это я. – Донесся оттуда голос Игоря, как ни в чем не бывало. Саша с облегчением выдохнула. А я так и оставался

согнутым в три погибели. Не получалось откатиться до первоначального состояния, когда тебя ничего не тревожило. Я даже думать забыл, о чем мы говорили еще буквально пять минут назад.

Правда, теперь я чувствовал скованность и, наверное, стыд. Я встал и отряхнулся. Старался дышать бесшумно, чтобы никто не услышал насколько мне тревожно.

Сам воитель держал за шкурку какого-то мальчика. На вид ему было лет 14, не больше. Носил толстовку, но с головы до пят затянут в кожаные латы. Не самый смелый парень, а быть может, знал, с кем будет иметь дело. И без того потрепаные джинсы были извозюканы в пыли, а в глазах мельтешило нескрываемое беспокойство. Впрочем, телом он был смирен.

Я только сейчас понял всю комичность ситуации. Не знаю, кем были мои компаньоны, но их боевой хватке можно было только позавидовать. И погрузить...

Игорь держал мальчонку, словно кролика, пойманного на охоте. Да еще и тот не смел сопротивляться. Видимо, тактика такая. Знает, что будет только хуже.

– Это он в нас стрелял?

– Видимо он. Тут больше никого нет. По крайней мере, не нашел.

– Странно. Гимназисты нынче непродуманные пошли.

– Они расслабились от нашего бездействия. Ничего удивительно.

Пока они обменивались репликами, я смотрел то на него, то на нее. У обоих в лице усталость, а в голове – непротивление судьбе. Будто еще недавней тревоги и не было. Они что-то знали, но меня не посвятили в курс дела. Даже обижаться не хочется. Тут остается только ждать.

– Ну, и что ты этим хотел добиться? – спросила она, подойдя к мальчишке. Тот только сейчас начал извиваться в руках оппонента постарше, но тщетно.

– Бесполезно. Их всех перед заданием поят «Вечным молчанием». Хорошо, когда у тебя в команде есть маг.

Та фыркнула: – Обойдемся. Но мы такими темпами никогда ничего не узнаем.

– Таков их план.

Саша, в знак согласия, кивнула.

– Начнем?

– Начнем.

Я только хотел спросить: «Что происходит?», как тут же все озарилось светом, который слепил глаза. Я не сразу смог раскрыть веки, прикрываясь тыльной стороной ладони. Долго привыкал к «белому полотну».

Не прошло и минуты, как я смог разглядеть какие-то непонятные символы. Он словно дирижировал в воздухе. Крутил картинку, увеличивал, потом наоборот – делал меньше.

– Ты в порядке? – спросила Саша, уже успев подтянуться ко мне. Тоже щурилась, но, видно в силу опыта, умела сдер-

живать мимику. Может, не такая уж она и вредная. Заботы в ней тоже хватает, просто, я поддался первому впечатлению?

– Да, но... что это все значит?

– Это то, ради чего мы сюда пришли. Чистим код, чтобы устранить частицы хаоса и избежать гнева Вселенной. Для этого мы, можно сказать, «открываем внутренности» и игрока, и места, и события. Смотрим, что пошло не так и где ошибка. Дело скучное, занимает много времени и требует кучу наработанных знаний, но необходимое. Иначе – кирдык всему миру. Законы Вселенной надо соблюдать.

Не скажу, что понял, но это звучало уже интереснее: – Я думал, нас просто отправили патрулировать эти заросли и собирать всякие ништяки.

– Так и есть. Просто с одним нюансом – видишь аномалию, сразу заботься о ней. Иначе частицы хаоса станут распространяться повсюду, а их последствия непредсказуемы. Понял?

– Ну, вроде...

– Ты, наверное, еще не смекаешь всей механики? Да, я тоже. Хотя, я кое-что умею, но... Я – всего лишь паладин с не самыми высокими статами. Игорь вроде худо-бедно понимает. Он – хороший ученик, но плохой учитель. Если тебя интересует все это, тебе придется подружиться с остальными.

Я призадумался, но сам наблюдал за этими манипуляциями. Он больше рассматривал все эти символы, чем что-либо делал с ними. Сам виновник лежал подле него, будто ско-

ванный.

– А почему он больше не шевелится?

– Игорь написал кое-что в коде. Типа заклинания, но не совсем. В общем, это позволяет игроку застыть на месте. Он всегда так делает. Думаю, это оправданно. Никогда не знаешь, что ожидать от человека.

Мне это не понравилось. Должно быть, это ужасно, когда тебя лишают выбора, даже если иначе никак. Спустя короткую паузу, я снова решился на вопрос: – И как часто вы их ловите?

– В последнее время их очень много. Вот вчера наши трех изловили. Позавчера пятерых. Они появились примерно месяц назад, когда шел дождь. У них есть какая-то цель, но мы ее, конечно же, не знаем.

– Получается, от вас тоже требуют ответы, которые вам не даны?

Она невесело улыбнулась: – От нас всегда их требуют. Такова бюрократия.

Сейчас я рассматривал эту девочку. Она была маленькая, щупленькая, но милой не назовешь. Ее броня была потертой, изношенной. Да и меч худоват, вот-вот в руках рассыплется.

Игорь был ее полной противоположностью. Он и высок и статен. Умудрялся выглядеть солидно даже в неказистом головном уборе. Заботился об оружии и держал его в идеальном состоянии.

Удивительно, что они смогли подружиться. Быть может,

это не так сложно, как кажется?

С сегодняшнего дня я завел дневник для записей. Я выпросил ее у Яны, аргументировав своим восхищением от ее проделанной работы. Спротивляться не стала. Решила, что это будет полезно для общего усвоения знаний.

После моего, если можно так сказать, крещения совместным походом на задание, прошло пару дней. За это время прошло много разного. Точнее, на меня был вылит целый ушат необходимой информации, которая должна пригодиться мне в игре. Правда, есть одна непосильная задача – запомнить все это.

Яна, лидер этой субкультуры, старается лояльно относиться ко мне, но я чувствую ее пассивное неодобрение. Честно говоря, не знаю, как к ней относиться. Она мне вроде бы и нравится, да и подходит под роль моего учителя. Мне приятно слушать ее объяснения, истории, возможные исходы от опрометчивых решений. В то же время я чувствую исходящее от нее напряжение.

Да, я доставал ее. Ну, не в прямом значении этого слова. Как надоедливый ребенок. Сам знаю, но ничего с собой поделать я не могу. После той стрелы, что пролетела буквально в нескольких сантиметрах от меня, я осознал, насколько я жалок и беспомощен. Я даже не знаю, что я умею.

Мне стало так тяжело на сердце, даже погода испортилась. Сейчас моросит неприятный холодный дождь. Я бы не при-

дал этому значения, но Жабик, земноводный мальчик, помогавший в этот день прибирать библиотеку, остро отреагировал на эти капризы природы.

– О нет, ну только не снова!

Я тяжело выдохнул и пожал плечами. Да, мне говорили, что до недавнего времени несколько месяцев шел беспрерывный дождь, наполняя улицы грязью и сточными водами. Они называли это время «Великой меланхолией». Все было окрашено в сине-зеленые оттенки. Многие впали в уныние. Ментальную спячку. Апатию. Однако я не придавал этому большого значения. Да и не до этого мне было. И без того грусть не отпускала. Какое-то резкое бессилие, перед которым я не властен.

– Думаю, это скоро прекратится. – Я чувствовал, что должен как-то поддержать его, но кроме ободряющих слов, пусть и не искренних, ничего в голову не приходило. Моя ничтожность пробрала меня изнутри. Может, моя безымянность начинает давать о себе знать.

– Не, такими темпами – не скоро. – Он оскалил свои острые зубы. Должно быть... это была улыбка. – В феврале все также начиналось. День моросило, два, а потом будто на небесах кто-то кран забыл закрутить. Дежавю, можно сказать.

– А?

– «Когда-то виденное», говорю. История повторяется. Мне-то ладно, я и не в таких болотах жил, но... это давно

в прошлом. Я уже и забыть успел, как существовал раньше. Тем более, когда тебя окружают люди, сплошь недовольные тем, что имеют, вольно-невольно сам перенимаешь такие настроения.

Даже как-то стыдно стало. Вот я сейчас записываю все накопленные знания в тетрадку о чудовищах, ветках умений, статах и прочих подводных камнях этого замысловатого мира. Знаю ли я что-нибудь о тех, с кем я стою рядом, пусть и вынужденно?

– А какую жизнь ты жил раньше?

– Ну, как какую... ты же видишь, я земноводного вида. – Да, это не для кого не секрет, но... в этой Вселенной, если я правильно понял, все эти виды, расы, классы – было лишь средством распределения. Эльфы, гномы, нежить и прочие, разумеется, имели некоторые отличия от «обычных людей», но это не видно при первом впечатлении. Да и при втором тоже. Оно скорее имело условный характер. Просто, чтобы знать – какой человек стоит рядом с тобой. Что предстоит от него ожидать и что обобщенно собой представляет. Как знаки зодиака. Вот и сам Жабик. Да, он вроде как произошел от каких-то амфибий, но ничем, кроме зеленоватого оттенка кожи и мутации пальцев, от меня не отличался. – Мои дальние родственники давно вышли из болот, чтобы начать учиться, когда образование стало доступно каждому. Хотя, время от времени, мы посещали родные края. В детстве я так и вовсе не хотел вылезать обратно. Сейчас, оглядываясь

назад, я понимаю, что если бы мое желание сбылось, ничего кроме уныния меня не ждало бы. В болотах нет будущего, увы.

– Звучит грустно.

– Се ля ви, как говорится.

– Селя... что?

– Крылатое выражение такое. Устоявшееся, то бишь. Переводится от заморского: «Такова жизнь», если я правильно помню. Это я о том, что некоторые обстоятельства никак не зависят от нас.

А он образованный парень, хоть и говорит с акцентом, да и явно фанат всяких дырявых вещей, больше похожие на мусор.

– Ты можешь вытянуть родственников из болота, разве нет?

– Нет. Не могу.

– Почему?

– Некоторые люди не хотят быть спасенными.

Я так удивился. Как это: «Погибать и не желать спасения?» Мне казалось, что во Вселенной некоторые инстинкты работают совсем не так.

Я хотел задать резонный вопрос, но не решился. Боюсь, почему-то. Даже дрожь по спине прошла. Я будто неосознанно знал, что так бывает, но не хотел вслух проговаривать эти домыслы из своей головы. Да, чтение мыслей – неосуществимая мечта, как ни старайся.

– Слушай, а все-таки, кто мы такие?

Жабик замешкался. Всегда, когда я задавал этот вопрос напрямую кому-либо, сами словно были под действием «Вечного молчания». То ли правило у них было такое, то ли за этим стоит что-то большее. Ясно одно: на эту тему разговаривать было не принято.

Я попытался снова: – Ну, то есть... вы вот говорите, что у всего есть имя, так ведь? Получается, вы же как-то себя называете, иначе не существуете.

– А ты подхватываешь налету. – Ответил он, прикусив нижнюю губу от досады. Тут же приблизился и начал вполголоса: – Понимаешь, есть такое соглашение: Мы себя не выдаем. Понимаешь? – Я кивнул, чтобы избежать неловкой паузы. – Есть тут, в стенах школы, две группы. Одни называют себя советчиками. Вторая – это блюстители. Одни запутывают, другие распутывают. Вот такая вот игра.

До меня дошло некое озарение. Не то чтобы это давало ответы, но в этом был хоть какой-то смысл. Даже печаль начала исходить на нет. Да, это оставалось некой загадкой механики, уловить которую было непросто, но главная задача начала проясняться.

– А эти самые «блюстители» уничтожают частицы хаоса?

– Разумеется. Это основа основ.

Так вот кто я и кто они...

– А те, другие, их порождают? – Жабик в ответ тоже кивнул. – Какое-то вечное противостояние света и тьмы полу-

чается.

– Хм, и да и нет. Тут нет чистого цвета. И у тех и у других – сплошные полутона.

– Но как же так? Разве в древних легендах не говорится о...

– Эскапизм и идеализм непомутненного разумом рассудка. Такого не бывает. Легенда всегда остается сказкой. Она никогда не бывает былью. Ну, разве что частично может оказаться правдой. Полуправдой, точнее. Ожидания не всегда сходятся с реальностью. Почти никогда.

– То есть, ни те, ни другие – не хорошие, не злые?

– У них просто нет такой установки. Есть роль и она выполняется, во имя Всевышней и ее воли.

Он и сам был печален. Тяжело вздыхал, смотрел на капли дождя в окне. Разрушать мои убеждения ему явно не доставляло удовольствия. Будто хотел сам принять хоть какую-то сторону, но наличие негативного опыта не позволяло этому свершиться. Да и существует ли этот самый чистый тон, черный или белый?

Себя, как личность, он вечно нарекал неким «анархистом-нонкомформистом». Вечно всем перечил. Самоутверждался путем стремления «не быть как все». Наверное, это было его исцелением от ненавистных устоев, которые ему навязывали ранее. Говорят, если один раз забрался на болота, ты больше из них не вылезешь. Жабику и его семье это удалось и теперь он интегрирован в общество, да так, что от че-

ловека не отличишь. Так у меня возник вопрос: «Существует ли предназначение?»

Почему? Не знаю. Надеюсь, это отголоски моей былой жизни. Глядишь, хоть что-то вспомню.

Меня нашли в яме, в сырой от дождя земле. Как долго я там был? Не помню. Как оказался там? И что же все-таки случилось?

Я отвлекся на ту самую полку, которая целиком и полностью принадлежала нашему лидеру. Никому не было разрешено даже протирать ее от пыли, а уж тем более брать содержимое. Я не задавался соответствующими вопросами. Их и без того было много, а прихоть начальства не вызывала скепсиса. Так надо, вот и дело с концом.

В библиотеку начали проступать лучи солнца. Дело как раз близилось к закату.

– Надо же, распогодилось.

Я отдернулся от раздумий: – Да, и в правду. Погода резко изменилась. Я даже не заметил этой перемены.

– Я тоже. Отвлекся на две капли. Было интересно, какая первой достигнет финиша. Ну, что ж. Тогда грех не пойти потренироваться.

– Хорошая идея, наверное. Удачи в занятиях.

– А для тебя что? Отдельное приглашение нужно? – Он оглядел меня с головы до ног и залился звонким ребячьим смехом. Жабик не носил брони, да и ростом был мелковат. Руки худые, ноги кривоваты. Его боевая амбициозность, при

таких габаритах, выглядела комично и нелепо. – Ты со мной идешь!

Я даже замаялся. Честно говоря, за всю эту неделю пребывания здесь, я устал от командования. То Яна со своими наравоучениями, то те двое, словно ребенку, объясняют простейшую суть. Мне неловко быть беспомощным ребенком, который только что вступил в этот мир. Мне стыдно быть никчемным. Я знаю, что из этой затеи ничего хорошего не выйдет. У меня нет боевого опыта, а потому среди остальных я буду отличаться и не самым лучшим образом.

– Не думаю, что это хорошая идея...

– А ты не думай. Ты делай. Давай, никаких отговорок не принимаю. Пошли-пошли! Шишки сами себя не набьют.

Я прикусил губу: – А я не... самоустраюсь?

Тот даже начал голову чесать, не понимая как корректно ответить на мои опасения: – Устранение – закаляет боевой дух.

Конечно, это неправда, но спорить не входило в мои планы.

Я последовал за ним, так низко опустив голову, что мои сопли падали бы не на футболку, а на пол.

Эту запись я выделю жирным текстом, так как считаю ее очень важной. Я бы даже сказал, это отправная точка моего дальнейшего повествования.

Дело в том, что когда мы тренировали удары на тряпич-

ном чучеле, произошло что-то очень... странное. Но было ясно одно: это, сам не знаю как, сделал я.

Обо всем по порядку.

Мы пришли в спортивный зал, где было предполагаемое место встречи, но его заняли другие ребята. Простые ученики, никак не связанные с нашей... кхм... организацией.

– Похоже, не судьба? – Понадеялся я, но, как видно, зря.

– Да не. Это частая практика. Тут какая-то секция баскетбола. Нам не сюда.

Жабик достал из кармана ключи, и мы вошли в кабинет учителя. После, закрыл за собой дверь.

– Тесновато тут, ты уверен, что...

Но он меня не слушал. Он отодвинул шкаф, полностью забитый всякой документацией, и теперь моему взору открылась еще одна дверь, на которой была приколочена табличка с надписью.

– Безопасный выход? – Не без скептицизма спросил я.

– Ага. Тупо, да?

Да уж, скрывать такие важные элементы от глаз учеников – хуже не придумаешь.

Так мы вышли на улицу, в заднюю часть школы, огражденную со всех сторон металлической сеткой. Поэтому так нужны были все эти манипуляции. С улицы ты сюда не выйдешь, если только у тебя хватит сил перепрыгнуть через все это дело. Не так просторно, как в зале, но есть где развернуться и толпе.

Здесь было пятеро наших: уже знакомые мне Саша с Игорем, двое неразговорчивых парней со странными кличками «Сухой» и «Полусухой», и... кхм, Мара? Ей-то здесь зачем быть?

В общем, никто не удивился нашему присутствию. Все-таки они не самая радушно принимающая компания. Будто мое присутствие здесь – это что-то должное.

Благо, Жабик поздоровался первым. Остальные тут же подтянулись.

– Я решил привести новичка сюда. Лишним не будет.

– Да, давно пора. – Сказал Сухой.

– Ага. – Подхватил Полусухой.

Я еле сдерживался от смеха. Мало того, что их имена вызвали недоумение, так и сами они не отличались серьезным видом. Они были похожи друг на друга лицом, но отличались ростом. Полусухой еле доставал до плеча своего товарища и по телосложению выглядел несколько плотнее. Другой же имел долговязую фигуру. Может, этим и спровоцированы такие «самые сильные заклинания во Вселенной».

И все же волю чувствам давать нельзя было. Некультурно как-то.

– Мы тут отработываем всякое, – втиснулся Игорь, – смотри и запоминай. Потом сам повторять будешь.

Мне оставалось лишь кивнуть в ответ.

После шквала ударов, пусть и ненастоящим мечом, я даже как-то заметно ожил. Это было впечатляюще. Не думаю,

что я такое уже видел ранее. Однако это всяко лучше, чем записывать конспекты в тетрадку.

Тот, как и ранее, был словно дирижер на репетиции большого концерта. Меч рассекал воздух. Доносились пронзительные свисты, глухие удары об деревянную основу, разрывы тонкой ситцевой ткани на тонкие нитки. Повсюду летали мелкие клочья пуха, а бравый воин и не думал останавливаться. Он будто не знал, что такое усталость.

Раз, два, три, четыре.

Я уже перестал считать количество выпадов, так быстро они настигали условного врага и все сплошь по назначенному туловищу. Голова цела и невредима.

Так быстро и так аккуратно. Он перемещался из стороны в сторону, бил снизу, бил сверху, справа, слева, нагибался, уклонялся. Все так, словно мнимый враг был настоящим и также репетировал фехтование на своем оппоненте. Пожалуй, именно этой динамике и пластичности движений мне не хватает. Я не думал о том, повторю ли я. Нисколько не сомневался. Настолько я воодушевлен этим показом.

Саша, заметив мой энтузиазм, подвинулась ко мне и шепнула: – Впечатляет, да?

– Еще бы. Я... никогда не видел ничего подобного. Точнее... да, он тогда тоже сражался, но это было вдали от наших глаз и... будто...

– Тогда было скучно. Соперник был ни о чем. – Та тут же опечалилась. Держала голову прямо, но глаза опущены в

пол. – А сейчас еще хуже. Муляж. Я порой сама удивляюсь тому, что он еще умеет.

Мне казалось, что они хорошо ладят, но, похоже, они не так близки.

– А разве вы не друзья?

Она стиснула губы. У меня по спине прошел жар. Даже в небе сверкнула тоненькая, еле заметная, молния, при этом насторожив всю команду. Зря я это начал. Мне не хотелось задевать ее, а уж тем более уязвлять больные места. Какие они все... неоднозначные что ли? Эти полутона даже на отношения распространяются. Так странно... Они будто сами себе сложности придумывают. Ради большего интереса.

Правда, она быстро пришла в себя, а я забыл, о чем размышлял: – Друзья, но это же не значит, что он обязан мне все докладывать.

На этом мы и закончили.

Я решил сменить тему, чтобы и ее отвлечь, да и себя немного приземлить от зрелища: – Кого-нибудь сегодня поймали?

– Нет. Они во время дождя хорошо прячутся.

– Так, может, они и не выходили вовсе?

– Я бы тоже так подумала, но ранее им это не мешало.

Я невольно задумался: – Что же у них за цель такая, ради которой стоит терпеть выпавшее на их головы ненастье?

Она усмехнулась, от чего у меня даже на сердце отлегло. Хорошо, что она отходчивая.

– Неплохо сказано. А что насчет вопроса, я бы сама рада знать ответ. Они нас провоцируют, я уверена в этом, а вот цена нападения, по всей видимости, того стоит.

Интересно. Никогда нельзя быть абсолютно убежденным в чем-либо. Одни покушаются на жизни, пусть и игровые, других.

– А если оно того не стоит?

– Ох, ну это самодурство чистой воды, такое бывает, но я в это не верю. Не этот случай. Они, гимназисты, не так умны, как о себе думают, но заниматься откровенной глупостью они точно не стали бы. Какой-то интерес присутствует и как минимум у их лидера. Иначе, зачем им всякие сказки науськивать?

Я хотел было спросить еще кое-что, вероятно, про лидера, но к нашему разговору присоединилась Мара.

– А это тебе зачем? – Поинтересовалась она, указывая на тетрадку в моих руках. – Удары, что ли, записывать?

Я бы посмеялся, но почему-то мне стало так неловко от этого замечания. Будто за преступлением уличили, ну или за другим постыдным занятием. Поэтому я поспешил убрать ее во внутренний карман пиджака, не забыв при этом залиться пунцовой краской.

– Я... пишу то, что мне говорят.

– Дневник что ли ведешь? Ну, ты и зануда. – Она говорила ровно, беспричастно, как о каждодневной рутине. Меня злил ни сколько сам факт ее самоутверждения за мой счет,

сколько отсутствие защиты со стороны Саши.

– Я не...

– Эй, – крикнул Игорь, – мы вам не мешаем?

Тут я и вовсе покрылся холодным потом, а сама девочка-бард спокойно покачала головой. Впрочем, он не выразил никакого внимания на такую откровенную наглость с ее стороны. Я сжал кулак. Небо снова озарило, теперь более ярким лучом молнии.

Он, смотря в небо, продолжил: – Так, похоже, нам надо спешить. Что-то запомнить успел? – Моей смелости хватило только на пожатие плечами. – Тогда просто покажи, что можешь.

Теперь в моих руках была деревянная палка, которая на вид казалась несколько легче. Ее давно используют для тренировок: Вся обкромсанная, в трещинах и вмятинах. Крепкая, зараза. У меня вырвалось невольное: – Лиственница.

– Хм, не знаю, может быть. Я знаю только железные деревья и то из уроков труда. Ты разбираешься в этом?

– Похоже, что да... Точнее... не знаю. Кажется, да. Я однажды держал в руках что-то подобное, но... это нельзя было назвать мечом.

– Может, это палочка? – Спросила Мара. Я вопросительно посмотрел на нее. Та продолжила: – Ну, обрубок самого дерева.

– А... Да, похоже на то.

– Было бы чудесно, если волшебная. – Улыбнулся Сухой.

Полусухой, в знак солидарности, покивал в ответ. – Маг бы нам пригодился.

На это замечание Саша заметно съежилась, а вот ее друг так и продолжал оставаться невозмутимым. Наверное, ее что-то смущало в так называемых волшебниках.

Пришло мое время смущенно сконфузиться: – Очень сомневаюсь. Думаю, я бы вспомнил что-нибудь подобное.

– То, что ты вспоминаешь такие детали – это уже значительный прогресс. – Поддержала меня девушка-палладин, за что я был премного благодарен ей. Хоть какой-то защиты дождался. В последнее время она не казалась мне такой вредной. Может, тоже первое впечатление от меня прошло. Хотя, больше понимать я ее не стал. – Ну, что ж, давайте все-таки поторопимся.

Я кивнул, но бодрости теперь не ощущал. Начинать нелегко.

Сначала я разглядывал меч, потом само чучело. Повертел в руках оружие, слегка подбрасывал воздух. Я слышал, как два закадычных друга со смешными именами что-то шептали между собой, видимо, в недоумении. Моя вера в себя постепенно угасала.

– Просто замахнись на него. – Сказал Игорь, устав от ожидания. – Как бы ты не напал – над тобой смеяться никто не собирается.

Легко ему об этом рассуждать. Сам, видать, с малых лет всему обучен. Может, у него даже родители какие-нибудь ге-

рои. Нет, такими темпами избранным мне никогда не быть. Саша была права – учитель из него так себе.

Я не придумал ничего лучше, как вытянуть руку вперед. Прищурив глаз, я прицелился на своего предполагаемого врага.

Я сделал выпад, еще, а потом еще. Доносились звуки удара дерева о мягкую основу, но намного более глухие, чем у Игоря. Его удары отдавались эхом, а мои – будто камушек в стену кидаю. Даже вибрации от ударной отдачи не чувствовал.

Не получалось. Словно палкой по поверхности вожу. Я не смог найти его внутренний стержень, больно плотно он был набит.

А ведь и, правда, никто не смеялся, как и было обещано, но... я сам разочаровался в себе. Я понимал, что сделал слишком мало выпадов, но не думал, что это настолько сложно.

Руки сами замахивались. Я ощущал небывалую злость и отвращение, которое теперь перекидывал на мишень. С непривычки заболела спина, да и мышцы тоже. Даже шея, казалось, отдавала болезненным напряжением.

Еще удар! Еще! Вроде бы мелкий пух начал плавать по воздуху, но что-то я делал не так...

– Эй, эй! Не делай таких усилий! Ты же только начал! Ты просто напрягаешься, попробуй легче...

Но я не слушал Игоря. Мне так хотелось доказать, что я

чего-то стою. Чтобы ни Мара, ни Яна, ни кто-либо еще не смотрел на меня свысока. В кои-то веки мне была предоставлена возможность показать себя, но я даже этого сделать не смог. Я не мог признать собственное бессилие!

Когда деревянный меч у меня вывалился из рук, чувствуя боль и судороги в пальцах, я так громко ругнулся, что молния ударила прямо в металлическую сточную трубу, находившуюся неподалеку от нас.

Дышал я тяжело и долго. Согнулся так, словно пытался поцеловать землю и не открывал глаза.

Придя в себя, я посмотрел на своих товарищей. Все как один напуганные, лица бледные, глаза широко раскрытые. Даже мой наставник в серой шапке слегка оторопел.

Мне даже потребовалось еще немного времени, чтобы осознать произошедшее.

– Это... ты сделал? – Спросила Саша, указывая на расщепленные куски металла, падавшие на мокрый асфальт. В воздухе стоял еле уловимый запах гари.

– Я... я... – Мне так хотелось похвастать этим навязанным умением, но совесть не позволяла. Даже если это и случилось по моей вине, я не знаю, как доказать это.

– А вы не думаете, что это была случайность? – Пришла в себя Мара, оглядев своих соратников. Правда, голос ее больше не звучал ровно. – И то, что это не он вовсе. Мало ли кто, параллельно с нами, сейчас изучает какие заклинания.

– Это вряд ли. – Сказал Сухой.

– Да, местечко-то закрытое от посторонних глаз. – Подтвердил Полусухой. В окнах никого нет, а жильцы там, вдалеке. Думаю, до нас нет никакого дела.

Тем временем туча, что еще буквально минуту назад нависала над нами, быстро испарилась, как и моя злость.

– Нет, вы как хотите, а я почти уверена, что это неслучайно. Я уже говорила Яне об этом и повторяюсь снова: Твое нахождение неслучайно!

Я посмотрел каждому в глаза: – О чем это она?

Почесав голову, Игорь все же решился озвучить подразумеваемое: – Видишь ли, неделю назад, когда мы... точнее Мара нашла тебя, она позвала нас всех, чтобы достать тебя из ямы. Как ты уже знаешь, до этого несколько месяцев шли дожди, но... он будто шел вокруг. Яма хоть и была сырой, как ни крути, земля вокруг насыщалась водой, но само «гнездо» не наполнялось. Мы не поверили в это, пока не убедились в этом сами. Сначала мы думали, что где-то рядом какая-то геологическая аномалия, или, может, артефакт, но ничего не нашли. А в тот день, когда ты очнулся, дожди прекратились.

– Поэтому я со всей ответственностью заявляю, что ты как-то причастен к этому! – Дополнила его подруга.

Теперь уже и я чесал голову в поисках скрытого в нем ответа: – То есть, я могу управлять погодой?

Он засомневался: – Не знаю, управлять ли? Однако погода реагирует на тебя. Что ты сделал до того, как призвать молнию?

– Ничего не делал. Удары отработывал, сами видели.

– Так-то оно так, но... Должно быть что-то еще. Погода меняется не просто так и сегодняшний день этому подтверждение. Больно контрастная она была сегодня. Ты не делал никакие жесты руками? Я знаю, что некоторые маги умеют накладывать заклинания, не произнося слов.

Я осмотрел ладони.

– Даже если и так, то я вряд ли вспомню последовательность. – Мне не хотелось разочаровывать их, да и сам уже воодушевился этой идеей. – Может, мне стоит снова поколотить чучело? Авось, что-нибудь произойдет?

– Плохая идея. Мы не знаем, что произойдет на этот раз. Может, этот раскат – только начало.

– Саша права. Мы не можем так рисковать.

– Подождите, – вмешалась Мара, – вы не слышали? Он что-то сказал, прежде чем все это случилось. Ты не помнишь что именно?

Хороший вопрос, вот только знать бы на него точный ответ. Правда, я тут же покраснел от осознания содеянного. Я ведь был вне себя. Наговорить я мог лишнего, поэтому ответил кратко: – Кхм... ч-черт, вроде.

Они снова замялись.

– Что скажешь об этом? – Спросил Игорь хилершу.

– Не, так черта не вызовешь. Его вообще из преисподней фиг выгонишь, его даже забытые ключи и носки давно не привлекают. А уж когда изобрели видеоигры... нет, одно-

значно – нет. Да и природных катаклизмов он с собой не приносит. Так, мелкую пакость. И все-таки, ты что-то сделал. Может, ты просто зол был?

– А ведь и правда, – оживилась Саша после долгих раздумий, – может, погода реагирует на твое внутреннее состояние? Смотрите, небо снова становится ясным, да и ты ослаблен, ну, вроде. Не знаю, существует ли такая магия, но... я думаю, все возможно, не так ли?

После непродолжительного словесного анализа мы на этом и остановились. Смысла продолжать эту дискуссию не было.

Когда мы шли обратно в здание, я услышал тихое: «Саш, нам все-таки нужен маг. Хочешь ты этого или нет». Она в ответ что-то пробубнила, но я не стал вникать. Пусть это косвенно и касалось меня, но подслушивать чужие разговоры было стыдно.

Подумать только, я – маг! Может, мне и не дано быть умелым воителем, но я способен на что-то другое?

Как приятно осознавать себя «кем-то».

Глава 2

Я услышал их шаги, когда им удалось подойти ко мне почти вплотную. Я не видел эти лица в стенах школы, а потому их принадлежность к гимназии не вызывала у меня сомнений.

Ах, да, я всегда забываю вставлять важные замечания. С последних событий прошло еще две недели. Я не делал личных записей. Единственное чем пополнилась моя тетрадка – это рецептами простейших зелий, если я решусь освоить эту ветку умений. Для них не требуется особых усилий и тайных знаний, но и с нуля данное ремесло тоже не начнешь.

Даже простейшие умения (по словам моих соратников) казались мне непосильной ношей. Пусть та молния воодушевила меня, но больше я призвать ее не мог, как не старался. Тогдашняя глупая долбежка деревяшкой о чучело – только подкрепляло отсутствие веры в собственные силы.

Также Яной было одобрено распоряжение на хранение холодного оружия. Небольшого, правда. Мне выдали стальной кинжал в длину не более двадцати сантиметров и только для самообороны.

Удары отрабатывал я по-прежнему плохо, а потом я и вообще пристрастился к игре в «Обличи дурака», за что получил еще больше нагоняя от нашего лидера. Да и сам понимал, что

трачу время впустую, но это позволяло разгрузить мозг. За короткий срок времени мне пришлось много чего заучить, а потому отдых лишним назвать нельзя.

К моему обучению подключились и другие члены нашего необычного комьюнити. Близки мы не были, но теперь я знал, что их было 12, не считая меня. Их отличала от всех только общая отрешенность от мира и нежелание привязываться к кому-либо. Люди как люди.

Правда, одна девушка меня не на шутку пугала. Как раз та Инкогнито, о которой ранее говорила Саша. Очень... необычная девушка, а главное – непонятного возраста. Да и общалась она странно. В сравнении с ней, Мара просто амбассадор вежливости и учтивости. Ей всегда удавалось застичь меня врасплох. Бывало, она вот находится в одном месте и стоит только моргнуть, а она уже позади меня.

– Так вот как выглядят настоящие призраки. – Однажды решил я пооткровенничать с Сашей, когда мы были на тренировках. Не буду лукавить, я даже как-то притеснился к ней. Я знал, что Зиновьева – человек сложный и закрытый, но плохой она не была. Заметно, что собственные тараканы в голове мешают дышать полной грудью, с чем изрядно борется. Да и прямота в общении подкупала.

– О нет, она – человек. Поверь на слово, как бы трудно это ни было.

Я даже слегка опечалился. Отличать одних от других я совершенно не умел. Не понимаю, как другим это удается. Да-

же тот же Жабик – если бы не иссиня бледная кожа, в жизни бы не подумал о его настоящем происхождении. Деформированные пальцы совсем не пугали. В болотах лучи солнца слабо проникают, потому генетика решила все по-своему.

Погода также не менялась. Было ясно и тепло. Я даже и думать забыл о своем внезапно всплывшем таланте.

Но перейдем к сегодняшнему.

Когда я ощутил тепло чьей-то ладони у моего рта, в моих глазах время будто замедлилось. Как в боевиках, которые я смотрел на прожекторе, ночуя в кабинете ОБЖ.

Скрестили предплечья, ноги подбили. Я был полностью обездвижен.

Они же действовали стремительно, не издавая лишнего шума. Я не успевал реагировать на происходящее. Рука так сжала мою челюсть, что я не мог не почувствовать неприятную и тугую боль. Я зажмурил глаза и стиснул зубы. После я сообразил, что мне не стоит терпеть все это. Инстинкт самосохранения описывал мне возможные картины, но были ли они эффективны?

Недолго думая, я решил «поставить на карту все».

Кое-как я разомкнул челюсти и пытался кусаться, но тщетно. Со стороны это походило на убогие попытки ущипнуть губами чью-то кожу.

Я даже зарычал от безысходности.

Облака скрыли свет солнца, и прямо на глазах все округу покрыло тенью.

Я почувствовал что-то, будто виденное ранее. Не думаю, что я оказывался в таком же положении, но... я помню само чувство неотвратимости происходящего. Я знал, что ничего не могу сделать и это ужасало, но точно не впервые.

Подумать только, у меня в кармане был предмет, способный защитить меня, но мои руки не способны дотянуться до него. Я даже не мог разобрать, как выглядит мой соперник, только общие очертания.

И как только силы собирались покинуть меня, что-то просвистело мимо меня. То была стрела. Сашина. Я видел такие только в ее колчане. К этому времени меч совсем рассыпался на части. Так она бросила ближний бой и занялась всерьез стрельбой. Я догадывался, что тот взгляд на тренировку изменил ее отношение к бою.

– А теперь медленно освободи руки!

Кажется, она стояла позади, чтобы держать обидчика на прицеле.

Я почувствовал, как и мои и его руки постепенно разжались. Как бесконечно долго длился этот жест.

– А теперь – руки вверх!

Он поворачивался к ней, выполняя требование, а я тут же отпрянул в сторону. Да, этот парень был и выше и крупнее. У меня изначально не было никаких шансов.

– Саш, здесь есть еще...

– Знаю. – Она ответила кратко, не прекращая следить за самым ближним из этой злополучной компании.

Вдруг что-то зашуршало в зарослях кустарника неподалеку от нас, и он с невероятной скоростью запустил метательный снаряд.

– Ах!

Я видел кровь, хлестнувшую из ее плеча. Царапина не была глубокой, сердце даже не треснуло, но этого было достаточно, чтобы окрасить ее зеленую тунику в темные тона.

Она стреляла вслепую, пока тот изворачивался, покуда были силы.

Протяжный свист! Расщепление сухой древесной коры! Шуршание свежих листьев и травы! Одни звуки сменялись другими. Бег и стрельба. Крики и вздохи. Играла быстрая, но ритмичная музыка. Сердце невольно побаливало, на лбу появилась испарина, а в голове ничего кроме пустоты. Я тяжело дышал и пытался понять, что происходит. Одни события слишком быстро сменяли другие. Вроде бы знал, но верить в это не хотелось. Я на настоящей битве! Это совсем не то же самое, что хлестать деревянную палку с тряпичной оболочкой. Здесь боль не моральная, а физическая.

Дрожащими руками, непослушными пальцами, я все-таки нащупал дарованный мне кинжал. Это выглядело глупо, но ничего другого я сделать не мог. Я не должен стоять как вкопанный и следить за всей котовасией.

Соперник был габаритен и тем неуклюж. Если я правильно понял его тактику, у меня есть шанс... Я погнался за ним, замахнувшись металлической штуковиной, а Саша, вторила

мне позади: – Нет! Не делай этого не...

А ведь я почти догнал его, но лишь хаотично рассекал воздух. Я будто боялся подбегать к нему и тем более задеть. Я боялся его. Я боялся получить в ответ.

Наконец я смог ухватиться за его кафтан и даже повалил на землю, пусть и сам упал следом. Теперь я фиксировал ногами его руки. Ему было неприятно и больно. По скрюченной физиономии видно, пусть и прятал ее от меня.

Тот что-то хотел сказать мне, но не мог. Зелье действовало. Даже мычание было беззвучно. Будто громкость голоса стояла на нуле и рот широко не раскрыть.

Я старался дышать глубоко и ровно, но тем самым дрожь по телу становилась еще заметнее. Я даже умудрился поцарапать себе палец, когда занес кинжал над головой. Я не мог выглядеть перед своим поверженным врагом слабым, не хотел позволять ему считать, что у него есть шанс. Потому терпел боль.

Пошел дождь.

Он впервые испугался, когда капли задели его лицо. Он смотрел то на меня, то на небо. Черт, он что-то знал... Он будто понимал причину и следствие. Я был зачинщиком непогоды, ему кто-то сказал так, и теперь он убедился в этом лично.

Сам не знаю, как пришел к этой разгадке. Будто что-то внутреннее подсказывало мне на фоне услышанного мною сумбура. Нет, это не чтение мыслей. Я помню про «миело-

фон», но это не значит, что я не могу чувствовать чей-то эмоциональный фон.

– Держи его! Не устранный! – Крикнула Саша, догнав нас. А я даже не думал о подобном. Позади бежали Мара, Игорь и Инга. Точнее было бы сказать – последняя нехотя плелась, крепко обняв арбалет, словно грудного ребенка.

Я сам не понял, как моя рука дрогнула. Я, к своему стыду, обронил оружие... Только сейчас понял, что мне ничего не стоило отнять у него хотя бы одно сердце. Что же держало меня? Не знаю, но что-то до боли знакомое.

Вот теперь в моей голове всплывала похожая ситуация, но в руках был не металл, а что-то чуть более мягкое. То, что потом разбилось у меня в щепки, и потом ощутил в руках горстку пепла.

Я помню, что мог контролировать свои силы, и я мог защититься, но...

– Хорошая работа! – Подбодрил меня Игорь, пока пленник крикнул подо мной и старался выбраться. – Ты справился с заданием.

Я смутился, но без радости. Какой там... Меня спасла моя неуклюжесть. Это не более чем везение. Да и то, все можно было сделать аккуратнее и хитрее, без лишних действий. Я больше тормозил процесс, нежели пытался что-то сделать.

– Можешь слезть с него. Никуда он не убежит. – Поддержала Саша.

Я встал, Игорь тут же обездвигил налетчика, сделав ру-

кой какие-то круговые жесты.

– Что с остальными?

– Скрылись. Непродуманная у них тактика. Нет, чтобы еще кого-нибудь выдвинуть на передний план, да разделить ходы, так они сплотились покрывать одного.

– Я смотрю, вы ранены? – Заметила Мара, достав из сумки лютню. – Подставляйте свои руки ко мне поближе. Сейчас спую.

Только хотел спросить: «Что за?...», как Саша шепнула мне: – Глаза сильно не щурь, а то обидится.

Та прочистила горло и принялась проверять струны: – Я все слышу... – Саша приняла непонимающий вид, но губы сжала, – кхм-кхм, итак, эмм... Великая песня-а-а, раны исцели-и-и. На святой подви-и-иг воинов благослави-и-и! Спаси от вечной но-о-очи и проливных дожде-е-ей! Вместе эту песню-у-у петь нам веселее-е-ей!

Я смотрел на эти потуги стеклянными глазами. Лицо не то побледнело, не то наоборот – побагровело. Сам не понял. Но челюсть, не открывая рта, сама соскользнула куда-то вниз. Саша толкнула меня локтем в бок. Я тут же на свой стыд осознал свою некомпетентность.

Она продолжила: – Мда, от такой сырости, конечно, инструмент чувствует себя плохо. Но получилось, как получилось. Извиняйте!

Лютня отправилась обратно в инвентарь, а я только сейчас заметил, что царапины не стало. Да и от Сашиного ранения

осталась лишь прорезь на ткани, да и она вскоре зашилась обратно.

– Она и ткань лечит?

– Скорее возвращает в исходное состояние. – Зевая, ответила Инга. – Кхм... ну типа... время вспять поворачивает для отдельных частиц и предметов. Даже код самостоятельно вскрывать не надо. Такая специальная команда, которая заменяет излишние манипуляции. Процент здоровья только вернуть не может и события. В общем, трудно объяснить. Лучше «спасибо» ей скажи.

– Ах, точно, спасибо Ма... – но та уже ушла.

– Не беспокойся. – Саша положила свою исцеленную руку мне на плечо. – Потом выразишь свою благодарность. Она сама себе на уме, но не очень любит слова. Лучше делом доказать.

Тем временем Игорь сосредоточился на своем деле. Мы отошли подальше, чтобы не отвлекать и без того нервирующего дела.

Я спросил у девчонок: – А почему нельзя создать что-то подобное? Что-то заменяющее одним кодом кучу работы.

– Артефакты? – Спросила Инга. – Они и так существуют, но они либо вручную, либо ментально созданы человеком...

– Да, – поддержала лучница, – как выкованный меч в камне, или сердце дракона, которого можно увидеть, только потеряв все.

– Угу. – Продолжила та. – А значит, на это нужно время.

Это – во-первых. Во-вторых, такие вещи имеют... ммм... как бы сказать, узкой направленности. Лютня тоже. Она делает хорошую работу, но всякие индивидуальные недуги она точно не исправит. Да и умение пользоваться всякими магическими штуками – тоже тот еще талант.

– Получается, – немного погодя понял я, – стирание этого самого хаоса тоже индивидуально?

– Никак иначе. – Всплеснула руками Саша. – Бывают «причинные вредители» одни и те же, например, задевающее кем-то слово, после чего страдальцы мозгом плывут, но это шанс один на тысячи. Мы не можем позволить себе тратить время на безделушки, которые нам в итоге не понадобятся.

Инга устало зевнула: – Ага. Как там? Труд – высшее благо. «И это она-то трудится?»...

Я все думал о том взгляде своего оппонента. Это не было случайностью. Не могло им быть. На него в тот момент словно нашло озарение. А ведь дождь длился недолго, не успев оставить за собой больших по размеру луж.

Молчание затянулось, и я решил открыть очередной диалог: – А что было бы, если бы я его устранил?

– Ну, во-первых, он бы исчез. Во-вторых, его выбило бы из игры, и он зажил обычной жизнью, или начал все заново, забыв о том, что было раньше, проснувшись на месте сохранения или просто дома. Зависит от его личного выбора.

– Забыв? Как я?

– Нет, у тебя... как-то по-другому, что ли... Ты не пом-

нишь вообще ничего. У них нет памяти об устранении.

– Ох... Я и не подозревал, что у меня настолько сложный случай.

– Хм, ну, смотря с кем сравнивать. – Вступилась Инга, натирая свое оружие. Зачем? Она же его не использовала...
– Вот она помнит, как со мной боролась.

Саша закатила глаза, а та в свою очередь скривила жуткую улыбку. О, Вселенная, это самая странная девочка в моей жизни. Даже моя наставница, больше похожая на мальчишку, казалась в разы женственной.

– Так или иначе, нам ни с кем сладко не было. Кстати, что насчет имени?

А, черт... Я уже оставил эти тщетные попытки.

Я пожал плечами: – Пустота.

– Что ж... похоже, нам придется принять крайние меры. Хочу я их или нет.

Меня эти слова, произнесенные полусшепотом, насторожили, но мой вопрос был прерван.

– Так дайте ему имя. Мне же дали.

– Да? И с какого раза ты с ним согласилась?

Инга почесала подбородок. Кажется, она пыталась вспомнить точную цифру, но простой задачей назвать это было нельзя: – Справедливо.

Услышав шелест кустов, девчонки приняли оборонительную позицию. Я находился позади, и потому казалось, что я спрятался за их спинами. Какое унижение...

Когда я шагнул вперед, Саша вытянула руку: – Стой, где стоишь.

– Н-но я...

– Не время геройствовать. Не сейчас.

Я был зол, но не на нее. На себя. Обидно, что она права. Я только сейчас «подрался» впервые, и то – без слез и смеха не взглянешь. Просто зажал под себя пусть и крупного, но на деле слабого оппонента. С таким же успехом я могу и на тряпичное чучело накинуться, и пусть засчитают как победу.

– Кто там? – Крикнула Инга, прицелившись из арбалета.

В ответ отозвался другой девчачий голос: – Это я, не стреляйте!

– Тьфу, Всевышняя, Маша! – Саша отставила лук и жестом приказала коллеге сделать то же самое. – Ты что тут...

Из-за зеленых кустов контрастом выделились рыжего цвета волосы. Огненно-медные и заплетенные в конский хвост: – Я встретила Мару, а та сказала, что вы здесь. – Она, не торопясь, подходила к нам, раскинув руки по сторонам в знак безоружности. Хотя, на игрока она не была похожа, ни брони, ни лат. Только почтальонка и потертая до катышек одежда. Она мельком посмотрела на Игоря и одобрительно кивнула. Зрелище ее не смутило, видимо, наш союзник, а может, и сам советчик. – Что-то опять случилось?

– Да так, неприятности мелкие. Кстати, знакомься. – Она повернулась ко мне. – Это – Маша, моя подруга. А это... кхм... ну, это наш новенький.

Та не стала спрашивать, что к чему. Сначала мне показалось, что я ей просто неинтересен, но потом она протянула руку: – Будем знакомы.

Я растерялся: – Ох, да... будем...

Стоило только почерпнуть из глубин рассудка твердость в голосе, она снова обратилась к своей подруге: – Я к тебе с адресом. Ты просила.

– Легка на помине. Неужели удалось взять?

– Я его скопировала, когда помогала Ларисе в учительской. Думаю, она до сих пор живет по этому адресу. По крайней мере, учителя ходят туда.

Они что-то обдумывали, и наступило неловкое молчание.

Теперь Инга боднула меня в бок. Хитро подмигнула и прикрыла рот ладонью: – Смотри-смотри, у них от нас секреты.

– Что? Нет никаких секретов. Мы просто... кхм... неважно...

Арбалетчица снова обратилась ко мне: – Кстати, ты знал, что ее легко смутить?

Я смог выдавить невнятное: – А... эм...

– Смотри и учись! О, Шурочка, неужели ты на меня до сих пор злишься?

– Не называй меня так!

– Смотри-смотри, она злится на меня. А знаешь почему? Я много раз ее устраняла и ее друзей.

Кажется, Саша считала в уме до десяти и задерживала ды-

хание. Пришедшая девочка же смотрела на них ни то с недоумением, ни то со снисхождением. Это их индивидуальные игры, где ей и мне нет места. По крайней мере пока...

Однако та не отставала, а только больше подраживала. Даже вплотную подошла, чтобы глаза помозолить.

Мне даже стало неловко от этой картины, и я отошел. Маша следом.

– Как думаешь, что она этим хочет добиться?

Та пожала плечами: – У нее очень странные методы коммуникации, вот и все. Я думаю, они хорошие друзья.

Я не мог не округлить глаза, хотя сама Маша тоже не скрывала своего скептического вида. Должен признать, на нее приятно смотреть. Какая она аккуратненькая, простенькая. Ручки тонкие, ножки колесом, но в пекло не лезла. Наверное, неконфликтная.

Игорь ненадолго отвлекся, посмотрел на девушек и сучающе выдохнул. Мне даже жалко его стало. Один за всех, пока другие дурачатся.

Со стороны мы слышали лишь остаточное: – Ну давай, признай, ты меня все еще не простила!

– Да уйди ты от меня! Нет, не трогай!

– Давай, скажи это!

– Убери голову с моего лица! Твои волосы уже у меня во рту! А-а-а!

Спустя пару часов мы отправились в таверну, чтобы от-

праздновать мое боевое крещение. Мои напарники, конечно, таким образом пытались подбодрить меня, поднять силу духа, но я лишь делал вид, что рад такому завершению дня. Я старался не думать об этом в контексте издевки. Впрочем, это лучше, чем сидеть в запечатом кабинете, один в темноте и смотреть все, что попадется под руку.

К тому же к нам присоединился еще один друг. Назвался Антоном. Крупноватый, неказистый, но душа компании. Мы сидели за столом и рассказывали друг другу разные истории. Вокруг стоял галдеж, да и музыка не звучала тихо.

– Так вот Марьянна, – продолжал весельчак, – такая говорит: «А Петров где?» Ей в ответ: «Так он же забанен на две недели за чит-коды», а та такая: «Как?! Опять?!», ха! Ну, вы представляете?

– Он с такими темпами тоже на второй год отправится. – Ровным голосом сказала Маша. Кажется, эти двое неплохо ладили между собой. Даже как-то досадно. Честно говоря, мне начинала нравиться эта девочка.

– Ничего, он и на это читы найдет. – Улыбнувшись, ответил Игорь.

Инга сидела молча и ела свой ужин. Ее интересовала еда, а не болтовня.

– Эй, все в порядке? – Тихо спросила меня Саша, сидевшая рядом со мной.

– А?

– Ты будто сам не свой после этого нападения. Тебе что-

то удалось вспомнить?

Вспомнить-то удалось, но что я ей скажу? Какие-то абстрактные ощущения? Глупости. Я и так доставил всей группе достаточно хлопот. Получится неуважительно, если я начну жаловаться на то, что мне показалось.

– Ах, если бы...

Все, помимо Инкогнито, смотрели на нас недоумевая, но вставлять слово не смели.

– Кстати, а мы не представились. Как тебя зовут? – Спросил Антон.

– Он не помнит. – Ответил за меня Игорь, чем ему очень благодарен. Честно говоря, я даже устал объяснять про свою амнезию, а уж тем более как это вышло. – Так получилось, что он получил ранение, а теперь пытается начать жизнь заново.

– А... Эти ваши игры. Понял, не буду вмешиваться. Хотя, это жестоко, конечно. Я даже рад, что отошел от этих дел. Если у вас бывают такие случаи, то...

– Да ладно тебе, неразрешимых ситуаций не бывает. – Решила заступиться Саша. – Да и с другой стороны, что еще делать? Домашку зубрить?

Она переглянулась с Игорем, тот одобрительно кивнул. Похоже, они и для друзей свою основную деятельность держат в секрете. А если и знают что-то, то поверхностно. Интересно, насколько это честно?

– И то верно. Я бы вообще все отдал, чтобы домашку

не делать. Хотя, нет. Слишком мелкое желание. – До меня дошло, что этот парень излишне говорлив. Я так привык ко всяким молчаливым согласиям среди «блюстителей», что даже голова отказывалась воспринимать его непредвзято. – Я бы все отдал, чтобы быть магом. Да, вот это клево!

– А разве магами не становятся? – Спросил я.

– Не софсем. – Не переставая жевать, сказала Инга. Я уже и не надеялся услышать от нее что-либо. – Понимаеф, у тебя должна быть врожденная предрасположенность.

– Что-что?

Она проглотила съеденное: – Предрасположенность, говорю. Талант, другим словом. Если ты с детства умеешь что-то, что не могут другие, то у тебя есть уникальная возможность прокачать этот навык.

– Например?

– Ну, древнее наречие читать умеешь?

– Ну, там понятно что-то, но...

– А мысли читать?

Я хотел сказать ей про тот диалог, что услышал от Яны, но не стал. Объяснять долго. Да и Маша как-то заметно смутилась от ее слов. Наверное, это имеет для нее значение. Потому я осмелился лишь на краткое: – Нет.

– Ну, вот, если бы умел, то можно сразу подавать документы в университет. Считай, жизнь удалась. А вот нет таланта – греби в этой жизни как можешь. Хоть из кожи вон лезь, чтобы в люди выбиться.

Она вмиг стала такой печальной, что даже злиться на нее не хотелось. Видимо, болезненная тема.

– Это очень спорно. – Снова заступилась Саша. Ее-то такими манерами не пронять. – Далеко не все маги получают достойное образование. И уж далеко не всем оно пригождается.

– Ага, как же. Фказал человек, котолый пытается в лиделы выбиться.

Та даже зарычала, но Игорь ее быстро успокоил.

– Не надо так. Ты же знаешь, угодить Яне – непростая задача.

– Ага, вот именно поэтому я долго не хотела к вам приходить. Да и сейчас не стремлюсь, если честно. Просто идти некуда. И ты, парень, – указывая на меня, – если хочешь мнение адекватного человека: сторонился бы ты ее, да побольше. Не давай ей себе в уши капать. Скользкая она. Не люблю пустых обещаний.

Я даже не сразу понял о ком конкретно речь: о Саше или о Яне. Да и к чему это было? Что она хотела этим сказать?

– Эм, ребят, а вы о чем? – Спросил Антон, бегло рассматривая нас в поисках объяснений.

Инга тут же включила свой повседневный невозмутимый тон, чтобы спасти положение: – Да мы тут сценку репетируем. К концу учебного года надо будет что-нибудь показать, когда менестрелей в очередной раз созовут.

– А-а-а... Ох, наверное, что-то Шекспировское?

– В нем.

– Позднее?

– Нет. Из свежего. Только что написали.

Тот, восприняв все за шутку, засмеялся, а вот Маша – нет, но и повода для беспокойства она не находила. Только сидела смиренно и попивала чай, в то время как я только оброс кучей вопросов.

Всю следующую неделю я пытался поговорить с Яной на предмет воспоминаний. Та была то занята учебой, то дополнительными занятиями, а то и вовсе внутригрупповыми делами.

Не буду лукавить, слова Инги меня не на шутку взбаламутили, да и недавно посмотренный фильм про «Мистера Рипли» заставил меня испугаться от такого сюжетного хода в финале. И сам главный герой не прост, а и родители тоже хороши, просто заменили неидеального сына другим человеком. Ох... Люди могут быть не теми, кем кажутся. Мне нельзя терять бдительность.

Да, я все еще был благодарен окружению. Они учили меня сражаться, искать лут, чинить оружие. Я приобрел аптечки, и даже немного медяков упорно прибираясь в кабинетах. Однако я не должен больше плошать. Даже чужой полки, как и все, опасался во избежание гнева, а то и клеветы.

Мне никак нельзя покидать это место. Я могу представлять какую-то ценность. Как ни крути, я могу управлять по-

годой... Это чего-то да стоит, я думаю.

Что ж, остается терпеливо выжидать, но я старался подмечать детали, ранее мною не виденные. Стоит что-то проглядеть, и не заметишь, как заменят тебя...

– Знакомься, это – Полина. Она самый что ни на есть одаренный маг.

Игорь представил передо мной красивую девушку. Милую, изысканную, с копной темных блестящих волос. Ее голову короновал синий колпак, на плечах сидела мантия, а на шее висел небольшой серебряный кулон с изображением полумесяца. Она так приятно пахла, да и в целом от ее образа нельзя было оторвать глаз.

То, о чем я еще недавно размышлял, было забыто напроочь. Всякая осторожность уже не имела смысла.

Она протянула мне руку: – Будем знакомы, безымянный. Да, ребята мне уже рассказали про твой случай. На самом деле, я нахожусь на домашнем обучении. Я не хотела больше быть частью этих холодных серых стен, но... я не могла отказать в помощи. У вас нет мага, а без него – никак. Правда, я еще сама не знаю, что будем делать с твоими умениями, но для начала мне нужно самой убедиться в твоих силах. Если позволишь, конечно.

Моя собеседница захлопала глазками, и я не смог сдержать улыбки. Саша, которая находилась позади, скрестила руки и закатила глаза. Напарник незаметно толкнул ее, чтобы приземлить. Впрочем, Полина не могла видеть ее жеста.

– Д-да, конечно! Я с радостью с тобой...

– Чудно! Теперь нам надо понять, что служит твоим триггером.

Я суетливо оглядел всех: – Эм, ну, ты имеешь в виду, как у меня это получается?

– Именно.

– Я знаю, что когда я злюсь – начинается дождь. А когда в последний раз я... кхм... выругался – ударила молния.

– А когда ты не злишься?

– Ох, я не знаю. Не думал об этом. Хм... погода по логике... проясняется. Вроде.

– То есть, когда ты в спокойном состоянии – ничего не случается?

– Да.

– А если ты радуешься?

Я застыл: – Я... тоже не знаю.

– Ты никогда не радовался? Поверить не могу! А какое у тебя, ну, предположим, хобби? Чем ты занимаешься в свободное от учебы время?

– Я смотрю фильмы.

– А смешные комедии среди них были?

– Да и много.

– И ты смеялся?

– Да.

– Но ничего не произошло?

– Никак нет.

Та немного задумалась и повернулась к ребятам: – Хм, я кое-что поняла. – Снова повернувшись ко мне: – Но для начала ответь мне на вопрос честно: На что конкретно ты злился?

Я смотрел в ее синие глаза. В них не слабели искорки, рожденные от неподдельного к моей персоне интереса. Кажется, я смог вызвать эту эмоцию. Я бы даже обрадовался. Искренне. Вот только мне было не по себе от того ответа, который знал только я.

– Я злился... на себя...

Та с облегчением выдохнула: – Я так и знала! Ребят, он вызывает непогоду именно внутренним настроением, а не внешним.

– То есть? – Спросил Игорь.

– Это то, что в нем подлинно, сокровенно, понятно только ему одному. Очень сложно объяснить, но... Скажем так, если бы погода каждый раз реагировала на то, как он пугается от ужастиков, например, не обессудь, то молния могла бы ударить даже на ясном небе в любой момент.

– Так не бывает. Так невозможно. – Подтвердила Саша.

– Вот именно! Да, маги могут манипулировать законами физики, но такое даже для самых уникалов невозможно! В общем, парень, тебе надо попробовать порадоваться за себя, да искренне. Что б вот прям гордиться собой.

Я тяжело вздохнул. Учитывая последние тенденции, я сомневаюсь, что у меня это когда-либо получится.

Несмотря на громкое пение птиц и резкое стрекотание насекомых, мы отправились с новоиспеченной подружкой гулять по парку.

Погода стояла ясная, теплая. Я щурил глаза от назойливого солнца, а Полине было все нипочем. Она оставила мантию в кабинете, и теперь ее тело облегалась простенькая белая блузка и плиссированная юбка выше колен. Теперь я не мог оторвать глаз от ее стройных ножек. В нашей школе девочки редко носят такие одежды. Игроки часто ходят в том, что считается удобным: всякие штаны, мешковатые кофты, одобрялось наличие хотя бы кожаной защиты. Даже скромные черные туфли на каблучке я видел сейчас впервые. Благодаря магичке я слово в другой мир окунулся, пусть и таким мелочным способом.

Мы хоть и держались за руки, но то не было каким-то романтическим жестом. Она скорее волокла меня за собой, а я, подобно собаке, послушно следовал за ней. Да и как этого не делать?

Она припрыгивала с ноги на ногу, будто ребенок. Напевала какую-то песенку, пританцовывала. Делала это нарочно, чтобы я сам стал раскованнее. Легкая как облачко. Слава Всевышней, я так устал от всяких заморочек своих товарищей. Теперь я будто свежий воздух вдыхаю.

– Смотри, – указывая на колесо обозрения, – какая штукавина! Мы должны обязательно покататься на ней!

Мне потребовалось немного времени для зрительного анализа: – А это не опасно?

– Ничуть. О таких вещах бережно заботятся. Репутация для таких мест – не последнее слово, потому люди, бывает, из кожи вон вылезут, лишь бы ничего не произошло. Конечно, бывает так, что накатывает сильный ветер. Он нередкий гость в наших краях. Так вот, в таком случае все аттракционы закрывают, во избежание несчастных случаев.

Я не удивился этой информации: – Должно быть, не в их интересах губить людей. По судам затаскать могут.

Она вмиг стала какой-то угрюмой. Наверное, ей не понравился мой тон.

– Ну, знаешь. В людях есть что-то большее, нежели мысли о возможной потере и прибыли. Есть долг, мораль и честь. Да, не во всех, конечно, – она сделала паузу, чтобы выдохнуть, – уж мне ли не знать, но... нужно верить в хорошее, даже если кажется, что его нет. Понимаешь, так не бывает, чтобы все кругом были расчетливы и меркантильны. Просто на данном этапе получается именно такое стечение обстоятельств.

– Извини, если я как-то...

Она снова улыбнулась: – Ты меня не задел, расслабься. И не забывай, мы здесь для того, чтобы ты радовался, понял?

Я тоже изобразил улыбку. Хотелось бы сказать, что думаю на самом деле, но решил не усугублять ситуацию. Если я начну впаривать, как это все пластмассово и наигранно

выглядит, и все ради чего? Ради эксперимента. Ради выявления моих возможностей. Такое ничем хорошим не кончится. Нет, лучше не провоцировать. Однако мне никто не мешает хранить скептицизм внутри себя.

Мы сели в кабинку.

Я старался смотреть на прогружающиеся текстуры города, что окружали нас, но не получалось. Взгляд сам цеплялся за ее образ. Она сегодня была без шляпы, но в стандартной школьной форме, будто игра ее не интересовала. Вместо габаритного рюкзака на плече небольшая черная сумочка. В моем классе девочки редко носили подобные вещи, это скорее походило на праздничные наряды, а вот среди блюстительниц такая мода считалась непрактичной и сковывающей движения. Даже Мара, которая не должна участвовать в битвах, предпочитала носить мешковатый кафтан и спортивные облегающие штаны.

Полина похожа на стереотипную школьную красавицу, которая не брезгует переборщить с макияжем. Так непривычно осознавать, что та стремится стать магом. Я их не так представлял.

– Что-то не так?

Черт, я, наверное, выглядел назойливо. Как-то неловко вышло.

– А что означает твой кулон? Это какой-то магический талисман?

– Почти, оберег от идиотов.

Мне потребовалась небольшая пауза, чтобы придумать подходящий ответ: – Судя по тому, что я сейчас нахожусь рядом с тобой, он не работает, да?

Она засмеялась: – Тебя ведь не кулон интересует, да?

Я даже краской залился. Нет, люди не могут читать мысли. Надеюсь на это... Хотя, она маг все-таки... Если подумать, они много чего умеют. Да и само это понятие какое-то растяжимое. Умеешь что-то, чего другим не дано – все, ты – волшебник. Как все легко и трудно одновременно.

– Я... на меня многое свалилось за этот месяц. То туда, то сюда. Скоро кончается учеба. Мне сказали, что летом у всех начинаются каникулы, но ко мне будут приходить и тренировать. Да и... – Я сам не заметил, как стал открыт и честен с ней. – ...признаться, я не понимаю, чего от меня ждут люди. Точнее, я понимаю, я должен быть частью общества, но... я не уверен, что могу стать таким же. У меня как будто внутри что-то зажато, а я не могу от этого освободиться. – Та внимательно выслушивала меня, без лишних комментариев. – Эх, прости, я знаю, это не то, что ты хотела услышать. Вообще, глупая это затея. Я не про колесо, а в целом – слепить из меня мага. Они даже сами не знают наверняка так ли это. Моя принадлежность к этому классу – просто теория, которую надо попытаться доказать.

– Я сама будто по рукам и ногам в цепях. – Она, печально вздыхая, посмотрела на свои до блеска начищенные туфли. – И знаешь, совсем неглупая. Если оно способно дать хоть ка-

кие-то ответы, почему бы не попытаться? Почему ты перестал бороться?

– Потому что я плох в битвах.

– Нет, я не в прямом смысле.

– Потому что произошло много чего, но никаких ответов и близко не было. Я все вспоминаю, вспоминаю. Бывает, отголоски каких-то смутных отрывков получается уловить, но такое чувство, будто мне это кажется, а то и приснилось. Сюжет фильма, который ты видел, но с тобой на самом деле он не происходил. Вот так я и живу. Никакого толка.

Мне стало стыдно за свои жалобы, но она и носом не поморщила. Я был и благодарен за это, а с другой стороны не понимал, почему она все это терпит.

Полина задумалась, а после принялась копошиться в сумочке: – Тогда давай искать ответы не в тебе, а извне.

Я почувствовал надежду: – Как это?

Она достала пачку карт. Я сначала подумал, что она хочет поиграть со мной и даже обрадовался. Давно не упражнялся в этом, начал забывать правила. Правда, до меня быстро дошло, что картинки, изображенные на них, не были похожи на те, что видел раньше. Они были какие-то расписные, с узорчатой рубашкой, с позолоченными краями. Такие даже в руках держать жалко.

Перетасовав их, она протянула колоду мне.

– Возьми одну карту. Любую.

Я вытянул карту, на которой была изображена обнажен-

ная девушка. Я даже смутился, будто руку током пронзило. Неловко вышло. Почему я сразу обратил внимание именно на эту деталь?

Собравшись, я рассмотрел детали. Она держала в руках два кувшина, из которых выливалась вода. Позади нее изображено дерево, а сидевшая на ветке пестрая птица, казалось, радостно щебетала. Не думал, что статичная картинка способна вызвать такие ассоциации. На ночном небе горели звезды, освещая дальний горный ландшафт. Спокойствие и умиротворение – вот что я чувствовал, глядя на это.

– Ух ты, Звезда!

– А что это дает?

– Что? Карта? Нет, это... ну, гадание. Возможно, это даже ответ на твой вопрос. А вот о чем конкретно она говорит – надо думать. Вообще, это хороший знак. Вот эта девушка... – Я снова невольно покраснел, но продолжал слушать объяснения, – ... она как Вселенная. Путеводная звезда, за которой нужно следовать. Она поливает землю, но при этом не дает морям осушиться. Все ее действия – благосклонны, а желания сбыточны. Ее образ – это всегда добро, подлинное и чистое.

– Звучит хорошо, но... как мне это поможет?

Она пожала плечами: – Думаю, ты должен следовать по дороге благодетели. Звезда всегда освещает путь, а потому ты не должен сходить с него.

– А если это произойдет?

– Никогда не угадаешь какие последствия от тех или иных выборов нас ждут, так что... Решай сам, что ты хочешь делать. В любом случае, я плохого советовать не стану. – После этих слов она провела указательным пальцем правой руки знак «плюс» на своей груди.

В этот момент мы приземлились и снова пошли вдоль аттракционов.

– У тебя все в порядке? – Заботливо спросила она, когда я был полон раздумий.

– Да... только вот... Я все думаю над твоими словами. Нет, я не про карту. Ты сказала, что не всем людям знакомы честь и... мораль. Что ты имела в виду?

Она сделала глубокий выдох: – Да так... это уже прошло и... это моя причина перехода на домашнее обучение.

– Если ты не хочешь говорить об этом, то...

– Все в порядке. Да и знаешь, ты со мной был честен, это будет неравноценным обменом, если я тебе не объясню свое состояние. Понимаешь, есть такие люди, которые любят забирать и принимать это как должное, но в ответ не могут отдать ничего. Иногда, потому что не хотят, а бывает так, что хотят, но внутри пусто, отдать нечего. Вот и мне встретился такой. Я... я не в обиде. Сама хотела видеть в нем то, в чем была убеждена.

– И что сейчас с этим человеком?

– Не знаю. Да и не хочу знать. Он учится вместе с вами, вряд ли он куда-то мог подеваться. В одном уверена – он со-

всем не изменился. Он всегда кусал руки, которые ласково гладили его по голове, и целовал сапоги, которые втаптывали его в грязь. Не удивлюсь, если он также потекает своему отцу и отвергает любовь какой-нибудь другой девочки.

Стало не по себе, да и она побледнела. Зря я это. Знал, что тут что-то не так, но хотелось копнуть глубже. Чертовы детали. Да и стыдно перед ней за первое впечатление. Да, она оставалась красавицей, внешний вид никуда не денешь, но теперь передо мной была открыта другая грань личности. Она была сострадательным, эмпатичным человеком. В меру легким и отходчивым, но невезучим. Теперь я понял ее стремление. Она, как и я, просто хочет доказать себе, что чего-то, помимо внешних данных, стоит.

– Я думаю, он – настоящий идиот.

– Ха-ха, спасибо! Думаю, это так.

Мне стало приятно от ее реакции. Она не осуждала меня даже за предвзятое мнение. На улице становилось жарче. Я даже почувствовал этот поток теплого воздуха, лишённого свежести.

– Уж я-то знаю, как глупо терять тех, кто к тебе благосклонен. – Правда, в этот момент я думал: «Откуда мне знать-то? Что я несу?», поэтому я принялся быстро поправлять себя, чтобы это не выглядело ложью: – П-потому что, у-у-у меня... никого нет! Ну, точнее... у меня никого нет, кроме тебя.

Щеки Полины налились нежным румянцем: – Ох... это было... так мило...

Весь последующий день я выполнял разные мелкие квесты от Васильева. Нужно было пополнять припасы, а у этого парня был какой-то бесконечный поток прихоти, и еще более наград за их исполнение.

На одном из таких, где надо было собрать несколько охапок железного дерева, я случайно подслушал разговор Саши и Игоря, затаившихся в углу. Точнее, я хотел пройти мимо, но потом решил, что любая информация для меня не будет лишней, даже личная.

– Как ты мог позволить оставить их одних? А если бы гимназисты снова напали?

– Они способны защитить себя. Полина – маг. Она, конечно, умеет не так много, но она в курсе происходящего. Я заранее предупредил ее.

Та выдохнула и протерла глаза: – Но почему именно она? ... Почему вообще – маг?...

– Это не так плохо, как тебе кажется. К тому же, тогда...

– Знаю. Помню. Я... стараюсь отпустить ту ситуацию с учителем. – Небольшая пауза. Он не выражал эмоций, но создавал впечатление некоего сострадания по отношению к ней. – Но она... Ты же помнишь, что она сделала. Черт, мы после нее столько следов замели. Она не выполнила обещанного и чем это обернулось?

– Да, я тоже помню, как мы гонялись за этим психом. И... мы тоже хороши. И, быть может, это повторится, но... дай

ей шанс.

Она поникла: – Да ты сдурел... Что ты такое говоришь? Как ты можешь ей верить?

– Я и не верю. Считай, это ее наказание. Да и наше тоже.

Фыркнув, она обернулась в сторону. Я тут же скрылся за стеной. Это было близко и... непонятно. Что они имели в виду? Черт, неужели, я и в Полине ошибался?

Отбежав подальше, я, как назло, не заметил впереди себя стоящую Мару. Я чуть было не сшиб ее. Умудрился издать сдавленный писк от неожиданности.

– Н-не знал, что ты тут!

– Не знала, что ты разговоры подслушиваешь. – Безразличным тоном сказала она.

Я смутился. О, Вселенная, как это существо умудряется быть девушкой?

– Я не... не подслушиваю!

– Ага.

Она прошла мимо меня, но я ее окрикнул. Просто внезапно вспомнилось, что я ее должник, а такие вещи лучше отдавать сразу.

– Я тебе тогда... спасибо не сказал... и... я хотел...

– Да, принимаю. – Она даже не смотрела меня. Медленно жевала резинку, разглядывала территорию на предмет лута.

Меня так выбесила ее манера речи, что небо чуть было не заволокло тучами. Я совсем не понимаю, чем я заслужил такое отношение к себе? Да, я все еще был и являюсь балла-

стом, но... я не могу сказать, что это целиком и полностью моя вина!

Блюстители, вероятно, хотят, чтобы я стал более жестким. Что ж, придется начинать с малого.

– Что не так?! – Спросил я ее, не скрывая чувств. Мои кулаки были так сжаты, что приходилось терпеть боль.

Та округлила глаза: – Эй, ты чего?

– Я тебя спрашиваю: Что со мной не так? Что тебе не нравится во мне? – Она пробежала глазками, беззвучно шевелила губами, но ничего не отвечала. – Может, мое присутствие тебя бесит?

– Да нет.

– Да или нет?

– Кхм... н-нет...

Я решил выдохнуть, чтобы прийти в себя.

– Прости, я зря сорвался. Я... не хотел.

Прищурившись, она несколько раз меня оглядела с головы до ног. Кажется, я оплошал пуще прежнего, но... как же мне надоело быть терпилой: – Не извиняйся. И... хотел.

Теперь она смотрела прямо мне в глаза, но тут же ушла. Я опустил руки. Не думал, что когда-нибудь дойду до такого. Но, если попытаться быть честным с собой, я устал.

Я действительно устал от этого общества...

Глава 3

– Ну, в общем, долго мы с этим боссом сражались, но таки изоленту в качестве приза за свои старания я получил!

Мы снова сидели в таверне, но на этот раз к нашей трапезе присоединился Жабик. Тот рассказывал какие-то умопомрачительные истории, которые больше казались одной большой шуткой.

– Изолента? – Спросил я. – Всего лишь? За такие мучения?

– Ты что?! Изолента – это древний артефакт! Самая прочная материя во Вселенной! Ты не знал? Дом рухнет – изолента останется! Во веки веков так было. Самое что ни на есть – Эврика!

– А?

– Ну, типа, гениальное решение.

– А...

– Ну, не знаю, – сказала Маша, – я всегда ее считала обычным бытовым инструментом.

– Какое скучное у вас восприятие мира! Где же фантазия? Где же дух борьбы?

Та в ответ легонько улыбнулась. Соперничество – это не про нее. К гадалке не ходи.

– Жабик, – уже вступилась Саша, – такая жизнь не для

всех, понимаешь?

Тот заметно поскутнел. Подпер ладонью лицо и скучающе смотрел на эльфийку. Если ее слова имели вес, то он даже не догадывается, почему его родственники так и не захотели жить той жизнью, к которой он привык.

Часами ранее мне удалось поучаствовать во второй битве в моей жизни. На этот раз Саша не была моим напарником, но со мной был этот земноводный анархист.

Не могу похвастаться большими достижениями, но теперь судорожно кинжалом не махался. Большею частью я стоял в стороне, широко разинув рот. Я считал Игоря мастером боевого фехтования, но нет. Жабик и его трезубец это... словно единство, ураган, вихрь, от которого невозможно спрятаться. Он так быстр и меток... Сам как молния, только неуправляемая.

На нас напали сразу трое. Видимо, учли прошлые неудачные опыты... в кои-то веки. Постепенно они начинают что-то понимать. Когда-нибудь, быть может, они перестанут нас недооценивать.

Жабик незамедлительно ринулся к ним, я не успел осознать всю происходящую ситуацию. Когда до меня дошло, что это гимназисты, тот успел устранить ближайшего с одного удара.

Трезубец массивное оружие, тяжелое, сковывающее движение, но очень эффективное. В руках неумельца такая вещь чревата многочисленными потерями, но не для моего

союзника. Не рубящее, не режущее, но один взмах может выбить два, а то и три сердца.

Металл рассекал воздух, оставляя после себя свист, и впиался в тело врага, пронизывая его насквозь. Потоки воздуха превращались в ветер, и мастер был частью этого созданного природного катаклизма.

Я зажмурился, но противник уже исчез. От него остались лишь горстка монет и небольшой меч с низкими статами. Да, они определенно безумцы, если рассчитывают на какую-то победу с такой подготовкой.

Второй соперник не заставил себя ждать и тут же накинулся на Жабика, занеся за собой топор. Ему удалось отразить удар, вытянув оружие перед собой, словно щит. Лезвие застряло между зубцов и это позволило выиграть немного времени.

Я тут же сообразил, что стою без дела и принялся искать кинжал. Точнее, я знал, что он находился в кармане брюк, но... мозг словно сам блокировал мои попытки быть полезным.

«Ну, что же ты такой жалкий трус!» – Крикнул я сам себе и, разинув рот, я побежал навстречу третьему игроку. Его ответной реакции долго ждать не пришлось. Он сделал взмах какой-то длинной палкой, и я тут же отшатнулся. Она почти задела меня.

Еще взмах, и я чуть не выронил свое оружие. Мне удалось удержаться на ногах.

Отпихнув топор, Жабик повалил гимназиста на пол с такой силой, что тот не успел прийти в себя. Потеря последнего сердца настигла его раньше.

Мой же оппонент продолжал замахиваться прямо перед носом. Я вытягивал руку, пытался отразить удар, но вышло это как-то... неказисто. Не так, как ты представляешь это в своей голове. «Еще бы» – саркастично хмыкнул я, стараясь не думать об устранении: «Одно дело длинная палка, другое – нож, который больше похож на кухонную утварь».

В тот момент, когда я уже почти почувствовал отчаяние, в его спину прилетел трезубец. Не представляю, как Жабику удалось метнуть его. Он на вид не был ни плечист, ни широк. Откуда в нем столько силы?

Но персонаж не устранился. То ли удар слабый, то ли сердце в нем много. Он просто упал без сознания, но дышал.

– С ним все в порядке? – Насторожился я.

– Да ничего с ним не будет. Поспит немного. Так даже лучше. Можно ребят созвать и...

Мы услышали кряхтение.

Сначала он открыл один глаз, потом другой. После и вовсе попытался пошевелить пальцами.

– Ч-что нам де...

Но Жабик, не дослушав мой вопрос, тут же вырубил его снова. И снова. И до тех пор, пока он не рассыпался на небольшой лут.

– Ты уверен, что это правильное решение?

– Я в математике плох, поэтому в кодах шариться не умею. А так, ну... они потеряют память и начнут все заново. Лучше так, чем отпустить их. Они все искусственно немые. Они бы нам ничего не сказали.

Когда мы шли обратно, я решился поговорить с ним еще раз: – Ты... классно дерешься.

Земноводный сделал жест «пистолетики»: – Спасибо.

– Нет, правда, я... даже чувствую себя никчемным по сравнению с тобой.

– О-о-о, мне знакомо это чувство. Не уподобляйся ему. Даже не думай об этом и делай так, как умеешь. Я вот с мечом вообще обращаться не умею. Не люблю острые ощущения, – он подмигнул и ткнул локтем в бок, типа «зацени шутку»: – а вот колотить кого-то – ума много не надо. Один удар и сразу три дырки! Неплохо, а?

– Да, и, правда, неплохо... – У меня был такой упаднический голос, что даже самому противно стало.

– Да ладно тебе! Без шуток. Если начнешь размышлять в таком ключе – ни к чему хорошему это не приведет.

Да уж, я помню ту «Путеводную звезду».

– А как у тебя это получилось?

– Через боль и страдания. – Незамедлительно ответил он. – Знаешь, я раньше много кого устранил. Люди не любят меня, а я – не люблю их. Ну, знаешь, с кем нынче легко? Мы живем в такое время, когда озвучивать непопулярное мнение – моветон. Вот и стал исподтишка мстить. Потом даже

чему-то научился, например, клинок держать двумя руками. В общем, доустранился вплоть до того, что на меня охоту объявили. Я стал целой угрозой для школы. Ну, а потом меня спасла Яна. Полечила мне голову своими лекциями как надо и как не стоит, подтерла код. Вот я и тут. Добровольно отрабатываю наказание.

Я внезапно вспомнил о Полине.

И вот мы снова сидим за столом.

Когда мы сообщили о произошедшем ребятам, нас никто не стал осуждать. Такое заключение приняли как должное. Будто – другого выбора не было. Какая странная у них все-таки мораль. Впрочем, могу ли я судить об этом? Кем я был ранее – для меня все еще загадка.

И тут у меня возник резонный вопрос: «А не мог ли я быть антагонистом?»

Да, это спонтанно, но... я ведь не могу это отрицать... У меня нет обратной доказательной базы.

– Слушай, Саш, – шепнул я ей, пока остальные разбирали очередную историю на предмет преувеличения и украшательства, – как думаешь, кем бы я мог быть?

– Ты имеешь в виду свою принадлежность к классу?

– Не совсем. Просто... вы не рассматривали возможность того, что я... кхм... злодей?

К моему удивлению, она отнеслась спокойно к моему душевному порыву: – Я бы не хотела так думать, честно, но не могу такое исключать. Без обид.

Я тут же развел руками: – О, нет, это... Это честно. – Я ведь и сам был того же мнения.

– А откуда у тебя такие размышления? Ты что-то вспомнил?

– Если бы. Просто подумал. Мне Жабик рассказал, как попал к вам и я подумал: «Не мог ли я сотворить ранее что-то подобное?»

Она тяжело вздохнула: – Ах, этот случай. Ну, если тебе станет легче, я здесь по той же причине.

Я не поверил ушам: – Ты... тоже отбываешь наказание?

– Да. Я оступилась, а за свои ошибки надо отвечать. Так что...

В этот момент Антон снова задел тему о том, как жаль, что он не маг. Ребята подбадривали его, говорили разные приятности, но тот наотрез отказывался.

Может, у тебя тоже есть какая-нибудь способность? – Продолжил Жабик. – Просто у других она, ну, скажем так, ментальная, а у тебя физическая?

– То есть?

– Ну, может, ты сильный?

– Я и так сильный.

– Да нет же. Сильнее, чем другие.

– Ну, так и есть, я думаю. Правда, и на меня найдется кто-то более способный. Так это обычно и бывает.

Я невольно улыбнулся. Этот парень был простоват и иногда говорил всякое неуместное, но... он – абсолютно поло-

жительный персонаж. Я даже уверен в этом. Есть в нем что-то такое родное, незлобное, безусловно доброе. Вот если бы он терроризировал школу – ни в жизни не поверил бы. Хотя, слова напарника мне тоже не внушают доверия. Ну, вот никак у меня с его образом эта картинка не клеится.

– Хм. Нет, недостаточно. – Продолжил Жабик. – Не то. Ну, может, ты громкие звуки можешь издавать?

– Так я и так мо...

– Ах, нет. Тоже не то. Способности словами не выявить. Омнис компаратио! Тут нужен настоящий эксперимент. – Он пошарил по столу в поисках чего-нибудь вспомогательного, но ничего толкового, похоже, найти не смог. – Вот, смотри, это металлическая вилка.

– Ага. И?

– Не знаю, сделай с ней что-нибудь.

Тот ее повертел, покрутил, примерил взглядом. В итоге, состроив скептическую гримасу, подпер рукой подбородок, будто древний мыслитель: – Согнуть что ли?

Тот не без досады задумался: – Нет, слишком просто. Если не руками, разве что.

– О нет, моя мысль не настолько сильная, чтобы манипулировать предметом.

– Может, ты умеешь переваривать металл? – Встрял я, когда разговор в очередной раз зашел в тупик.

Наступило молчание. Они как-то странно смотрели на меня, даже жарко стало. Я сказал это без задней мысли. Ночной

просмотр фильма о драконе, который питался железом, давал о себе знать. Две реальности слились воедино, и теперь я слабо отличал, что было на самом деле, а что принимал за чистую монету.

– Ну, что ты такое говоришь? – Ответила Маша, не на шутку забеспокоившись, но Антон задумался.

Другие подхватили: – Подожди, ты что, серьезно?

Он пожал плечами в надежде на поддержку: – Ну, я никогда не пробовал. Сами сказали: «Эксперимент».

– Зубы пожалей! – Скептически отозвался Игорь.

– Да че их жалеть-то? Современные аптечки хорошо продвинулись в технологиях. Скоро можно будет и внутренние органы восстанавливать.

– Ох...

Все забеспокоились, а Жабик подхватил пылкое стремление и начал ритмично стучать кулаками по столу, приговаривая: «Да-вай, да-вай!»

Пока они были заняты своими делами, мы решили продолжить разговор.

– Я сама виновата. Пыталась нарушить законы Вселенной, чтобы что-то доказать себе.

– Законы? Это которые: «не дразнить», «не убивать»? Подожди, так все-таки дракон существует? Может, ну все это и просто пойти, да вырвать ему сердце? Загадать память?

Саша снова тяжело вздохнула: – Да нет его, сказки все это. Что касается тебя, ну, у меня есть некоторые размышления.

– Какие?

– Это прозвучит странно, но я все-таки озвучу. Я вообще подозреваю, что ты сам как артефакт.

– А разве такое возможно?

– Нет, конечно, нет. Я неправильно выразилась. Артефакты создаются кем-то. Может, ты тот, кто создает? То есть, ты что-то на ступень выше. Что-то круче магов. Ты примерно понимаешь, какой ты расы?

– Да вроде на человека похож.

Она хмыкнула: – Да мы все тут на людей похожи.

– Хм, не поспоришь. Я постараюсь подумать над этим.

Та в ответ кивнула.

Антон все пытался укусить вилку. Дышал, кряхтел, сгинул зубчики. Кто-то смотрел на это со скептицизмом, а Жабик не думал перестать подбадривать его соответствующими фразами: – Ты попробуй сбоку укусить! Нет, не так. Или кончики. Кончики легче укусить! Да не все сразу, ты их даже не согнешь, надо отдельно!

У меня невольно вырвался тяжелый вздох. Вот кому точно легко живется. Я даже пожалел, что встрял в это дело. Нет, парень явно был не глупым, но больно фанатичным.

– Может, я зря это? – Спросил я шепотом у своей наставницы.

– Да ладно уж. – Сказала она, не скрывая тяжелых вздохов. Кажется, удивить ее нелогичными поступками задача не из простых. – Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в больни-

цу не попало. Судя по его успехам, гвозди переваривать он сможет еще не скоро.

Светловолосая эльфийка, что обслуживала наш столик, с тоской в серых глазах смотрела на это представление на расстоянии пяти шагов. Все стадии покорности судьбе были запечатлены на этих утонченных чертах лица.

– У нас есть керамические ложки, – подойдя к нам поближе, в итоге решила она, – может, они будут помягче?

Я все-таки смог заставить Яну уделить мне пару минут драгоценного времени. Это было нелегко, да и говорить нужно было быстро.

– Так и что же ты хотел? – Она не смотрела на меня. Раскидала по столу папки, что-то внимательно выискивала в них. Я превозмогал самого себя, чтобы не обижаться за нарочитое безразличие. Должно быть, многолетняя жизнь дает свои плоды.

– Я хотел поговорить о своей роли в здешних стенах.

– Всего-то? Я надеялась, что ты имя вспомнил. – Я сжал кулаки, но волю чувствам не давал. Она как будто специально меня с грязью смешивала, чтобы я еще больше чувствовал свою никчемность. Может, Инга была не так уж и права? – Кстати, что насчет этого? Симптомы апатии появились? – Я отрицательно покачал головой. Она, наконец, оторвала взгляд от исписанных бумажек: – Ах, не продолжай, вижу, что есть. Я разгружу твой график. Поставлю мень-

ше тренировок. Питайся получше и спи подольше. Если совсем невмоготу – можешь пропустить первый по расписанию урок.

Сама себе на уме...

– И все-таки, я хотел бы обсудить другое.

Она зажала губы, словно я сказал что-то не то и мне должно быть за это стыдно: – Ну, что ж, давай.

– Я хотел... – Вообще, я собирался высказать ей свои сомнения насчет эффективности моих тренировок, но сразу же передумал об этом. Плохая затея. Она не в духе, это заметно. Уж не знаю, что случилось. Может, ее расчеты не стыковались. Или же отвлеченность от важных вещей так действует на нее. Понятия не имею. Излишне бесить я ее тоже не хочу. Неизвестно на что она способна.

Я выждал паузу, чтобы подумать, что конкретно я хотел озвучить.

– Извини, но у меня мало времени.

– Я хотел бы покинуть ваше общество.

Мои слова возымели должный эффект. Она так удивилась, что даже медленно опустила какие-то важные документы на стол.

Та старалась выглядеть спокойной, но вздутая вена на лбу указывала на противоположное внутреннее состояние: – И что ты собираешься делать?

– Ну, до конца учебного года осталось немного. Людей тут не будет. Остаться в школе нет смысла. Я хотел бы отпра-

виться в вольное плавание и...

– Ни в коем случае!

От ее слов на деревянной поверхности рабочего стола появилась небольшая трещина.

Сглотнув, я все же рискнул задать вопрос: – Н-но... почему?

– Ты знать не знаешь, что тебя ждет во внешнем мире! И мы не знаем, что ожидать от тебя в нем! Да, мне доложили о твоих способностях. Поэтому, в твоих интересах следовать нашим указаниям!

Какой же у нее пронзительный голос. Она способна заткнуть кого угодно.

Немного отдохнув, Яна продолжила: – Черт побери, как ты до такого додуматься только мог? Черт... Дай человеку удочку и он всю жизнь тебя будет презирать за то, что ты тогда не дал ему рыбу, да еще и работать заставил. Вон отсюда!

Меня так трясло, что я напрочь забыл о контроле. За окном проносился сильный ветер. По улице летал разный мусор из переполненных баков. Девушки прижимали юбки, держали волосы, чтобы те к лицу не липли. Где-то вдалеке грянул раскат слепящего света.

Нет-нет-нет! Срочно... срочно успокоиться! Я делаю все только хуже...

Спустя пару часов мне все же удалось совладать с собой. Не нужно было ничего обсуждать. Стоило просто уйти. Мол-

ча. Без нервов. Знал же, что толку нет.

«Мы не знаем что ожидать от тебя» – как ножом по сердцу... За какой скот она меня держит?! Я... я – человек, а не чей-то эксперимент!

Эксперимент...

Что-то больно кольнуло в груди, но... Нет, никакой мысли.

Я сидел в пустом коридоре прямо на полу, уткнувшись лицом в ноги.

– Эй, – сказал девчачий голос, – у тебя все в порядке?

Она теребила сумку-почталъонку. Пыталась до меня коснуться, но видно быстро оставила эту затею.

На ответ я решился не сразу: – Я рад тебя снова видеть, Маш. – Странно, что мой голос не дрогнул. Будто и не окунался в свои мысли вовсе.

Спустя некоторое время мы сидели внизу, в совершенно пустой столовой. Наши голоса даже отдавались эхом среди белых стен и большой территории. Мы обсуждали какие-то фильмы, но это неинтересная часть. Только объяснял, как бы я мог построить кадр в тех моментах, которые мне показались спорными. Она одобрительно покивала, разделив со мной мнение. Я даже такой поддержкой был доволен.

– Тебя что-то гложет? – Вдруг начала она.

Я и, правда, ерзал на месте, не зная как начать.

– Как так получилось, что ты не стала игроком?

Она пожала плечами: – Есть вещи, которые можно ре-

шить, не подчиняясь правилам.

– Я, честно говоря, даже не думал об этом. А каково это? Ну, не играть в игры?

Повторив жест, она ответила не сразу. Ей потребовалось время на обдумывание: – Сложно сказать. Все то же самое, просто без дополнений, но с другими обязанностями. Ты просто не задумываешься над такими вещами. Тебя занимают другие мысли. Скажем, хмм... более заземленные. Да и сама жизнь та еще игра.

– Получается, отличий почти нет?

– Вроде того.

– И что же это, смысла выходить из нее нет?

Она помялась, разглядывая белую поверхность стола, задекорированную узорами природного мрамора: – Тут как посмотреть. От твоего мировоззрения зависит.

– И все-таки как здесь трудно. Ничего не достается просто так. Чтобы что-то уметь – надо этому учиться. Вроде бы есть предрасположенность, а врожденного таланта на самом деле не существует.

Маша заметно улыбнулась. Как же мне приятно видеть девичьи улыбки. Если бы это было смыслом жизни, я бы только и делал, что тренировался их вызывать.

– Увы, здесь все сделано так, чтобы ты тратил как можно больше денег.

– Ужасная игра. Она вообще для людей создана или для жадных толстосумов над нами, которые класть хотели на сю-

жет? Кто это только придумал? А главное: Как в это вообще можно играть? Не могу поверить, что люди добровольно соглашаются на такие рабские условия! Так еще и другим надо для этого подчиняться. А иногда даже терпеть унижения!

– Кто знает. Тут тоже у каждого свое мнение на эту тему. Я не сильна в религии, поэтому ничего конкретного не могу сказать. Да и другие доказать это не могут. А насчет рабства я бы поспорила. Тут тоже работает своя философия. Унижение также явление добровольное. Да и всегда есть шанс, что тебе может крупно повезти.

– Это, типа, рояль в кустах найти?

– Если говорить образно. Да, что-то около того. Хотя некоторые и на дудку соглашаются. Кто-то так всю жизнь готов прожить, надеясь, что завтрашний день будет намного лучше, не прилагая усилий. Лотерея – их путь. На большее они не способны.

– Еще хуже.

– Хуже, если тебе с детства это прививают, а потом и ты сам не можешь дойти до противоположной мысли. Впрочем, для этого тоже нужен навык. Интеллект называется.

– Эх, да, понимаю. – Я почесал голову. Стало так неловко от того, что у меня не осталось аргументов. – Рад, что мне удалось поговорить об этом. Я даже чувствую, что внутри меня стало что-то разжиматься.

– Я, надеюсь, это хорошо?

– Да, конечно. Я чувствую облегчение.

– А... Тогда... я тоже рада.

Она была, в каком-то смысле, антиподом Полины. Не такая опрятная, без излишних подчеркиваний, да еще и в изношенной кофте. Правда, ей нельзя было не любоваться. Маша при своей простоте не теряла обаятельности и чуткости. Вероятно, существуют люди, которые не хотят никому вредить. Думаю, ее можно внести в этот список, если бы тот существовал.

С ней толком не поговоришь, но если начать – оторваться невозможно. Как бы это описать одним словом? Хм... «душевность», наверное.

Вот только если к Полине можно было испытывать романтический интерес, то тут немного другой характер отношений, но более близкий, чем дружественный. Она словно дальняя родственница, которую ты видишь редко, но всегда ей рад, да и она тебе тоже. А главное, она всегда понимает, что лучше всего сказать даже в нелегкой ситуации.

Сделав облегченный выдох и допив стакан компота, я решил на вывод: – А что если у меня нет никого, кроме тебя?

Она сдвинула брови, будто пытаюсь понять, что я имел в виду, но быстро сообразила: – Не, так не бывает.

– Почему же?

– Всегда есть хоть что-то, помимо одного мимо проходящего человека.

Что ж, не думал, что она о себе столь невысокого мнения.

Устав от бесконечных просмотров фильмов, я начал тренироваться в одиночку, когда никого нет. Я выходил в тайное место в ночное время. Незаметно проходил мимо охраны. Включал фонарик, брал тренировочный меч и колотил чучело.

У меня даже начало получаться что-то сносное. Не шедевр фехтовальной хореографии, конечно, но я хотя бы начал попадать в намеченную цель. В любом случае это стало отличным средством, чтобы выплеснуть внутреннюю агрессию.

Жабик, заметивший мои результаты, когда мы были все вместе, даже похвалил меня: – Глория Фортис! («Слава воину», если я правильно понял).

Правда, он сказал, что я схватываю налету, но я слабо в это верю. Другие говорили, что во мне слишком много самокритики и требований к себе. Тут я промолчал. Сухой и Полусухой больше между собой не шептались. Они, словно два брата-близнеца, разделили участь ходить с подбитыми глазами. Не знаю, чьих это рук дело, но догадывался, что это косвенно касалось предвзятого отношения ко мне. У меня пусть и мелькала подлая мысль: «Так им и надо», но не радовался этому. Присутствие эмпатии не позволяло.

Он не был готов доверить мне свой трезубец, но зато отдал ту палку, с помощью которой отбивался гимназист. Она осталась после исчезновения в качестве лута.

По правде говоря, я думал, что этот меч из лиственницы

сам по себе очень неудобен. Однако палка оказалась в разы хуже.

– Может, не стоит мне переходить на это?

– Трудности закаляют! – Смеясь произнес Жабик, после чего принялся раскидываться советами.

Нет, я, безусловно, доверяю ему. Игорю тоже. Саше даже, пусть я и никогда не видел ее в ближнем бою. Они все были профессионалами своего дела. Я терпел любое неудобство ради них. Не могу дать толкового объяснения. Вероятно, их выручка подкупала мое отношение к ним.

В какой-то момент я даже начал молиться на этот меч. Суждал себя за пренебрежительное поведение.

Количества заноз в моих пальцах нельзя было сосчитать. Руки покрывались бинтами, но даже они не спасали от мозолей.

Я все колотил и колотил эту несчастную тряпичную штуковину. После я понял, что одних ударов недостаточно. Мое тело само не пластичнее деревянной палки.

На мнимом враге развороты и уклонения особо не порепетируешь, поэтому меня, сначала, ставили с Полусухим. Тот тоже не промах. Знатно меня поколотил, особенно по ногам.

– Не недооценивай хитрость врага! – Сказал он мне, после того как удар пришелся по берцовой кости и я невольно взвыл.

Я рычал, злился. Погода, само собой, портилась, но оста-

навливать меня никто не смел. Я в кои-то веки показывал результаты. Невысокие, да, но плохими их уже не назовешь.

Полусухому тоже нужно отдать должное. Он заставил меня обращать внимание на то, что раньше мне было абсолютно безразлично. Никогда бы не подумал, что соперник может подбить конечности, а ведь это отличный ход. Так можно и обездвигить, и заметно подорвать сердце. Смотря с какой силы бить... и чем.

После десятка таких болезненных столкновений я все же уловил наперед, как он будет действовать. Математический расчет. Алгоритм действий и знание некоторых законов физики.

Бам!

Донесся глуховатый звук столкновения оружия.

Я смог защитить ногу, подставив палку вперед, словно заключив уязвимое место за решетку.

– Отлично! Молодец! Не останавливайся! – Подбадривали меня позади. Я даже на минуту поплыл от восторга. Даже тучи рассеялись. Я тут же взял себя в руки. Не позволял быстрой музыке на фоне теревить остатки моих нервов.

Тут же последовал еще удар. Его я тоже смог отбить, но заметно хуже. Я мог упустить его, благо сообразил быстро. Теперь я понял, что отбившись один раз – не стоит расслабляться. Не стоит смеяться над людьми, даже если они носят смешные имена.

Я так сконцентрировался, что уже не слышал голосов.

Не без шишек я отбил большинство его выпадов.

На его смену тут же пришел Сухой. Как неудивительно, он проделывал все то же самое, но по рукам. Сказывалось ростом. Правда, это показалось мне сложнее. На ногах я просто стоял и пытался удерживаться, а вот оружие из рук выбивалось на раз-два.

Я кряхтел от боли в предплечьях, но жаловаться не смел.

Пропустив десяток-другой болезненных выпадов, я почувствовал, что достиг своего предела. Внутри меня снова что-то разжалось. «Унижение – явление добровольное» – тот разговор с Машей все еще отдавался в моей голове, но теперь я понял, что она имеет в виду. Все познается в сравнении: любая ситуация, любое положение, любая боль, испытанная на собственной шкуре.

Жаль только, чтобы это все понять, мне потребовалась хорошая затрещина по голове.

Я переломил этот предел внутри себя.

Я дрался с ним так, будто от исхода этой битвы зависит моя жизнь. Да, это больше походило на привычное хаотичное махание оружием, но... я смог застать оппонента врасплох. Теперь он защищался от меня.

Когда он замахнулся на меня и был готов коснуться, я плавно пригнулся и смог подбить его ноги.

Сухой упал.

Игорь хлопнул в ладоши: – На сегодня хватит. Все трое – молодцы.

Осознав содеянное, я трезво посмотрел на результаты своей глупости.

Сухой как-то странно смотрел на меня, и мне стало неудобно, что щеки сами залились краской. Я решил, что нужно протянуть руку, на что он принял предлагаемую помощь без всяких претензий.

– Извините, если я вас как-то...

– Да ничего, – ответил Сухой, вспомнив о фингале, – у меня такое тоже бывало.

– И у меня. – Подтвердил Полусухой.

После, они ушли восвояси. А я стоял и смотрел на эту злополучную палку, которая валялась на еще сырой земле. Не быть воином – плохо. Быть им – тоже не лучше. А что делать-то?

Каждый день я проводил время с Полиной. Наши занятия длились по-разному, но не менее двух часов.

Мы учили старое наречие, но большей частью я его понимал интуитивно, а не логически. Я больше любил болтать с ней на забытом языке, но интереса в нем так и не проявлялось. Понимал одно слово через три других.

Вообще, мне казалось странным, что она не состоит в блюстителях порядка. Я неоднократно слышал, что им нужен маг. Да и сама она даже не догадывалась о нашем содружестве. Она даже о Яне не знала. Точнее, она училась с ней в классе до перехода на домашнее, знала, что та староста ка-

кого-то кружка, но близка не была.

Вообще, тут мало кто близок с другими. Будто, у всех какие-то иные моральные ценности.

Ранее я спросил у Саши, когда у нас была свободная от занятий минутка: – Почему вы с Яной не ладите? – У меня никак не хотел выходить из головы тот подслушанный разговор. Да и общее недоверие с Ингой она явно разделяла.

На что мне был дан ясный ответ: – Она мне, честно говоря, никогда не нравилась. Я здесь только ради... кхм, из-за своей ошибки. – Я знал, что она хотела сказать, но учтиво промолчал. – У нее нет определенного мнения, и она пытается угодить всем и каждому, пусть и в грубоватой форме. Хотя при этом требует, чтобы ее уважали. Просто не люблю людей, которые пытаются присесть на все стулья сразу. От них, как правило, искренности ждать не приходится.

– Ох... а... Полину ты тоже не...

Видимо, она не хотела отвечать на этот вопрос, но мне удалось застать ее врасплох: – Нет, просто... Она соврала однажды. Сказала, что стерла память одному опасному человеку, но не сделала это. Мы за это получили тумачков от главнокомандующей. Это, кстати, одна из причин такого отношения ко мне. Я ее не «не люблю». Я... не доверяю магам в целом. И... знаешь что, если ты вдруг решишь наказать человека, неважно каким способом, пожалуйста, предупреди нас об этом, ладно?

Наказывать? Зачем?

Я согласился и даже дал себе в сердцах обещание ее слушать, но озвучивать не стал. Почему-то стало стыдно. Вдруг не сбудется?

– Странно, мне казалось, что такое обучение языку довольно эффективно. – Продолжила Полина. В ответ я лишь покраснел. Мне было неловко ее разочаровывать. – Кажется, нам стоит попробовать что-то другое.

– Я не самый способный ученик.

– Это моя вина. У меня врожденный талант к пониманию языков. Поэтому, я всегда знала, кем хочу стать. Со мной занимались так, потому что знали, что я пойму. К тебе нужен другой подход. Что-то более простое. Слышал такое выражение: «Счастье в простоте»?

– Я слышал от Саши только: «Простота – хуже воровства», когда... кхм...

– Когда та говорила обо мне? Эх, неудивительно. Но... такое выражение тоже имеет место быть.

Я не хотел развивать эту тему, да и она, видно, тоже: – А, может, я просто не маг?

– Даже если это и так – знание лишним никогда не будет. Может, тебе давать информацию по карточкам? Я собираю разных монстров. Собираю из разных пакетиков со сладостями. Модный коммерческий ход, который всегда срabатывает. Все пытаюсь коллекцию закончить, да не выходит, но тут есть очень полезные сноски. Если выйдешь во внешний мир, без этого знания можно пропасть. Что скажешь?

Я улыбнулся и кивнул в знак одобрения этой идеи. Хорошо, что она не теряла надежды в меня.

Задумавшись, я посмотрел в окно. Стояла хорошая погода. Да и об учебе не хотелось думать. Вот-вот наступит лето. Не понимаю до конца, что это значит, но у всех расслабленное настроение. Люди, гулявшие на улице, следовали по своим делам. Их было много, и все мельтешили как муравьи. У каждого было имя и история... подумать только...

– Да, сегодня довольно жарко. – Сказала она, обратив на меня внимание. – Я открою окно.

Свежий воздух и впрямь не проникал сюда, но я не замечал этого. Мысли были далеко от бытовых вещей.

– Ох! – Папки с манускриптами повалились на пол, когда она неловко пошатнула парту.

– Я помогу.

Я непринужденно собирал бумаги, не глядя по сторонам. И тут я допустил такую ошибку, от воспоминания о которой у меня до сих пор бешено колотится сердце. Я не учел, что Полинина блузка была... кхм... как бы это сказать? В общем, две последние пуговицы были расстегнуты. А я обнаружил это именно в тот момент, когда она встала на четвереньки.

Серебряный полумесяц, висевший на ее шее, качался из стороны в сторону, но стоило на нем расфокусироваться, словно камера, смещающая акцент от главного героя на том, что находилось позади...

Меня словно жаром обдало. Или, быть может, это солнце перестало шадить округу. В любом случае я ощутил такую духоту, что даже давление скакнуло, да и сам я подавился, стыдно сказать, слюной!

– Ты в порядке? – Как ни в чем не бывало, спросила она. Кажется, она не заметила причины моего странного поведения. Тем лучше.

Мне даже потребовалось время, чтобы отдышаться. Сердце не хотело успокаиваться.

– Д-да... я... тут... т-таракан. Крупный.

Она резко встала от испуга: – Ва-а-а! Где?! На полу?!

Я замешкался: – Я... я его уже убил. Все в порядке.

– Ох, хорошо. Прости, я их боюсь. Они гадкие!

– Д-да... понимаю...

Фух. Пронесло.

Все папки отправились на стол, окно открылось, а жара развеялась свежим воздухом. Наши занятия продолжились без каких-либо помех.

В общем, все было хорошо. Правда, с этого момента, мой мозг окончательно атрофировался. Я будто сам себя потерял. Ни о чем другом думать не получалось. Но что самое глупое – я ни разу в жизни не видел этот элемент одежды. Ни на одной девочке. Даже не представлял, как он называется.

Еще одна важная запись, которая, возможно, будет звучать отрывочно, но у меня не хватает должного терпения за-

писать это все по порядку.

Начну с главного, на нас снова напали, но то был необычный случай. Не такой, как раньше, я имею в виду.

Дело в том, что ребята решили выгулять меня во внешний мир, в центр города. Это было и наградой за хорошие успехи, да и дело близилось к концу года и все захотели расслабиться. Грех не запечатлеть в памяти такое радостное событие.

Нас было четверо, не считая меня: Саша с Игорем, которые шли впереди, как путеводители, да Жабик с бардом-хилером. Правда, последняя меня избегала. Понятно почему. Это угнетало, но я старался не подавать вида.

Мне сказали, что мы должны обязательно пройтись по магазинам и купить личных вещей, чтобы больше ни у кого ничего не одалживать. Идея звучала отлично. Надеюсь, я накопил достаточно, чтобы что-то приобрести. Да и нужно было найти... хм... ну, то самое.

– Ребят, только не отставайте. – Сказала Саша. – Это, конечно, не школьный поход, но нам нужно держаться кучнее. Неподалеку обитель наших врагов.

– Неподалеку гимназия? – Тихо спросил я у Жабика.

– За три километра отсюда, ближе не подойдем, не волнуйся.

– Я не... кхм...

А ведь меня и, правда, что-то гложило. Вероятно, выглядел я бледно. Я бы сослался на ту самую апатию, но, я все же много чего чувствовал. Не похоже это на те симптомы,

что мне так красочно расписывали. Полина, Маша, та битва с двумя сотоварищами – они за столь короткое время пробудили во мне то, что словно давно дремало. Находилось на дне, если бы я был океаном.

Я случайно зацепился взглядом за Мару. Она, как и прежде, не проявляла эмоций. Да и в целом, мы ведем себя как незнакомцы. Ей будто жить скучно. Мне кажется, я никогда не пойму, о чем она думает. Даже абстрактно.

Мы, кстати, побывали в музее незадолго до этого. Насмотрелись всяких картин, скульптур. Впечатляющее зрелище! Как много после себя может оставить человек... Не знал, насколько разнообразен наш мир в представлении таких же людей, как я.

Особенно меня поразил «Самсон, раздирающий пасть Семаргле». Такая статичная фигурка, а сколько мощи и силы в ней чувствуется. До этого я знакомился лишь со сменяющимися кадрами, а потому представить не мог, что одно запечатленное движение может рассказать целую историю.

Культура так приятна и разнообразна.

Как мне объяснили, это всего лишь репродукция. Сам оригинал находится где-то там, за моря.

«Интересно, какой земной шар все-таки большой и необъятный!» – подумалось мне. Я, конечно, видел эти карты на уроках географии, но их масштаб заметно отличается от оригинала.

От живописных образов мы перешли в другой зал, где

вырисовывалась какая-то непонятная мешанина. Без шуток. Какие-то геометрические фигуры сменялись беспорядочными каплями красок на холсте. Некоторые были просто покрашены в один тон, без образа и мысли. Я сначала подумал, что это часть обоев, но внизу багета увидел приписку: «Бесконечная фантазия». И это на фиолетовом полотне.

Я видел такое небо...

– Не густая у автора фантазия. – Подведя итог, тихо сказал я. Мне было так досадно видеть пустоту в таких вещах, словно тебя где-то обманули...

– Ага, гуще только краска. – Также шепнула Мара, находившаяся позади меня. Я даже вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Ох... эм... Получается, мне не кажется и это... эм-м-м...

– Плохая картина? А не, просто халтурная работа. Когда не знаешь чем удивить заевшегося зрителя, просто внушай то, чего нет. Как вечные Янины монологи о теории «случайно раздавленной бабочки». А если бы, да кабы. Произошло уже – что тут мусолить?

«Заевшегося? Удивить?» – подумал я. Как же так? До этого столько детализированных образов вырисовывалось на бесчисленных полотнах. Как этим можно насытиться? Тут жизни не хватит, чтобы это все рассмотреть.

– Я никогда не любила абстракцию. – Вдруг продолжила она. – В таких изображениях ни души, ни идеи, ни ис-

тории. Даже воображения, можно сказать, нет. Настроение иногда бывает, но это просто ассоциативный ряд, не более. Весь постмодерн строится на этом: отсылки на поп-культуру, которая уже давно изжевала себя с потрохами. Ни новизны, ни прогресса. Сплошь опыты, определяющие реакцию зрителей. Уроборос, пожирающий свой хвост. Налепил пятен и сидишь, радуешься. Называешь картину каким-нибудь замысловатым словцом, типа: "Весеннее утро у горных склонов после длительного дождя", и показываешь другим. Те, в свою очередь, подхватывают, а то вдруг быдлом необразованным сочтут, так ведь? Как это – не знать, как выглядит "Весеннее утро после дождика"? И наплевать, что на картине какая-то невнятная черно-желтая чепуха с разноцветными вкраплениями. Это нынче – новое видение. Переосмысление. Мета-а-афора! А как же еще оправдать свою бездарность? Абстракция же. Художник так видит... Какая уж тут бесконечная фантазия?

У меня отпала челюсть. Не ожидал такого откровения от самого замкнутого члена нашей компании. Я даже голос Инги слышал чаще до этого дня.

Шарясь по бутикам, каждый пытался найти что-то свое.

Я мялся, перебирал с ноги на ногу. Делал вид, будто заинтересован в чем-то, но у самого мысли направлены не туда. Да и цены кусались... На самом деле, я мельком заглядывался на более приватные вещи. Глазами искал что-то похожее на женский отдел.

Похоже, мое наблюдение вышло из-под контроля, потому что я сам не понял, как был близок к нужному магазину. Все торговцы – сплошь высокие стройные эльфийки с длинной копной расчесанных волос, в опрятной одежде, на каблуках. Как Полина, только взрослые. Я даже на минуту засмотрелся на них, спрятавшись за витриной. Старался включить режим невидимки на полную мощность, покуда статы позволяли.

Стоило мне только обратить внимание на то, что мне было так интересно, я почувствовал маленькую ладонь на своем плече. Она не сжимала меня. Тихо хлопнула, чтобы я сильно не пугался. Правда, это не помешало мне покрыться, мурашками, холодным потом и стыдом.

– А тут-то ты что забыл? – Тихо спросила меня Мара.

Кажется, я был бледнее тех снежных холмов, ранее виденных мной в картинах Всеволода Иванова.

– Я... я... зашел сюда по ошибке... я...

Та, прищурив глаза, оглядел меня с головы до ног. О да, дрожал я так, что не заметить это было невозможно. Каким жалким я сейчас был в ее глазах. Сначала она выкатила монолог, от которого я, чуть было, не растерял последние капли рассудка, а теперь пойман с поличным в... сам не знаю в чем. Просто интуитивно понимаю, что это что-то... непристойное, но... такое манящее. Я даже сам себя ненавижу, но не удовлетворить свой интерес не могу.

– Ладно, – начал я, чтобы избежать неловкой паузы и осуждающего взгляда, – я тебе скажу кое-что, но... ты мо-

жешь обещать, что никому не расскажешь?

Сам не понимаю, почему я решил ей довериться. Просто... больше не думал о ней, как о простушке.

Оглядев по сторонам, она покивала: – Обещаю, если ты – не маньяк.

Я хотел спросить: «Что это значит?», но не стал. Не уверен, что хочу знать ответ.

– Я... кхм, я недавно увидел кое-что в... в-внутри блузки Полины и...

Все-таки настала тишина. Я не знал, как правильно выразить свои мысли. Я просто не знал многих слов и терминов. Плохо, когда знаешь, что хочешь, но не можешь объяснить.

Мару, по правде говоря, я очень недооценивал. Та оказалась на редкость сообразительной: – Ты про лифчик, что ли?

Люди, которые проходили мимо, казалось, обратили на нас внимание, хотя спросила она негромко. Вдалеке даже слышался девичий смешок. Так я убедился в своей догадке. Покраснел, как спелое яблоко.

– Т-тише ты! Я просто... просто хотел узнать что это такое и...

– Ты мог спросить меня. Или Сашу. Может, и саму магичку. Я даже не догадывалась, что ты не знаешь о таких вещах. О, Всевышняя, чему тебя только Яна учит?! – Она потеряла переносицу, размышляя о чем-то. – То есть, ты просто хотел узнать, как это называется?

– Кхм... ну, не только. Я... ну, именно функция...

– В нем сиськи прячут. – Непринужденно выдала она.

Я застыл. Мои уши горели, как печи в столовке.

– С... си... пря...

– Ох, ну да. Женская хитрость такая. Оружие против гра-
витаии. Короче, неважно. Просто мы, девочки, носим это
под одеждой, чтобы не выпирало ничего. Такое вот неглас-
ное правило приличия, как бы глупо это не звучало. Вот и
все.

Как много знаний сегодня выпало на мою голову...

– Ох, вот как. Да, я не подумал об этом. Ну, точнее... я
видел, что... кхм, мы отличаемся, – я невольно положил ру-
ку на свою грудь, но тут же ее убрал, – но не подумал о таком
предназначении. Эх, наверное, мне и, правда, стоило спро-
сить кого-то. Быть может, я не потратил несколько дней впу-
стую, думая об этом...

– То есть ты все это время обдумывал, как выглядит жен-
ский насисьник? Seriously? Почему бы тебе просто не зайти
в этот в магазин нижнего белья?

– Ты серьезно?! – Я так смутился, что даже жаром отдало.
Из-под толстовки, которую обвивал кожаный ремень с кучей
карманов для лута, казалось, пар валит. Все-таки она умеет
заставать врасплох. В этом я не раз убеждался: – Я... я – м-
мальчик! Как ты себе это п-представляешь? – Еще и голос
так дрожал, что даже самому стыдно стало. Не хотел выгля-
деть жалко, а получилось словно специально.

– Ну, так и представляю. Приходишь туда, а ты консуль-

тантке такой: «Мада-а-ам... – она пыталась сделать свой голос более томным и драматичным. Даже челку зачесала назад: – ... а покажите мне, пожалуйста, бюстгальтер!»

Я сглотнул, услышав последнее слово. Они еще и называются как-то по-разному. Первое название было емкое, но цепляющее. Второе какое-то более вульгарное. Какое оно все-таки было пошлое. Та еще специально сделала на нем акцент, чтобы мне вдвойне неудобно стало. Правда, у меня все же получилось сжать волю в кулак.

– Вот так? И зачем мне это? Просто поглазеть?

Мара пожала плечами: – Ну да.

Я сделал попытку пристыдить ее ответно: – Блеск! Запрячь человека, чтобы в итоге не купить вещь!

– Так купи.

– М-мне-то он зачем?! Ты представляешь, какая у продавщицы будет реакция?

– А ты преодолей стеснение. Скажи, что ты себе на вырост выбираешь.

Она залилась звонким девчачьим смехом. Я, скрестив руки, сначала недовольно смотрел на нее, но потом меня отпустило. Я даже сам усмехнулся от своей несообразительности.

Черт, это же была шутка. Простая, безобидная и приватная, какую я слышал раньше.

– Знаешь, а я даже рада, что все так получилось. Мы с ребятами много говорили о тебе, и я даже поверила в то, что ты настоящий избранный. Даже обидно было. Я когда-то хотела

быть такой. Даже до сих пор надеюсь на это, по секрету говоря. Теперь же я вижу, что ты просто обычный подросток.

– Эм-м-м... спасибо? – Я даже сморщился от этих слов. Вроде бы приятно, а вроде бы и в лужу макнули.

– Может, я ошибаюсь. По крайней мере, ничто человеческое тебе не чуждо. Ты даже не представляешь, как это хорошо.

– Вот как? Ох, ну, раз такое дело, то нужно еще заглядывать в места похуже.

– Не увлекайся! Я обещала только об этом не рассказывать.

Я хихикнул: – В таком случае, я тогда и про твой секрет никому не скажу.

Кивнув в ответ, она протянула мне мизинец. Я не понял, что она хотела этим сказать.

– Зацепись своим мизинцем за него.

Я повиновался. Это было какое-то подобие рукопожатия, но, как я понял, более приватное и дружеское. Два «крючка» сплелись воедино. Покачав руками, она продолжила: – Теперь нас соединяет клятва, запомни это.

Ох, знать не знал, что подобные вещи приведут меня до обоюдных тайн.

Так, ну да ладно, я переборщил со вступлением. Тем самым я просто пытался передать, насколько мир для меня широк и непонятен. Мне так многое предстоит узнать. Мне предстоит столько работы над собой... Но все же следует пе-

рейти к главному.

Мы вышли на улицу и бродили тем же построением. Только Мара больше меня не опасалась. Правда, близки мы не стали, но и недопонимание прошло. Игорь с Сашей впереди. Я все смотрел на них со стороны и осознавал, что их отношения все еще оставались для меня загадкой. Они беседовали между собой, но будто поодаль.

– Слушай, – спросил я хилершу, раз уж у нас ранее задалась душевная беседа, – а тебе не кажется, что у наших кураторов какие-то... хм... странные методы общения?

Она смотрела на меня, пытаясь оценить озвученную мысль: – Не, я так не думаю.

Сделав ряд вдохов-выдохов, я все же попытался достучаться до нее снова: – Я, наверное, параноик, но... почему у нас никто не дружен друг с другом? Я имею в виду, вот как в комедиях, мы собираемся в таверне, сейчас гуляем, но между нами будто дистанция. Ты не думаешь о том же?

Я случайно вспомнил Машу и Антона. Да, их тоже парочкой не назовешь, но... у них все равно проглядывается какой-то... трепет.

– А, ты об этом? Мы все привыкшие к этому. Понимаешь, мы не извиняемся друг перед другом, потому что нет смысла. Говорим «спасибо», придавая этому слову большое значение. Мы не бросаем на ветер слов и ничего друг другу не обещаем. Поэтому со стороны может показаться, что мы не дружны. Впрочем, дружба – то еще понятие.

– Ох, это все очень сложно.

– Мы тут все с поломанной психикой. Последствия проб и ошибок. Так уж получилось, что мы первые тебя нашли.

Мы прошли еще немного.

– А что прошла Саша?

– О-о-о...

Меня даже паника коснулась: – Я что-то не то спросил?

– Да не, просто много всякого. Не самый великий мученик из нас всех, конечно, но... дойти до дракона... убить его...

Я не поверил своим ушам. И еще больше не мог принять факт того, что она наврала мне. Я ведь задал тогда ей прямой вопрос. Почему она скрыла это?

В последнее время я только и делал, что размышлял – стоит ли доверять блюстителем? Да еще и недоверие Яны помало мою благосклонность к сложившейся ситуации.

– Н-но она говорила, что...

– Тихо.

Мы заметили, что впереди идущие застыли, а теперь и мы последовали их примеру.

Что-то шумело недалеко от нас. Как назло мы шли по безлюдной местности, окруженную зарослями каких-то вьющихся растений, похожих на плющ. Как нас только сюда занесло?

От этой тишины мне стало некомфортно. Да еще и музыка нагнетала. Мы ждали, когда начнется то самое.

Саша достала стрелы, занесла за тетиву и встала боком.

Игорь с Жабиком достали по оружию. Я решил не отставать и также достал кинжал. Ну, хотя бы сейчас мои забинтованные руки не дрожали. Мара же просто стояла в стороне. Это не ее битва, претензий к ней не было.

Они вышли из засады всем скопом.

– Ах, ты! – Воскликнула Саша, не сумевшая предвидеть этот шаг.

Послышались звуки выстрелов. Металл звенел, соприкоснувшись с похожей поверхностью, доносились грозные крики. Они втроем брали на себя большую часть заботы. Я смотрел по сторонам и пытался понять, куда наступать. Кажется, гимназистов я слабо интересовал.

Когда я подобрался поближе, к одному из них я уже занес за голову оружие, Жабик настиг его быстрее. Ох, черт. Это могло быть моим первым устранением.

Персонажи растворялись в природных текстурах, доносился звук выпавшего лута. Он схож со звоном монет, выброшенных на стол, но очень непродолжителен.

Первая волна подозрительно быстро закончилась.

– Мне это не нравится. – Сказал Жабик.

– Мне тоже. – Ответил Игорь. – Держим оружие наготове. Тут что-то не так. В жизни не поверю, что они повторяют те же ошибки.

Я послушался, но вернулся к Маре. Ребятам не до моих вопросов, поэтому я решил, что лучше поговорить с ней: – Почему их всех устранили? Разве Игорь не вскрывает код?

Та пожалала плечами: – Их много, а на стирание частиц хаоса нужно много времени. У нас оно едва ли есть.

– А... вот оно что...

Черт, я ведь и, правда, жутко не сообразителен. Тогда, с Жабиком, это восприняли как обратимое.

Музыка не прекращалась, но время шло.

– Черт, – не выдержала Саша, наострив уши, – это уже походит на издевку!

– Так и есть, я думаю. – Ответил друг. – Либо они поправляют здоровье и стати.

– Гребанное искажение временной линии.

Спустя пару минут вторая волна все же раскрыла себя в полном составе. Их было чуть меньше, но они стали свирепее и злее.

Все повторилось. Поэтому я решил просто прикрывать троицу. Игорь с Жабиком, пусть и не без трудностей, но все же справлялись со своим долгом. Саша не отставала, но чтобы попасть в цель, ей требовалось немного времени. Вот о ней-то я и заботился.

Я даже смог оглушить ударом по ногам приближенного к ней противника, когда я вспомнил, что у меня в инвентаре осталась та палка. Следующий удар пришелся по рукам, когда тот, даже когда упал, пытался махаться мечом. Нажитое имущество его рассыпала стрела.

Она кивнула мне в знак благодарности и снова принялась за цели.

Вспомнив о прошлых тренировках, я начал махать палкой в надежде «авось попаду». Все-таки кинжал был для меня маловат. Чтобы им ранить, нужно была подойти слишком близко. Те, кто решил мне таким образом помочь, вероятно, не предусмотрели этот нюанс. Палка была моим великим спасением. Она длинная и имеет небольшую тяжесть.

Я бил по конечностям, стараясь не разбазаривать их сердца. Странно, еще несколько минут назад я был готов на радикальные меры, но сейчас я только приходил на подмогу. Что-то внутренне отталкивало меня от устранения.

Лиственница...

У меня в руках была лиственница. Я занес ее над головой и...

– Берегись! – Крикнул Жабик в мою сторону.

Пока я был в раздумьях, вражеский меч пробил мою грудную клетку. Я видел пронзившее меня острие.

Я замер. Было так больно, но я не сразу осознал это.

Если вспомнить ранние объяснения, то я должен был потерять сознание. У меня было два сердца. Я долго копил на него, благодаря квестам Васильева и собиранию лута по кустам. Теперь оно треснуло и расщепилось на несколько мелких осколков. Я интуитивно знал это. Чувствовал. Не догадывался, как это выглядит в деталях. Я просто понимал, что это происходит вот так. Однако я все еще был здесь и не собирался отключаться. Разве что немного полежал на земле, чтобы боль утихла.

Тот, кто ранил меня, произнес что-то похожее на: «Так вот ты какой... обычный мальчишка...»

Сначала я не придавал этому значение, но пока у меня было время, до меня дошло: «Зелье...»

Ко мне тут же подбежала Мара и начала напевать эту ужасную песенку. Ребята прикрывали ее.

Правда, мне стало легче, пусть и только физически.

Почти все испарились. Звуки ударов все еще доносились по округе. Они отдавались эхом в полупустой местности. Звон зубцов, стали и наконечников стрел звенели в моих ушах, как те раскаты молний на пасмурном небе.

Как жаль, что я не могу просто так взять и вызвать ненастье. Меня и так эмоционально качало из стороны в сторону. То я артефакт нерукотворный, то я ничем не лучше среднестатистического подростка. Апрельский дождь, полезен я или нет?!

... «Обычный мальчишка»

Я хотел как следует разозлиться, да так, чтобы весь небосвод озарялся горящими фейерверками, но в голове что-то шелкнуло. Я широко раскрыл глаза и, невзирая на неудобство, приподнялся.

– Нет, не устраняйте его! – Я показывал пальцем на своего убийцу.

Даже Мара удивилась: – Чт...

– Он умеет говорить! Он говорит!

Троица не задавала лишних вопросов, но скептицизм на

лицах так просто не скрыть. Правда, не сказать, что они не доверились мне. Увидев его бегающие глазки, они передумали его устранять. В противном случае это всегда успеется.

Парни кивнули друг другу, и пошли в наступление с обеих сторон.

– Воскресное утро! – Завопил тот.

Теперь ни у кого не осталось сомнения в моей правоте. Да и у меня, честно говоря, тоже. Мало ли что мне могло показаться в полудреме.

Противник достал из кармана какую-то штуку, и та создала дымовую завесу неестественного лавандового оттенка.

– Ах, ты! – Крикнул кто-то.

Жабик принялся размахивать трезубцем и туман частично развеялся.

– Он ушел? – Озадаченно спросил Игорь.

Все пожали плечами, но музыка, ни на долю не стихла.

Он вырубил земноводного, когда вылез из ниоткуда и тут же принялся отбиваться от меча и стрел.

– Черт побери, он – невидимка! – Крикнула Мара. Готовая подбежать к пострадавшему, я, следуя внутреннему чутью, понял, что дело – дрянь, и заблокировал ее движения.

– Нет-нет, не сейчас! Мы не можем тебя потерять!

Та сначала пыталась шипеть, но сразу же пришла в себя. Кивнула, но с беспокойством смотрела на происходящее.

Он такой же превосходный боец, как наш сотоварищ.

Они отбивали удары друг друга. Лязг двух железяк нельзя

было не услышать даже на другом конце города. И тяжелое дыхание, и рев, и свист рассеченных потоков воздуха – все смешалось воедино. Нельзя было предугадать, чем это кончится. Ни у кого не было превосходства. Казалось, это длится бесконечно долго. Уставшие, искалеченные. Оба перехватывали аптечки, но выносливость сходила на нет.

Когда казалось, что гимназист вот-вот упадет, он вытянул руку вперед: – Стойте-стойте! Подождите!

«Какого черта?!» – подумал я, да и все наши, похоже, тоже.

– Давайте придем к консенсусу, – продолжил он, – смотрите, вы отдаете мне этого парня, а взамен – я вас не трогаю. Идет?

– Чего?! – Крикнула Саша, взъерошенная от ярости и уставшая от происходящего. Она уже не стояла прямо, да и плечи болели. Крепко сжимать лук уже не могла, руки тряслись. – Ты вообще в своем уме?!

– Зачем тебе он? – Отдышавшись, спросил Игорь.

– Так вы принимаете мои усло...

– Зачем тебе он, я еще раз спрашиваю?

Тот, пытаясь что-то выдать из себя, зарычал, словно хищник на охоте и тут же что-то достал из кармана.

– Берегись! – Крикнула лучница.

Он кинул взрывчатку и закрылся за щитом. Несколько секунд ничего не происходило.

Она, недоумевающая, покрутила пальцем у виска и запульнула

луком бомбу в направлении зачинщика. Ловушка хлопнула, а за дымовой завесой тот стыдливо кричал: «Она на меня напала! Она на меня напала!»

– Ах, ты, потрох сучий! – крикнула Саша, сжав кулаки: – Дождь апрельский! Утро, как ты там, воскресное!

Способность выручила его из передраги.

– Скрылся. – Не скрывая досады, прошипела она. – Как ты?

Игорь махнул рукой, мол, нет повода для беспокойства. Бард уже завела свою песню.

Я решил пойти к ним: – Мне жаль, что нам не удалось...

– Забей, сам как?

Я даже растерялся. Столько сил почему зря и она так просто с этим мирится?

– Ну, я потерял сердце, но...

– И ты не потерял сознание?

– Хм, нет... даже глаза не закрывались. Так, перед глазами плыло, разве что.

– Интересно. Повезло тебе с выносливостью, парень. Ты морально очень крепок. – Она похлопала меня по плечу. – Спасибо за...

– Не стоит. Кто-то должен был тебя прикрыть.

Поджав губы, она кивнула. Раз я часть команды – я должен поддерживать их негласные традиции.

– Зато теперь кое-что прояснилось. – Сказал Игорь.

– Ты о цели? Ах, черт, я ведь догадывалась.

Я переменнно смотрел то на нее, то на него. Я не хотел задавать тот самый вопрос, потому что знал, каким бы ни был ответ – он для меня неприятный.

Я чего-то стою?

Глава 4

– Итак, настал первый день лета, но это ничего не значит. Мы, как и прежде, будем приходить сюда, и защищать территорию.

Мы сидели с Яной в библиотеке после очередного урока от Полины. Последняя, к слову, была очень заинтересована в обучении мифологии. Как оказалось, та сама освежала в памяти когда-то забытое.

– Ох, у меня даже была такая игрушка в детстве. – Показывая мне карточку с изображением медведеподобного существа, заросшего шерстью, с красными глазами. – Она была такая мягкая. Жаль, руки-крюки, почти до синтепона истерла.

– Выглядит... жутко...

– Еще бы, это оборотень-перевертыш, как и четверть существ в этой колоде. А сама игрушка имела мало общего с оригиналом. Они никогда не шьются точь-в-точь, иначе они теряют свою привлекательность, а законы купли-продажи не любят убыток.

Даже в торговле есть какие-то законы. Везде и всюду они. И все нужно, конечно же, соблюдать.

– О-о-о, а за вот этой Ползучей тварью я даже охотилась вместе с отцом. Я так хотела поймать его в банку. Правда,

слабо помню, для чего.

– Может, тебе просто нужен был питомец? – Мне потребовалось немного времени, чтобы выстроить логическую цепочку. – Ну, знаешь, чтобы... Чтобы было о ком заботиться.

Та вздохнула: – Наверное, в этом есть зерно истины. Хотя, заботиться о Ползучей твари дело неблагодарное. Точнее, он, конечно, живой и все такое, но... хмм... нет взаимности.

– Ответных чувств?

– Ну, да. Эмоциональной отдачи, если конкретно. То есть, это забота в одну сторону. Как-то... грустно, что ли.

– Да, понимаю. – Вздохнул я. Невольно вспоминались прошедшие события. Меня то хвалили, то держали на заднем плане. То принимали за своего, то боялись. Внутреннее противоречие разъедало меня, и я вновь становился тусклым и апатичным. У меня не то что имени не было, даже названия для меня не придумали. Только общее собирательное – человек... И то – не факт. – Но, в твоих карточках наверняка есть какое-то разумное существо?

– Хм, надо подумать. – Картинки перелистывались один за другим. Звучал шелест плотной бумаги, покрытый блестящей голографической пленкой. Видимо, это тоже элемент привлекательности, созданный для потенциального покупателя. – Ох, вот.

– Эм... дракон?

Не скрывая улыбки, она кивнула: – Ага, клевый, да?

– Да, но... первое правило гласит: «Не буди...»

– Нет-нет, это не тот дракон, о котором идет речь. То – имя нарицательное, а он – настоящий. Этот вымерший вид. Раньше такие свободно гуляли по земле. Нападали только в случай опасности и добычи пищи. Они не были огромными. Скорее длинными, тощими, как рептилии, но размах крыльев позволял свободно отрываться от земли. Да и огнем не все плевались.

– Звучит круто. Неужели люди истребили их?

– Это старая история, о которой никто не расскажет. Официальная версия – их убил метеорит.

– Какой ужас!

– Да. Уж не знаю, зачем Вселенная создает то, что обречено на гибель. Ну, если эта версия верна.

«Да, сам вот о таком думаю»

– А если бы они существовали, ты бы завела такого? – Правда, меня больше мучил другой вопрос, связанный с Сашей, но я решил оставить это.

– О, конечно! – Тут она задумалась, но после снова ожила. – Я... я бы хотела испытать чувство полета... и безмятежности.

После этого диалога Полина словно сама впала в апатию. Кажется, это изображение крылатого ящера заставило ее о чем-то задуматься.

Так вот, возвращаясь к Яне.

Точнее, продолжать тут нечего. Она мне дала наставлений перед уходом, составила расписание моих тренировок и обу-

чающих программ.

– Я буду приходить раз в неделю, и проверять твое самочувствие. – Я кивнул в ответ. – Есть какие-нибудь жалобы? – Отрицательно покачал головой. – Вообще, есть что сказать?

Переминаясь на месте, я нехотя сказал: – Я все еще не знаю, кто я.

Та устало вздохнула: – Да, согласна, это большое упущение с нашей стороны. Да, ты не ослышался. Твоей вины тут нет. Мы много чего перепробовали, но какой подход для тебя нужен – так и не знаем.

– Жаль, нет такой штуки, которая бы вместо чтения мысли, показывала прошлое.

– Да нет, есть. Монстр такой древний. Называется – Зеркало мира.

– Слыхал о таком от Полины. Потому и вспомнил. Но она мне велела даже не упоминать о нем.

– И правильно, что предупреждает. Скользкое существо. С ним больше потеряешь, чем обретешь. Честно говоря, у меня была мысль прибегнуть к нему, но... здесь важно остановиться. Знаешь, это целое искусство. Контроль не менее важен, чем сама битва.

Да я и сам не горел желанием рыскать по лесам и заключать с ним контракты. Во-первых, у меня не было ничего, что можно было отдать. Во-вторых, я и сам боюсь увидеть в нем свою истинную сущность.

– А что... что делать с тем гимназистом?

– Говорящим? – Подумав, она пожала плечами. – А что с ним делать? У него тогда была настойка «хамелеона». Мы бы его никак не вычислили. Упустили – что теперь сделать. Главное, мы теперь знаем, что «Вечное молчание» пьют сольно, не смешивая с другими напитками.

Меня удивило ее спокойствие. Он мог стать ценным пленником, но ни один ее нерв не дрогнул.

– Значит, есть шанс взять кого-нибудь снова?

– Конечно.

Я сжал кулаки и решил пойти напролом: – Тогда напоследок, я кое-что спрошу?

Та даже растерялась и мельком осмотрела меня с головы до ног. Видимо, я переборщил с низкой тональностью в голосе.

– Да... конечно...

– Мне, вот, сколько рассказывают о них, а я все не пойму: кто они такие? И... как думаешь, зачем я тогда ему нужен был?

– Ну, на последнее я сразу отвечу – знаю не больше, чем ты. Ты сам подозреваешь, что это связано с твоими выдающимися способностями, не так ли? – Я сглотнул. Эти мысли я подавлял в себе, ни с кем не общался на эту тему. Делал вид, что не заботит. Потому, когда тебе в лоб озвучивают то, что у тебя на душе – невольно вздрагиваешь от неожиданности. – А с первым все проще. Аналогичная школа. Я бы даже сказала – идентичная. Без шуток. И учатся в ней такие

же, как мы. Существует лишь нюанс: носят название «гимназия». Так якобы престижнее.

– То есть, их отличает лишь имя?

– Ну, местоположение еще, а так – да.

Я все еще слабо доверял ей, но приходилось верить на слово. Имею то, что имею.

– А откуда ты знаешь наверняка?

Она улыбнулась: – Я там училась.

Ох, то есть, теперь и этот вопрос прояснился.

– Но... теперь ты здесь?

– Да. Что-то не так?

– Нет, просто... раз там престижнее, почему...

– Говорю же: «якобы». Да и не нравятся мне их настроения общие. Не созвучны со мной и методы не одобряю. Здесь уютнее и люди не такие заносчивые и... фанатичные. Простора для работы больше. Я бы многое хотела рассказать, но не могу. Одно знаю – их зависть ни к чему хорошему не приведет.

Когда я выходил из кабинета, она отвернулась, но я видел эту мимолетную улыбку.

Почему у меня мороз по коже?

Прежде чем воплотить свой замысел, мне предстояло немного поработать над внешними обстоятельствами.

Мой боевой навык постепенно пополнялся.

Помимо тренировок в ночное время, я все чаще вставал

в пару с кем-нибудь из наших. Я даже успел схлестнуться с Жабиком. Ох, и проворный же он. Так усердно пластырями я еще не обклеивался. Даже после потери сердца хозяин трехзубца не потерял сноровки.

– Да у меня их много, – сказал он после того случая, – штук шесть еще. Я через многое прошел, то ли еще будет.

С Игорем побороться не удалось. Тот, как всегда, был молчалив и не стремился идти навстречу.

Да и Саша туда же. Как я позже выяснил, она не считала себя хорошим бойцом: – Я умею лишь уворачиваться, да атаковать в спину. Не горжусь этим, поэтому стараюсь быть в стороне.

Теперь понятно, почему она не брала меч поновее.

Маша как-то сказала, что она привыкла принижать себя, но я думаю, что та предпочитала не строить иллюзий вокруг своей личности.

Эти двое из ларца, словно рыбак рыбака. Неудивительно, что они всегда ходят парой.

– Слушайте, – сказал я как-то лучнице, решив идти до конца, – вы вообще можете друг с другом нормально поговорить?

– Чт... – Видимо та быстро поняла, что я имел в виду. Побагровела, начала заикаться: – к-какого т-ты...

Сжав губы, я старался создать впечатление личной непоколебимости. Я должен стать жестким. Таким, будто я тоже поломан психологически. Таким, будто я сам прошел через

круги ада: – Да, я знать не знаю, что ты пережила, но... почему ты не можешь просто взять и поговорить с человеком, который тебе нравится?

Да, кто-то должен был решить этот вопрос. Я решил взять на себя эту тяжкую ношу. Пусть ненавидит меня, но я буду честен сам с собой. Не хочу оставлять после себя неразрешенные ситуации.

Правда, ее реакция меня удивила.

Поразительно, но... хоть кто-то рассказал мне о том, как она попала сюда, не прибегая к метафорам и недомолвкам.

Мне понадобилось немного времени, чтобы переварить всю информацию. Советчики, мать... дракон! О, Всевышняя это... это было бы похоже на бред, если бы только я не хотел ей верить.

Я догадывался, что именно эту девушку меня приковывает эмоциональная привязанность. Это объясняло мое желание подтолкнуть ее на столь важный шаг.

– То есть... Погоди-ка, – я проговаривал медленно, чтобы самому понять всю хронологию повествования, – ты уничтожила всю пирамиду учеников, обхитрила советчицу, нагнула всю банду блюстителей и вырвала сердце огромному, мать его, дракону, но ты так и не смогла признаться себе, что любишь своего друга?!

Та принялась шумно выдыхать: – Да что ты вообще понимаешь?!

Мы оба сорвались. Теперь, будучи злыми, скрестив руки

на груди, испепеляли друг друга взглядом. Никто не соби-
рался идти на уступки. Чудно! Почти...

И все-таки я решился: – Ты даже не попробуешь?

– Ты не понимаешь, что это не так просто?

– Нет, не понимаю. Что в этом может быть затруднитель-
но?

Она помялась, но вполголоса все же ответила: – Отказа
боюсь. Непринятия, понимаешь? Сейчас не та ситуация, что
была раньше. Он не помнит этого. Да и не должен... Он во-
обще мне ничем не обязан, и я знаю об этом.

Я расслабился. Мне даже самому легче стало от ее слов.
На самом деле, это давало исчерпывающие ответы. Я бы даже
сказал, что снова вспомнил о чем-то, но даже образов не бы-
ло. Такое же дежавю, как и раньше, но без картинки в голове.
Такая же интуитивная ситуация. Неуловимая. Эфемерная.

Забыв о своем намерении, я снова сделался твердым и
непокорным.

– Ты никогда не узнаешь, если не попробуешь. – В ответ
лишь молчание. – Саш, ты должна...

– Не должна! Черт, зачем я тебе вообще это рассказала.
Ты думаешь, я понятия не имею, какого ты мнения о нас?
Я чувствую твой страх. Я вижу его на твоём лице! Почему?
Я пережила то же самое. Страх будущего. Страх перед при-
родой, которая владеет нами, а мы ей – нет. Но ты хотя бы
можешь попробовать. Злишься – капает дождь. Радуешься
– сияет солнце. Боишься – дует ветер. Да я все на свете бы

отдала за такие умения, а ты тут стоишь и нос воротишь!

А вот это задело: – Так... возьми его. Устрани. Посмотрим, какой лут выпадешь.

Кажется, я смог ее вразумить.

– Прости... я... я наговорила...

– Да не надо извиняться. Сама знаешь, что это слова на ветер. – Я всеми силами старался не сердиться на обиженную жизнью девочку. Вся нижняя губа была искусана до крови. – Ты уже рискнула нарушить правила Вселенной. Ты не понаслышке знаешь, что все желания не стоят ни гроша. Мне... досадно слышать от тебя такое.

Та, ожидаемо, снова завелась. Так и думал, что ее легко перебросить из крайности в крайность: – Пристыдить меня вздумал?

– Да. Ты ведь этого от меня хочешь?

Она побледнела: – Парень, ты серьезно считаешь, что мне действительно от тебя что-то нужно?

– Всем ведь что-то нужно, да? А от меня тем более. Вы все меня боитесь, потому выглядите не лучше, чем я. Еще бы, я же вон какой уникам! Много чего могу и еще много чему научусь. Каково, а?

Похоже, я смог раскачать ее, даже таким гнусным методом.

– Какой же ты бедный ребенок... Да я богаче тебя во сто раз, даже будучи с пустым кошельком и минимум умений, понимаешь?

– Да кто кого пристыдить тут пытаются? А? Богатая? Так возьми и докажи это. Утри мне нос, да так, чтобы теперь я перед тобой извинялся.

Опустив голову, она тихо зашебетала: – Ты думаешь, я не понимаю, что ты делаешь? Зачем тебе это? Вот зачем?...

– Потому что... потому что... у меня, кроме тебя, больше никого нет. – Спокойно сказал я, проговаривая каждый слог. Да, пусть так. Выразил свои чувства, как смог. За этот месяц, что мы провели вместе, она стала для меня не чужим человеком и больше, чем напарником. В ней было мало физической силы, но в ее груди билось золотое сердце. Я так чувствовал. Вся эта показная вредность, озлобленность, агрессия – не более чем маска. Защитная реакция, не позволяющая ранить себя.

– Никого кроме меня? Да ты... беден, парень.

Я хмыкнул, улыбнувшись уголком рта: – После магазина, у меня и правда больше ни гроша за душой.

Та сделала серию глубоких вдохов и молча развернулась. Оказывается, брать людей «на слабо» не так-то сложно. Я этот прием взял из одного старого фильма. Стоило попробовать.

Далее мне бы пришлось оборвать повествование, потому что я только и делал, что выполнял квесты, да дубасил чучело до изнеможения. Впрочем, уточню, что «неживой соперник» перестал быть для меня полезным. С этого дня я сражался только с товарищами.

О дальнейшем развитии отношений Саши и Игоря мне мало что известно, лишь мельком застал их за бурным обсуждением какой-то темы. Возможно, мне показалось, или я просто не хочу в это углубляться, но... оба плакали. Смею предположить, что они наконец-то открылись друг другу, как два ранимых существа, видевшие всякое. Я хочу так думать. Когда-то же им должно повезти в этой жизни?

К вечеру они уже шли рука об руку.

Сославшись на плохое самочувствие, я отпросился с занятий у Полины. Таким образом, у меня получилось двухчасовое окно. Нужно было спешить. Да и она сама не расстроилась от такого исхода. Принялась изучать в библиотеке какие-то книги.

Быстрым шагом мне удалось преодолеть почти два километра. Я шел, надеясь интуитивно разыскать ту безлюдную дорогу, где на нас напали.

Правда, спокойно на душе не было. Это был отчаянный шаг.

Я... устал.

Устал врать самому себе, что все в порядке.

«Честен сам с собой» – ох, кому я вру?

Не могу сказать, что последние дни я хорошо спал. Учебники не читались. Фильмы не смотрелись. Я все больше и больше уделял времени бесплодным раздумьям. Это пожирало меня изнутри. Моя безымянность никак не сказыва-

лась. Я так привык к ней, что даже перестал задумываться: существует ли для меня вообще какое-либо имя?

Часы превратились в многочисленные минуты, а те в свою очередь, в секунды. Неопределенность губила мой рассудок. Так продолжать невозможно. Я сам как питомец здесь. Меня держат в четырех стенах, заботятся обо мне. Просто кому-то нужно чтобы я был и набирался сил. Это тоже, своего рода, быть закатанным в банку.

Даже если меня устроят – это всяко лучше, чем жить в неволе и дышать библиотечной пылью.

Только вот, если чувство самосохранения меня не обманывает, у меня вырисовывается проблема.

– Кто здесь? – Спросил я, услышав шелест в тернистых кустах позади себя.

Ответа не было.

Я стоял и пытался дышать как можно тише.

– Мара, я знаю, что это ты. Выходи!

Хилерша не заставила себя долго ждать. Все-таки она была очень низенькой, даже в сравнении с Сашей, которая достигала моего плеча. Волосы у нее всегда были заплетены в два низких хвоста, но сейчас она ходила в шляпе. Не с таким острым колпаком, как у Полины, а скорее с хлопнутым в гармошку. В руках держала лютню, словно инструментом для самозащиты.

– Давно за мной следишь?

– Как только увидела, как ты вышел за пределы школы.

«Просто отлично» – подумал я.

– Но зачем?

– Это мне тебя следует спросить.

Ах, ты...

– Я... черт, я не могу тебе сказать это. Ты ведь... ты ведь не сможешь не рассказать об этом, я правильно понимаю?

Она оставалась непоколебимой: – Ты пришел сюда, чтобы сдать ся нашим врагам, да?

Я прикусил губу. Настало мучительное молчание.

– Значит, я права...

– Это... не совсем... так... я бы выразился по-другому...

– Ты хочешь сказать, что я все поняла неправильно? – Я промолчал. – Вселенная! Ты понимаешь, на что ты идешь? Я вот, например, нет. А если тебя поймают и убьют?

– Не убьют.

– Почему ты так решил?

– Думаю... Яна предостерегла бы меня.

– Да ты шутишь?

– А что не так?

– Да от Яны и клещами слово не вытянешь про гимназистов! Саму как будто «Молчанием» напоили. Она все знает и понимает, но никому не рассказывает! Неужели ты не понимаешь, что просто так из престижных заведений никто не перебирается в самую обычную захолустную школу?

Я помнил и про ее отношение к тому самозваному престижу и про недопонимания, но решил не развивать тему.

Не хочу ругаться с Марой. Не то чтобы нет настроения. Она не заслужила к себе такого отношения. Она не была лишена глубины личности и сострадания. Сейчас я хотел верить, что она все делает из альтруистических побуждений, а не по приказу Яны.

– Согласен. Я ничего не знаю об этом. Но... почему бы нам не разведать это?

– Ты шутишь?!

– Да что опять не так?!

– Не опять, а... ай, неважно! Это опасно! Нас слишком мало. Один в поле – не воин, а с бардом разве что умирать под музыку.

– Но, может, нам повезет?

– А, может, и нет. На Вселенную надейся, а сам не плошай!

Лбом я ощутил холод ладони. Обидно. Я не рассчитывал на успех, но не думал, что может произойти что-то подобное.

– Хорошо, но если бы нас было больше, ты бы согласилась на это?

Немного поразмыслив, она приняла решение: – Разведка – это неплохо. Я не боюсь увидеть там что-то, что мне не понравится. Я боюсь их целей, а главное – методов для их достижения.

– Неужели они вырисовываются такими монстрами в твоём воображении?

– Я не считаю их таковыми, но сам посуди: кто в здравом

уме будет нападать на кого-то? А это «Вечное молчание», которым поят своих бойцов. Для чего? Что такое они хранят? Нет, я не хочу знать это! Я не хочу осознавать их превосходство и уж тем более уподобляться им. Война начинается с первого неосторожно брошенного взгляда на территорию соперника, на которой, согласно легенде, трава всегда зеленее. Если я стану такой же – просто устрани меня, а все мои вещи забери себе.

Я тяжело вздохнул.

Стоял штиль, но воздух был свеж, лишен неприятной духоты.

– Почему ты так боишься быть избранной?

Она сморщилась: – Это... не так хорошо, как может показаться. Люди, которые видят в тебе потенциал, сразу начинают нуждаться в тебе. Сначала ты можешь им помочь, и у тебя даже получается что-то. Ты уже и сам веришь в собственную исключительность. Но потом их запросы растут, и их становится все больше и больше. Ты не можешь удовлетворить интересы всех и каждого. Они просят от тебя невозможного и, в конце концов, ты разочаровываешь их. Ты знаешь эти взгляды? Как люди смотрят на тебя в порыве ненависти? Это страшно. Очень и очень страшно. И главное, ты никак не можешь объяснить, что все это было плодом их личного ожидания. Теперь ты – их враг, просто потому что ты не с ними.

– Значит, такова цена твоего таланта?

Она кивнула: – Надеюсь, мои предостережения не прой-

дут для тебя даром.

Мы шли медленным шагом в сторону школы. Молчали. Я перебирал в голове возможные затравки для последующих диалогов. «Думаешь, я для гимназистов – избранный?» или «Как думаешь, что они намерены делать с погодой?», и тому подобное. Не смог набраться решительности. Должно быть, слишком много информации для размышления в столько короткое время. Да и для нее теревить все эти темы, казалось, слишком болезненно.

Я все еще чувствовал чье-то присутствие, но решил все спустить на паранойю.

У ворот школы нас встретила Яна. Недовольная, злая и готовая читать нотации.

Я понимаю, что облажался и подставил ее, но... какие же у нее все-таки странные методы работы. То горячо, то холодно. И ведь совсем не поймешь как себя с ней вести.

Весь последующий вечер я провел за игрой «Обличи дурака» в компании Антона и Маши. Мне приказали не высываться из стен школы. Так что, тренироваться мне запрещено.

Полина к этому времени уже ушла. Мне говорили, что она заперлась в кабинете химии и что-то там делала. Даже пришлось идти за водой и чистящими средствами в соседний кабинет.

Пошел дождик. Морозящий, неприятный. Я выиграл две

первые партии, а следом начала выигрывать Маша.

– Это бесполезно, против нее нет приема. Знаешь, по секрету скажу, мне кажется, это ее способность.

– Я думаю, у нее просто хорошая память. – Возразил я. Умение составлять комбинации слишком мелко, чтобы быть отдельным навыком. – Хотя, может, она чувствует несколько больше, чем мы с тобой.

Тот сконфузился: – Я... как-то не задумывался над этим.

Когда немного распогодилось и солнце начало заходить за горизонт, они попрощались со мной, а я остался один на один со своим отражением в кабинете биологии.

Я постепенно разлюбил ночевать в аудиториях. Да, конечно, мне смастерили так называемую «кровать» из двух матрасов, покрывала и подушки с первых дней моего пребывания здесь. Но мысли о другой жизни не покидали меня.

Меня больше не радовали квесты. Все эти собирания палок, предметов и прочих полезных ископаемых. Хотя я не могу похвастаться большим богатством. Как все-таки здесь трудно.

Раньше мне удавалось засыпать без лишних мыслей, особенно после ночного битья чучела. Тело уставало и само просило отдыха. Сегодня я не выходил на ту закрытую часть, хотя мог бы, вопреки запретам. Не знаю почему, наверное, наказать себя решил.

Сейчас я смотрел в потолок и обдумывал разное. Сон не шел.

В конце концов, я решил полистать записи в тетради. Кое-какие страницы, которые мне показались пустыми и неинтересными, я просто вырвал. Не освоил я ветку зельеварения. Не начинал даже.

Меня так злили эти записи. Я понял, насколько мои суждения о людях поверхностны. Нет, я не обижался ни на кого. Старался, по крайней мере. Просто когда ты сидишь один в четырех стенах – это давит на чувства, делает тебя уязвимым и одиноким.

Наконец мои веки потяжелели.

Я был готов провалиться в сон, но услышал шорох.

Открыл глаза. Огляделся. Никого тут быть не могло. Может, на полке что-то сдвинулось? Я не стал отрываться от постели.

Успокоившись, снова закрыл глаза. Я почувствовал ту знакомую боль. Чья-то рука сжимала мою челюсть.

– Тихо! – Услышал я в ответ на мои потуги попытаться что-то крикнуть. – Тихо, говорю, – шептал кто-то невидимый для меня, – я тебе ничего не сделаю.

– Мфм... ф-ф-ф...

– Тс-с-с! Я сейчас медленно отпущу руку, если пообещаешь молчать. Понял?

Мое сердце колотилось быстрее обычного. Со лба сошла капля пота и чуть было не попала в глаз, но вовремя моргнул. Я рискнул кивнуть в знак согласия.

Он выполнил обещание. Я приподнялся и прошептал: –

Кто здесь?

Впрочем, я уже и сам догадался.

Тот парень, что напал на нас тогда преобразовался из ниоткуда.

– Я тебе ничего не сделаю.

Сперва мне потребовалось отдышаться, чтобы выиграть немного времени. Я пытался составить алгоритм возможного диалога, после чего решился на резонный вопрос: – Давно за мной следишь?

– Считай весь день. Действие зелья вот-вот должно кончиться.

А, значит, у «хамелеона» ограничено время.

– И оно того стоило?

Тот в ответ пожал плечами. Что ж, тактики им не занимать.

Помассировав челюсть, я продолжил: – Тогда, может, расскажешь, зачем я тебе нужен?

– Ты не мне нужен. Моей Госпоже. – В его голосе слышалось какое-то блаженное наслаждение. Уж не знаю, кто она, но теперь появился интерес.

– А. Прекрасно. Еще бы знать, кто твоя Госпожа. Или мы это узнаем в следующей серии?

Тот, не взяв во внимание продиктованную отсылку, ответил не без восхищения в тоне: – Вселенная!

– Ты из верующих что ли? Не, я разуверовал. Уже. Так что я – пас.

Я снова лег и отвернулся от него на бок, накрывшись самодельным одеялом. Сам не понял, в какой момент я сделался таким пассивным и ни во что не вовлеченным. Видимо, общение с блюстителем приносит вот такие плоды. Тот даже кулаки сжал: – Ты издеваешься?!

В ответ я изобразил храп.

– Я тебя еще раз спрашиваю: Ты издеваешься?! Т-ты! Да как ты смеешь?! Я на тебя весь день потратил, а ты мне такое отношение высказываешь?

Я случайно вспомнил тот разговор с Марой. Кажется, я и сам был в таком положении, что этот парень сейчас. Что ж, я еще больше убедился в тогдашней правильности ее действий.

– Ты не сделал ничего, чтобы я тебя уважал.

Я даже услышал, хруст в его костяшках. Наверное, он бы побил меня, но ему приказали доставить меня живым и не помятым. Только сорвал с меня покрывало.

– Мне некогда с тобой сюсюкаться! Тебе совсем неинтересно, что от тебя срывают? Совсем правду знать не хочешь?!

Еще совсем недавно я бы клюнул на этот крючок, но теперь он больше раздражал меня, нежели завлекал.

– Для тебя это так важно?

Тот округлил глаза: – Д-да... Ну, то есть, это не... Так, это не для меня важно! Это важно для тебя!

Я привстал, зевнул, неторопливо потянулся. Достал из

шкафчика одежду и латы. Принялся одеваться. Тот даже выдохнул и смотрел на всю картинку с гордостью. Жалкое зрелище. Видимо себя нахваливает, мол, какой молодец – поручение выполнил. Сам толком не может мысли озвучить. Ах, да, для себя самого же ничего членораздельно проговаривать не надо.

– Ты бы хоть сказал, как тебя зовут.

– Скажу после того, как узнаю твое имя.

Я усмехнулся, дивясь случившейся иронии: – А, так ты, стало быть, обо мне ничего не знаешь? Разведка совсем не докладывает? – Тот, судя по вопросительному виду, не понял. – Эх, ну, видимо придется нам молчать до конца наших дней. Не знаю я свое имя. Не помню его. Память отшибло. Напрочь.

Он поник: – Подожди... как не помнишь?

– Ну... вот так...

Кто бы мог подумать, я выбил его из равновесия вот таким случайным откровением. Я услышал лишь тихое: – Черт, это не входило в наши...

– Планы? У вас есть какие-то планы на меня?

Но парень быстро взял себя в руки, а его глаза даже загорелись по-новому, словно в голове лампочка зажглась: – Я знаю, как вернуть тебе память.

Сначала я растерялся, но чем больше я вглядывался в его лицо, тем больше понимал, какая пустота звенит в его голове. Еще и эхом отдает. Все блюститители сплошь усталые

и унылые, даже Жабик иногда. Однако знают многое, а научить не могут. Этот же отдохнувший, сияющий, а учиться у него не хочется.

– А, новая манипуляция пошла. Зря ты по больным местам бьешь ради результата. Это тебя не красит, как чело...

– О, воскресное утро! Да нет же! Я не вру! Мы... Мы намного лучше, чем вы. Мы – развиты. У нас даже есть свой язык и культура. Мы преуспели во многом, за нами – будущее. У нас есть технологии. Мы можем...

А вот это меня насторожило. То ли отголосок новый, то ли... Не знаю, я почему-то вспомнил те слова Яны. Про длинную жизнь, про... эксперименты...

Как не по себе стало. Меня даже зашатало.

Я тут же взял себя в руки: – Что вы можете? Слушай, ты меня извини, конечно, может я и зря наезжаю на тебя, но... Как я, по-твоему, должен реагировать? Значит, ты, будучи прозрачным, весь день следишь за мной, наблюдаешь, как меня песочит начальница, как я играю в карты и выхожу в уборную. А теперь ты стоишь над душой и выворачиваешь меня наизнанку. Ты серьезно думаешь, что мне следует растаять и пойти за тобой в твой радужный мир? Ты даже не можешь доказать свое превосходство над моими товарищами!

Тот, немного подумав, выдал: – Волшебник.

– Что «волшебник»?

– Зови меня – Волшебник.

Я аж со злости сплюнул: – Тьфу, черт, ты думаешь, мне

это поможет?

А у самого глазки так невинно хлопают, любо-дорого поглазеть: – Ну, да...

Я чуть было не упал. Может, он, и правда, из сказочной страны выполз. Подумать только, если бы это произошло месяц-два назад, быть может, я поверил ему.

– Слушай, на улице уже ночь. Тебе самому-то домой не надо?

– Надо, но...

– Так иди с миром. Передай там этой своей... Вселенной, что если надо, я к ней сам приползу.

– Но... как же так?

Невольно вырвался тяжелый вдох: – В твоей голове не вырисовывался подобный ответ?

– Н-нет.

– Ах, ты ж, бедное дитя. – Я заговорил, как моя наставница. Ох, то ли еще будет. – Зачем вам так резко захотелось поменять погоду? Для какой цели?

– Погоду? Но... это лишь малое то, что ты можешь сделать.

– Так. Следовательно, о моей способности вы знаете? – Тот заметно поджал губы в ответ на веское замечание. – А вот с этого и надо было начинать. Например?

– У нас бытует легенда. Однажды на землю прибудет Герой. Он все это время жил на небе и существовал как созвездие. Уже прошло больше полувека, как оно словно стерлось

из ночного неба. Он должен бродить по краям и изучать человечество. Герой – наш спаситель и путеводитель к истинному предназначению. Он может, как благословить нас, так и... – Волшебник замешкался.

– Так и что?

– Обрушить на нас звездопад. Пожалуйста, пойдем со мной. Только мы знаем, как помочь тебе.

Я заплескал руками: – Так, нет уж! Во-первых, я – не Герой. Я – обычный мальчик. Меня там уроки интересуют, драчки, насисьники всякие. Не больше того, ясно? Во-вторых, ты не мне помочь хочешь, а себе. И не надо врать! Я тебе не верю! И вообще, знаешь, зря я оделся. Иди домой, а я – спать.

Он хотел еще что-то сказать, но передумал.

Когда я лег, я все же услышал скрип двери: – Я... я еще приду.

– Ага. И Вселенную с собой захвати.

Тот, неожиданно для меня, согласился.

Наступила тишина и я предался сновидениям.

Всю ночь какая-то чертовщина снилась. То я ходил по лесу, то бывал на дне моря.

Я ходил по разным дорогам: каменистым, песчаным, усыпанной плиткой и наоборот, притоптанной чьими-то ногами травой. Наблюдал за изменчивостью цвета неба, но неизменным было лишь солнце. Где бы я не находился – эта звезда

всегда светила одинаково и не думала угасать.

Я видел, как осушались реки и заполнялись водой пустыни. Сворачивались горы, а ямы наполнялись щебнем. Леса разрушали пожары, склоны – оползни. Ледники таяли, а цветы умирали от отсутствия дождя.

Почему я так назвал этот в меру спокойный сон? Да потому что меня не покидало какое-то угнетающее состояние. Чуть позже, я понял: я всегда был один. Что бы я ни делал, и где бы я не находился. Я всегда был наблюдателем. Без сожаления. Без участия.

Погода реагировала на мои внутренние колебания, даже когда я находился вне сознания. Всю ночь шел холодный дождь, превращая впадины асфальта в большие емкости грязной воды.

Мыслей не было. Никаких.

Я понимал, что превращаюсь во что-то холодное и нелюдимое.

Долго не мог проснуться. Раскачивался плоть до самого завтрака. О тренировках не шло и речи. Ни нужды, ни пылкого желания.

Преодолев себя, я все-таки встал и оделся.

Выйдя из кабинета, я обнаружил Ингу. Давно ее не подмечал. Даже порадовался ее присутствию.

– Доброе утро.

– Доброе, – ответила она, – ты нужен в библиотеке.

– Вот так сразу? Не покушав?

– Хм, черт. Некогда. Там такое... ох, в общем, сейчас сам увидишь.

Меня даже холодом обдало. Не то чтобы мне было что скрывать. Я все равно записываю в тетрадь все происходящие события и про Волшебника умалчивать я не стану. Яна и так спалила мой побег, что толку-то. Но спокойствия не было, почему-то...

Они сидели друг напротив друга: Яна, которую охраняли Игорь и Жабик и какая-то незнакомка со своей толпой. Некоторых я даже узнавал, мы их устранили раньше. Видимо, после удаления памяти, им снова внедряли в голову положенный догматизм. А вот тех, кого лично чистили от частиц хаоса – не было. Волшебник, к слову, тоже стоял там, позади других. Мы сразу же встретились взглядами и молчаливо поздоровались.

– А вот и он, – представила меня Яна, – живой и здоровый. Как видите, с ним все в порядке. Присаживайся. Как видишь, у нас сегодня гости. Неожиданно, да? Я сама не планировала приходить сегодня, но раз такое дело...

Теперь я был бодр: – Что происходит?

– Позволь мне представиться. – Сказала девушка, представлявшая другую сторону баррикад. – Меня зовут – Ксения. Я – говорящая со Всевышней. Это мои brave воины, что разделили со мной путь: Отшельник, Шут и Волшебник. Впрочем, одного из них ты уже знаешь, так ведь?

«Еще бы не знать» – не без иронии подумал я.

Я устало вздохнул. Странно, что она для такой высокой должности выбрала себе приземленной имя. Да и, похоже, не я один так среагировал. Яна на секунду прикрыла глаза, а Инга, почувствовав духоту, и вовсе вышла из кабинета.

Она продолжила: – Я представляю собой подобие оракула. Я чувствую, что Вселенная говорит мне, а я исполняю ее волю.

Ее речь была медленной, проговаривала каждый слов с сияющим лицом. Блеск в глазах, словно отражение звездного неба. Ксения явно была увлечена своими заслугами, к которым, вероятно, очень долго шла. Такое без гордости к своему предназначению не проговоришь.

Видимо, Волшебник не знает, что такое «шутка». А я еще на себя грешил...

– Стало быть, Всевышняя велела нападать на моих учеников? – Спросила Яна, отхлебнув из расписной чашки.

– Нет. Это была крайняя мера. Ваши бойцы сопротивлялись нашей благодетели.

– Правда? Мирные жители тоже? Палками, наверное, вас тыкали?

Нашему лидеру нужно отдать должное. Видимо, она от природы была неподатлива на разные ухищрения и манипуляции. Даже хорошим тоном не проймешь. Не то чтобы это хорошо, но такое умение бывает полезным.

Та стиснула зубы, но тут же пришла в себя: – Нам очень жаль, если мы смогли ранить ни в чем неповинных жителей.

Мои бойцы обучены, но свирепы. Не терпят, когда кто-то встает на нашем пути.

Яна нехотя кивнула. Лицо же было напряжено, а губы свернулись бантиком. Нарочитый скептицизм, одним словом. Что б не думали, что им все с рук сойдет.

Обе настолько спокойны, словно не люди, а фарфоровые куклы.

– Я ведь правильно понимаю, что ты пришла сюда не сожаления высказывать? Тогда давай переходить к сути. Мальчик здесь. Он чувствует себя как дома. Мы заботимся о нем, у него всегда есть еда, вода и крыша над головой.

– Верно, но к чему это...

– Он не пойдет с вами. Никуда. – Ее голос отозвался эхом по всему кабинету, словно тот был пуст.

Молчание.

Так называемый «Шут», что-то шепнул своей наставнице и она продолжила: – И все-таки, позволь мне высказать свою позицию.

Яна, скрестив руки на груди, оставалась непоколебимой.

– Слушаем.

Ксения смотрела на меня. Она была высокая, стройная. Светлые длинные волосы заплетены в аккуратную косу, ногти бережно подточены, а к пиджаку не липла ни одна пылинка. Создавала вид опрятной, даже щепетильной в вопросах гигиены, барышни. Мне было бы приятно на нее засматриваться, если бы не один нюанс, который значительно портил

все вышесказанное. Она смотрела на всех будто свысока. Вообще ей даже здесь будто было неуютно. Не могла прикрыть свое брезгливое отношение к этому «захолустью». За все это время она даже не притронулась к чашке чая. Если бы умела, то и пола ногами не коснулась бы.

Она встала из-за стола и медленно расхаживала по кабинету: – Я не знаю и не могу знать, что наговорила тебе о нас наша бывшая соратница, но я все-таки начну с важного. Мы для вас – не враги. И таковыми никогда не были.

Я понял, что она вела диалог со мной, поэтому я решил подключиться к разговору: – А кем я должен вас считать?

– Кем? – Не без удивления спросила она. – Ох, а как вы называете себя?

Яна одобрительно кивнула, когда Жабик посмотрел на нее.

– Мы называем себя «блюстителями». – Сказал он с такой серьезностью, что я даже не поверил своим ушам. Такая формулировка нарушала наше общее соглашение. – Потому что мы наблюдаем за порядком в школе и устраняем частицы хаоса. Соблюдаем все законы Вселенной.

Ксения даже заплескала руками: – Какое прекрасное название! Главное – оно отражает суть! Блюсти порядок – не так-то... просто... – Я заметил, как Жабик цокнул, закрыв глаза, а Игорь сжал кулаки. Они двое точно не фанаты жеманных жестов. Наш лидер оставался трезв и неподкупен: – Мы же называем себя – «Избранными».

Я посмотрела каждому из этой делегации в лицо. Волшебник только слегка покраснел, остальные же сохраняли гордый вид.

– А разве «избранный» – это не кто-то один? – Спросил я. – Мне всегда говорили, что...

– Ох, это все плоды узости вашего мышления! Ты, оказывается, так многого не знаешь. Видишь ли, – она встала прямо напротив меня, – избранным делает тебя не врожденный талант или высокие статусы. Избранным могут быть все! Достаточно только захотеть!

Я прищурил глаза, так как не мог доверять ее словам, но решил не рубить сгоряча: – Одного желания достаточно?

– Разумеется! Все начинается именно с него. Так указала Вселенная! Давным-давно она захотела создать мир и вот мы здесь. Мы могли бы не существовать, но она решила иначе. Ты уже, своего рода, избранный!

– Но... если все уникальны, это не означает, что никто не уникален на самом деле?

– Это не так. Никто не может быть не уникален. Ты когда-нибудь видел снег?

– Я знаю, что такое «зима», но не уверен, что видел когда-либо снег.

– Видишь ли, он состоит из кучи маленьких звездочек. Их называют снежинками. Есть теория о том, что эти маленькие кристаллики между собой не имеют аналогов. Каждая из них хотя бы немного, но различна со своими собратьями. Люди –

это такие же крупницы, состоящие из воды. Ты – тот, на кого указала Вселенная. Ты – путеводная звезда в мире, который постепенно поглощает тьму. В твоих силах благословить эту землю. Окропить ее водой и взрастить цветы. Это твоя судьба. Это твоя настоящая сила.

– Раз так, то... чем занимаются избранные? Мы здесь, потому что охраняем святость законов. Какова ваша роль?

«Бравые воины», которыми она хвалилась еще несколько минут назад, начали переглядываться между собой. В их лицах читался немой вопрос.

– Мы выполняем волю Вселенной.

Она смотрела на меня голубыми, как небо, глазами и улыбалась. Странно, но мне больше не хотелось отвечать тем же. Даже задавать вопросов не было желания, какая там жажда избрания? У меня будто внутри что-то перегорело. Точнее, будто цепи сломались. Я стал свободен, но что делать с этой волей я не знал. Меня не научили быть свободным. Я могу в любой момент последовать за ней, но окажусь тем самым в другой ловушке – убеждениях об исключительности. Не знаю, почему я так уверен в этом. Наверное, слова барда еще отдавались болью в моей душе. Абстракция. Ни души, ни идеи, ни истории... Вот оно как бывает. Иногда это не только холст, но и сам человек. Вроде бы красивая картина и имя у нее загадочное, но за ее витиеватым названием больше ничего не стоит. Только замороженное оформление.

– Что ж, в таком случае, я уже избранный.

Ее безжизненное бледное лицо, наконец, налилось румянцем. Заклучив мои ладони в рукопожатии, я почувствовал сильный запах антисептика.

– Я знала, что ты выберешь нашу сторону! Признаться честно, мы...

– Мы все выбрали вашу сторону.

Она зависла ненадолго, пытаясь понять смысл брошенного: – Т-то есть?

– Мы все тут избранные.

– Ам... кхм, подожди, ты, наверное, меня не так понял. – Она пускала смешки, словно от волнения. – Я не могу взять с собой вас всех, ты...

– Нет, все верно. Мы все захотели и стали избранными. А еще мы захотели и приняли ту сторону, в которой сейчас находимся. Мы остаемся здесь.

Разжав объятия, она принялась потирать руки, словно та в чем-то уляпалась.

– Я не могу одобрить такой ответ. – Ее голос стал судорожен, а глаза смотрели куда угодно, только не на меня. – Т-ты должен стать частью нас. Ты нужен НАМ! Т-ты... ты...

– Здесь я нужнее. Да и к тому же, окропить землю я могу и не выходя со школы.

Жабик сдавил смешок. Игорь стоял прямо и смотрел в потолок в ожидании завершения этого цирка.

Она покраснела от гнева и хотела, что-то крикнуть, но Яна остановила ее, положив руку на плечо: – Он сказал свое сло-

во и вряд ли откажется от него. А вас, ребят, я попрошу нас оставить. Мне нужно поговорить со своей некогда коллегой. Один на один.

Мы вышли первыми, а троица чужаков даже не шелохнулась. Их лидер одобрительно кивнула. Ответив тем же, они все же вышли в коридор.

Девушки закрылись. Голос Яны был громок, но ничего конкретного расслышать не удавалось.

– Может, по своим делам пойдем? – Забыв о всякой серьезности, сказал Жабик. – Не то чтобы мне не хочется знать, чем вся эта суета закончится, но... это их дело. Да и тошнит меня от запаха спирта. Знал бы, перед приходом специально извозюкался в грязи.

Я, пусть и плохо, но сдержал спонтанный смешок, больше похожий на похрюкивание.

– Согласен. – Устало сказал Игорь.

Я пошел за ними, чувствую какую-то незавершенность.

– Ребят, – решил я, пройдя приличное расстояние, – а вы ничего не скажете по этому поводу? Все-таки ее слова... она, можно сказать, вас оскорбила и...

Они переглянулись: – Оу, ну, мы не ожидали, что ты так дерзко выскажешь все этой выскочке. – Начал земноводный. – Я даже не знаю, как тебя не уважать после такого! Ну, ты даешь! Да ты тот еще панк!

– К тому же ты не поддался ее влиянию. И... спасибо, что остался с нами до конца. От этих ребят, да и от Яны, можно

много чего ожидать. Плохо не будет, но их фанатизм к хорошему не приведет.

Я удивился такому исходу. Я не совсем об этом хотел услышать, но раз такое дело...

Подумать только, меня похвалили...

Это превзошло все мои ожидания.

Впрочем, я взял во внимание его оговорку. Получается, мои товарищи тоже не питали любви к своей начальнице.

Более того, этим вечером я узнал немало подробностей взаимоотношений ее и Игоря. Оказывается, их мнения часто разнились. Называл ее «темной лошадкой» и фильтровал каждое ее обещание. А когда к ним присоединилась Саша в начале этого учебного года, так тому приходилось с ней ругаться и доказывать, что от нее не осталось ни крупицы хаоса. Да и лучник в команде не помешает.

Не знаю, доказывали ли ей что-нибудь, когда нашли меня, но некоторые моменты прояснились. Я понял, почему они попарно дружны между собой, но все же находились врозь. Если всех причесать под одну гребенку, это не значит, что все будут плясать под одну дуду.

Когда я хотел и сам выразить благодарность за их снисходительность и учтивость, мы услышали громкий и резкий хлопок на втором этаже.

Мы, пребывая в шоке, обменялись взглядами и незамедлительно поднялись, чтобы разведать обстановку. По дыму мы определили, что звук был произведен в кабинете химии.

Вооружившись, мы вбежали в аудиторию.

В круге из пороха, колбочек с настойками и пищевой содой стояла Полина. Вся в копоти, волосы растрепаны, не менее шокированная происходящим, чем все мы. Она держала в руках какую-то шарообразную ящерицу с подобием мелких по размеру крыльев на спине. Его выпуклые глаза косили, как у травоядного животного, а чешуя выглядела не тверже, чем у рыбы.

– Ч-что... т-ты... такое?... – Спросила она, пытаясь понять в какой глаз смотреть.

Глава 5

После этого диалога я перестал нормально спать. Мой режим был нарушен. По ночам я безрезультатно колотил чучело. Засыпал после обеда, но не больше чем на 3 часа.

Казалось бы, меня приняли, но я сам словно нос воротил. Я понимал мозгом, что не был одинок, но сердце не успокаивалось от этой мысли.

Я видел сны и тут же забывал их.

Когда мы тренировались, я чувствовал ненависть.

Удары летели мне навстречу. Теперь я мог отбиваться от них, и получалось это весьма неплохо. Не мастерски, не с ловкостью змеи, но мое тело перестало отрицать природную пластичность. Я перестал стесняться как-то показать себя.

Сухой и Полусухой, залечившие свои раны, даже похлопали в ладоши в знак одобрения моего прогресса. Я улыбнулся, но так... для галочки. Я не был рад их оценке. Мне это не льстило. Я даже перестал описывать бои в своей тетрадке, потому что они стали для меня обычной рутинной. Я сломался. Просто морально подавил былой пылкий дух.

Преодолею себя в глазах других, но... потерпел крах для самого себя.

Один сон я помню лучше всего. Я держал в руках деревянную палку, но не обработанную, как тренировочный меч.

Отмахивался им от какой-то тени. Точнее, это был человек, но... я не могу описать детально, кто он и как выглядел.

Сверкала молния, шел сильный дождь. По округе доносился шелест листьев. Деревья раскачивались, обламывая стволы и ветки. Мои босые ноги утопали в грязи. Воздух был свеж, но холоден. Из рта валил пар. Но я был сам не свой. Точнее, я оставался прежним, но более взрослым, как будто.

Человек начал что-то говорить, и я хотел занести самодельное оружие за голову, но в этот момент я проснулся. Весь в мыле, неприятно пахнущий. Я только продрал глаза, но уже стал себе неприятен.

Эта тень хотела подчинить меня себе. Она хотела... мое имя...

На улице стояла похожая погода, только без ветра и обильной влаги.

Я был плохим...

Не знаю почему. Что-то само подталкивало на этот вывод.

Я сидел в пустой столовой, но кусок не лез в горло.

– У тебя все в порядке? – Спросила меня обеспокоенная Маша.

Она знала, что я вынужден жить в закрытой школе, поэтому пришла в гости вместе со своим другом, чтобы угостить меня бутербродами.

– Честно? Не очень.

– Может, ты заболел? – Переглянувшись с ней, спросил Антон. Он был не менее заботлив. Даже жаль, что я не смог

выдавить из себя хотя бы немного благодарности.

– Да не... – я скривил уголки рта, в надежде, что это сойдет за улыбку, – просто... период такой.

– Понимаю. Мне тоже бывает грустно.

Я чуть было не подавился от такой откровенности: – Тебе?

Я думал, ты – душа компании.

– Да, но... какой ценой! – Да ему бы в театре играть с такими выразительными возгласами. – Ты знаешь, это нелегко поддерживать даже самый ненавистный разговор. Вот порой приходится через себя перешагивать. История: был у меня «друг», значит, так он мне свои стихи рассказывал. Не то чтобы они были плохие, но... Но с другой стороны, он не просил моей критики, понимаешь? Вот сидел и молчал. Пытался не ранить его чувства. И знаешь, что самое обидное? Он по отношению ко мне не испытывал то же самое.

– Неравноценная дружба, одним словом. – Включилась Маша.

– Вот-вот, да. Я это и хотел сказать. Я это к чему. Иногда ты даже не догадываешься, что на самом деле для кого-то ты пуст. Никто. Но делают вид, что ты важен, потому что ты – ценный ресурс для собственного самообмана. А бывает наоборот, человек пустой, а ты его переоцениваешь, чтобы он не догадался. Все смотрят на тебя по-разному. Одинаково хорош для всех ты никогда не будешь.

Мне понадобилась минута, чтобы собрать свои мысли воедино.

Теперь я запутался в себе окончательно. Точнее, я понял одну главную мысль: я никогда не узнаю кто я на самом деле. Почему? Мне просто никто не скажет об этом. Я услышу тысячу голосов, и все будут говорить разные мнения. Я – ученик, питомец, а быть может, даже чей-то друг, а кому-то – враг.

Я невесело хмыкнул.

Столько времени напрасно. Думать-думать и ни к чему в итоге не прийти. Какая ирония...

– Знаешь, я тут подумал. У тебя все-таки есть суперспособность.

Тот оживился: – Да? Какая же?

– Ты человек -... человек.

Он посмеялся: – И моя способность: совершать ошибки!

Я не смог подавить улыбку. Хорошо все-таки, когда собеседник понимает шутки.

– Но при этом осознавать их.

– Да уж, – не без печали подметил он, – а куда деваться?

Прежде чем пойти проведать Мару, мне нужно было выполнить ряд задач: изучить карту, разведать местность, прояснить все нюансы. В конце концов, мне нужен был подробный адрес. Раздобыть оказалось не так уж и трудно, спасибо Маше за это.

Вообще, мне хотелось бы обсудить свой поход с Яной, но, во-первых, ее не было, во-вторых, я усомнился в ее автори-

тете. У меня все никак не выходило из головы все это представление. Два экспоната в музее. Вроде бы люди живые, а не иначе как статуи.

Моросил дождь.

Подумать только, это был второй раз, когда я покидал территорию самостоятельно. Ни тогда, ни сейчас трепета не испытывал. Обычный долг и веление сердца.

Найти нужный дом – уже посложнее задача. Она находилась не более чем в километре от школы, потому путь был не долог, но... эти кирпичики словно под «копировать-вставить» сделаны. Да и номера надо было ухитриться поискать. Они обычно расположены в одном из углов, а его еще надо постараться не пропустить. Потому я больше вокруг, да около шагал, от того времени потратил больше, чем хотелось бы.

О гимназистах я даже не думал. Теперь я был способен защитить себя. В подсобке я выкрал легкий стальной меч. Перед походом я покрутил его в руках. Новые ощущения. Интересные. Он, само собой, был тяжелее кинжала. Как-никак, это оружие и длиннее и больше, выковано не тяп-ляп. Однако и охватывал он большие территории. Теперь врага можно было держать на расстоянии.

Да и после тех переговоров во мне прибавилось уверенности в себе. Я умел дерзить. Я смог отстоять свое право быть там, где мне хочется жить. Не разлучать меня с местом, к которому я привык, пусть эти стены мне и наскучили.

Кое-как я подобрал код к подъезду и поднялся на нужный

этаж.

Я не догадывался о такой вещи, как дверной звонок, поэтому я постучался и тут же оговорился: – Это я.

Я услышал щелчки не менее восьми замков. Мара, закутанная в плед, открыла дверь. Похоже, она была напугана моим присутствием: – Как ты...

– Никого нет. Некому следить за мной.

Кивнув, она поторопила позвать меня в дом.

Я продолжил беседу, пока она закрывала вход.

– Ты очень бережно относишься к собственной безопасности. – Подметил я.

Но она оставалась невозмутимой. – Меры предосторожности. Не более.

Я не стал настаивать. Отряхнувшись от капель дождя, я снял ботинки, помыл руки, и мы пошли на кухню.

– Чай? Кофе?

– Не знаю, я... я не принимал таких зелий.

Кажется, я услышал подавленный смешок. А ведь я до этого пил только то, что мне выдавали в столовой. Обычно это была настойка из сухофруктов именуемая компотом. А, еще там была противная розовая жижa, название которой я благополучно забыл. Она и на вкус и на консистенцию была слишком противная. Сказки о ее пользе для пищеварения я и вовсе выкинул из головы.

– Значит, попробуешь кофе.

В доме было темно по вине скрывшегося за тучами солн-

ца. Нигде не горел свет. Шторы были задернуты. Стены белые, но все равно, хоть глаз выколи, ненароком можно наткнуться на уголки мебели. Не думал, что она ведет настолько затворнический образ жизни.

– Ты здесь одна?

– Мои опекуны работают. Для них не существует каникул.

– Хм... Добывают золото?

– Типа того. Школа не всегда будет с тобой. Рано или поздно период приключений заканчивается и тебе нужно выбирать, что делать дальше. Увы, это необходимо – если хочешь выжить. Так что тебя сюда привело?

– Я... просто поговорить хотел. В последнее время так много всего произошло.

– Со мной?

Я пожал плечами: – Кроме тебя у меня никого... – Я заметил ее скептический прищур. Та будто наперед знала, что я скажу. – Ну, почему бы и нет?

– Ох, ладно... Держи кружку.

Я отхлебнул этой черной жижи и чуть не поперхнулся.

– О, дождь апрельский! Что за...

– Ты и, правда, не знаком с этим напитком?

– Да как это вообще пить можно? Он же горький!... И горячий!

Мара пожала плечами: – Ну, не знаю. Взрослые балдеют.

Меня аж передернуло. Какой отстой! Впрочем, это заставило меня задуматься о будущем. Я жил здесь и сейчас и не

задумывался, а что же будет дальше? Закончится еще один учебный год и мне придется выходить в свободное плавание. Меня уже не будут опекать другие, похожие на меня, ребята. Что я вообще буду делать вне стен школы?

– О чем задумался? – Прервала меня она.

– Да так. Кажется, большую мозоль расковырял. Ну, метафорично выражаясь. Я вообще в последнее время чувствую какую-то боль. Вот будто из той жизни, до потери памяти. Я не могу сообразить. Не могу выразить, что конкретно стало ее причиной. – Вопреки моим ожиданиями, она не стала подкалывать меня и даже перебивать. Внимательно вслушивалась в мои душевные потуги. – Я думаю, точнее, я боюсь, что на самом деле я сделал что-то плохое и... сам себе стер память. Даже сейчас я делаю что-то не то. Да, это звучит наивно, но... что если я специально не хотел помнить, кто я такой?

– Знаешь, – она хлебнула этой дрянной жидкости и немного подумала перед полным ответом, – а ведь это имеет смысл. И ничего это не наивно. Знаешь, я бы все на свете отдала, чтобы больше не возвращаться в деревню и не видеть эти лица, полные скорби и презрения. Неприятно, когда в тебе видят потенциал, а ты не можешь его воплотить. Тебе будто навязывают роль, которой ты не можешь соответствовать. Полина как-то обмолвилась, что существует настойка из пера василиска и еще каких-то трав, но немного поразмыслив, я поняла. Я не могу стереть себе память.

– Почему?

– Я уже нашла свое место в этом мире. От меня здесь многого не ждут. Свои пределы я оговорила сразу. Я просто умею обращаться с инструментом, не более. Никаких воскрешений из мертвых, никаких лечений болезней. Хожу, пою песенки, латаю небольшие раны. Вот и все. Этого достаточно, чтобы меня любили.

Я тяжело вздохнул: – Жаль, я не могу похвастать тем же. Иногда мне кажется, что на самом деле, искренне, меня вообще никто не любит.

Ответа не было.

Насупила печальная тишина.

– А что-нибудь еще ты помнишь?

Я пересказал ей тот самый сон, разве что про погодные условия промолчал: – ... и так я проснулся. Даже не представляю, кем был этот человек.

– Может, это не человек вовсе?

– О, нет, он самый. Он стоял на двух ногах... вроде. Я не чувствовал, что он хочет убить меня. Или устранить. Не знаю, что тут правильнее произнести. У него были планы на меня. Я... был нужен, но не в хорошем смысле слова. Правда, я тоже шел к нему с намерением. Я не защищался от него. Это не была самооборона.

– И все же ты не знаешь наверняка.

– Я так чувствую.

– Хм...

В этой тишине и темноте я не сразу понял, что так напрягало мой мозг. Это был тик часов, которые висели на стене. Их громкий стук отдавался эхом, а потому время, казалось, идет медленнее.

– Когда я перешла сюда, Яна рассказала мне интересную теорию. Я ее вскользь упоминала. Думала, что ты в курсе, но судя по всему, она тебя не посвящала. Есть такая устоявшаяся мысль: Любое, даже самое неаккуратное, действие имеет последствия. Если ты где-то когда-то раздавил бабочку, она не сможет долететь до своей стаи, а те, в свою очередь, лишившись лидера, не полетят в другие края и не опылят цветы. Из цветов не опадут семена. Из семян не вырастут новые растения. Оно умрет и канет в лету. Я это к чему, может, у тебя была цель, но кто-то, метафорично, раздавил тебя? Может, ты нес тайное знание, но тебе препятствовали?

– Тогда, получается, ты спасла меня, но я не могу продолжить путь. Я все еще без памяти.

– Неудивительно. Если бы я была твоим врагом, я бы стерла то, что для меня невыгодно.

– Ужасно запутанно. Эта ситуация выглядит еще абсурднее.

Она предпочла не обращать внимания на мое резкое замечание: – Говоришь, ты, будто, был взрослее, так?

– Да.

– Но сейчас ты ребенок. В теле ребенка, по крайней мере.

– На что ты намекаешь?

Она встала из-за стола и начала бродить по кухне: – Ты не помнишь своего имени. Ты не помнишь вообще ничего, кроме смутных событий, являвшихся во сне. Это очень... недостоверные воспоминания. Ты мог просто насмотреться фильмов и вообразить что-то подобное...

– В том-то и дело, что я не припомню похожих сюжетов. Клянусь.

– Тогда... ох, нет... нет-нет, это невозможно.

Она закрыла лицо ладонью, будто на нее резко свалилась вся дневная усталость.

Я забеспокоился за ее состояние: – Ты в порядке?

– Я... я ведь первая увидела тебя в той яме.

– Да, отчасти я здесь из-за этого. Мне приятно поговорить с тобой, но я хотел бы послушать, что ты скажешь по этому поводу.

Она посмотрела на меня и снова села за стол.

– Меня тогда послали на поляну выполнить один квест. Мне нужна была эпическая кружка Грааля. Говорят, она делает любой напиток святым. Да и опыт не помешал бы. Так вот, как ты уже знаешь, это был период «Великой меланхолии». Мы сами так называли его. Изначально, я испугалась тебя, когда нашла эту выемку. Я думала, там лежит кто-то намного старше меня. Когда я позвала на помощь ребят, чтобы они вытащили тебя, я не поверила своим глазам. Я подумала: «Может, из-за плохой погоды мне померещилось что-то не то». Там, как оказалось, лежал обычный мальчик

среднего роста, да еще и на вид погодка. Я тогда помялась, неудобно было перед ребятами. Так и объяснила, что обо-зналась. Правда, они особо не расспрашивали. Отнеслись к моей спешке с пониманием. Мы итак прибыли спустя пару часов. Я все боялась, вдруг тебя дождем затопит или кто дру-гой тебя обнаружит. В общем, теперь ты тут.

– Стало быть, это могло и не померещиться?

– Я все еще не могу отрицать это, но я не понимаю тогда еще больше. Как это могло получиться? Ты просто взял и принял другую форму?

– Может... быть... Та девушка, которая главная из гим-назии, тебе ведь докладывали, что она приходила к нам до-говариваться на мир? – Она кивнула в ответ. – Так вот, она сказала, что «непогода» – это самое малое на что я способен. Мне, конечно, неловко такое говорить тебе, да и я сам в это не верю, но...

– Ты способен благословить и наказать?

Я пытался подавлять растерянность, но тщетно: – Д-да... Ты знала?

– Нет. Точнее... Ах, они ведь и правда те еще сектанты. Больные на голову люди. Ох, дождь... В общем, эти гимна-зисты почитают старое верование. Мне в детстве рассказы-вали такую легенду, что до появления первых людей, Все-ленная создала Героя. Это он создал землю и указал путь до цивилизации. Когда появились люди, он стал их учителем и научил их жить, как бы глупо это не было сказано. А когда

земляне стали передавать знания сами, из поколения в поколение, они перестали в нем нуждаться и тогда Вселенная забрала Героя себе на небо. Он превратился в созвездие и наблюдал за своим наследием с высоты. Но некоторые маги до сих пор не могут найти покоя. Есть те, кто стремится завладеть великой силой того самого, что был послан созидать.

В этот момент у меня бешено заколотилось сердце. Я понимал, к чему она клонит, но старался удержаться на стуле.

– Ты ведь... не хочешь сказать, что я – тот Герой?

– Я думаю, что они так считают. Многие указывает на это. Себя ты не помнишь. Что делал – не знаешь. Та яма... Ты будто с небес свалился как метеорит. Твои способности – это вообще что-то невообразимое. Они хотят заполучить тебя, чтобы просто оставить себе. Как трофей. Как легендарный лут или артефакт ценный. Их не интересует твоя жизнь и твои потребности. Им нужно твое благословение, чтобы оправдать ценность своих убеждений. Просто потому что они считают себя высшей расой. И потому твоя сила – должна принадлежать им. Прости, что я цинично отталкиваю тебя от них, но... я хочу, чтобы ты знал это. Ты имеешь право быть предупрежденным. А насчет Героя – это, конечно, миф. Сказка, которую рассказывают детям по ночам. Есть другие варианты, кем ты мог бы являться, более приземленные и реальные. Даже тем же магом. Но пока мы имеем то, что имеем. Поверь, если кто и не хочет тебя пугать этим, так это – я. Однако я не могу тебе не поведать об этом, понима-

ешь?

– Конечно. Понимаю. Знаешь, ты... ты первая, кто мне худо-бедно объяснил, что к чему. Я даже не задумывался, почему меня готовы... хм...

– Порвать на две части? Да, к сожалению, если бы была такая возможность, они бы тебя и в ключья разодрали. Кто не желает заполучить избранного?

Я выдохнул: – Это жестоко...

– Да, знаю.

Я встал, чтобы помыть кружку. Выйдя в прихожую, я начал обуваться.

– Ты точно не хочешь стереть себе память?

Немного подумав, Мара ответила: – Не. Раньше я была Мария, а теперь у меня другая жизнь и окружают меня другие люди. Какой смысл? Да и о своих ошибках порой лучше не забывать.

Нас окружила толпа.

Хоть хилерша и вызвалась проводить меня, но помочь в данной ситуации она ничем не могла. Да и не имел морального права спрашивать с нее защиту.

Некоторых из них я уже видел тогда, в библиотеке.

Я достал из инвентаря оружие: – Я думал, что уже отказал вам.

– Не пытайся сопротивляться! – Сказал стоявший позади толпы уже знакомый мне Волшебник. – У нас приказ и мы...

– ... Мы должны доставить тебя целым и невредимым. –
Перебил его смущенный Отшельник.

Я не стал ждать их наступления и подбежал первым. Замахнувшись мечом, я рассек воздух. Поток свистел, я подавлял боль в мышцах. Я никак не мог задеть кого либо. Они были быстрые, приткие, гибкие. В разы лучше, чем я. Те уворачивались с нечеловеческой скоростью. Настырные. Никто не любит быть побежденным.

Я только сейчас понял, что «Вечное молчание» для них не требовалось. Тайное стало явным, а значит, можно было поглощать любые настойки. Черт побери. То, чем я занимался – не более чем тот же дождь ранней весной, то есть такое же бесполезное занятие. Я понял, почему он апрельский. Потому что ранней весной ничего не посеяно.

И все-таки спустя пару минут изнурительного пыхтения мне удалось зацепить двоих. Уклонившись, я чуть было не потерял равновесие и не упал. Дороги были скользкие, пропитанные водой. Наши шаги поднимали плески воды. Я чувствовал влагу в носках и на штанинах.

Мои соперники также начали спотыкаться по вине капризов непогоды.

Потеряв самообладание, я почувствовал гулкий звон в левом ухе. Теперь мне стало больно. Кажется, я пропустил сильный удар и у меня, пусть и слабо, но треснуло сердце. Единственное.

Виновник, осознав свой промах, округлил глаза от испуга

и принялся отходить.

Я огрызнулся и побежал вслед за ним. Догнать его казалась нереальной задачей, но он быстро выдохся. Побочка «Змеиной ловкости». Воткнув в него стальной клинок, он завопил. Одно сердце было потеряно. Я не стремился его устранять, мне было обидно за собственный промах. Я хотел таким образом восстановить справедливость.

Видимо, он бывалый боец. Быстро пришел в себя и уже был готов нанести новый урон. Он замахнулся ногой, а я, обвив двумя руками меч, описал полукруг и задел его грудную клетку.

Он снова упал на мокрую траву. Удар пришелся как надо. Правда, я не учел один важный нюанс. Получить по причинному месту довольно-таки больно...

Теперь и я упал. Почувствовал влагу на своей щеке, вдохнул свежего воздуха, в котором витал запах горькой травы и сырой земли. Странно, но я не чувствовал ни холода, ни абсурдности ситуации, ни поражения. Мысли были где-то далеко. Я скорее чувствовал, что хочу исчезнуть. Бесследно. То, что я лишний в этом мире людей, за плечами у которых целая история, не вызывала у меня сомнения. Кажется, моя борьба закончена.

Я закрыл глаза.

Я проснулся от пения Мары.

– Жив?

– Ага.

– Цел?

– Не уверен. – Я и впрямь ощущал потерю. Кажется, свою честь я верну еще не скоро.

Она смотрела на меня с беспокойством и сожалением. Вся мокрая, продрогшая, волосы растрепанные, слипшиеся. Если бы у меня было что-то из верхней одежды, я бы обязательно поделился с ней, но я и, правда, был беднее, чем Сашин кошелек.

Нас окружала толпа во главе Ксении и Яны.

Сговор. К гадалке не ходи.

– А я ведь знал, что тебе доверять нельзя. – Хриплым голосом пробормотал я.

– Не сердчай, мальчишка. Вырастешь, поймешь.

– Что... что ты собираешься делать с ним? – Выпала Мара, не скрывая разочарования и злости.

– То же, что и всегда: Защищать своих учеников.

– И ты готова отдать его ради всеобщего спокойствия? Вот этим блаженным?

Яна начала расхаживать вокруг нас: – Знаешь, человек всегда склонен повторять одни и те же события, чтобы почувствовать старые, или даже забытые, чувства. Я ведь не просто так отказывала тебе в «вольном путешествии». Думала, как быстро тебя искусит запретный плод, который, согласно легенде, так желаем и сладок.

Я пытался подняться, но она громко приказала мне сесть. Как бы я этого не хотел, тело само исполнило ее поручение.

– Все эти тренировки, запреты, давящие четыре стены, неволя, одни и те же фильмы по ночам. Жалкий кинжал, который мы доверили тебе, чтобы ты показал себя настоящим жалким трусом в стрессовой ситуации. Ты оказался намного более стойким. Люди без имени обычно следуют по пути апатии уже на первой неделе такой жизни. Я даже глазам своим не поверила. Подумала: «Может, к тебе нужен другой подход?», так я отправила тебя с ребятами на прогулку. Тебя и тогда не смогли выкрасть, но зато набрался опыта. Стало понятно, чего от тебя стоит ожидать. Все-таки мои ребята молодцы, хорошо натаскали тебя. Изумительный опыт у нас получился! Ты действительно превзошел мои ожидания. Может, ты и правда нечто большее, чем просто человек? Жаль, твоя подруга тут, но ничего, я лично почищу ей код. А про тебя скажем, что ты пропал без вести. Убежал к гимназистам, следуя за путеводной звездой в лучшую жизнь, где все кругом элитарии. Будем изучать тебя детальнее. Кто знает, какое следующее поколение у нас получится, если мы поймем, из чего ты состоишь. Может, твои настройки пригодны и для меня. Не волнуйся, мы позаботимся о тебе и твоём теле. Тебе не будет больно. Больше никогда не будет больно, поверь. Ты больше никогда не повторишь былой горький опыт.

– Так, получается... – полушепотом проговорила Мара, – ... ты нас использовала?

– Ох, ты тут ни при чем, но ты оказалась полезной. Не

думала, что ты сможешь разговорить его. Я рассчитывала в этом деле на ту эльфийку-палладинку и магичку, если честно. Но, похоже, я и тут потерпела неудачу. Именно ты смогла пробудить в не человечность. С тобой следует тоже поэкспериментировать. Мало ли, на что ты еще способна.

– Плохо же ты знаешь людей.

– Что поделат! Каждому дано ошибаться.

– Но не советчику...

Та, заметно разозлившись, хотела ей что-то высказать, но тут же успокоилась.

– Я – не советчик. Это – во-первых. Во-вторых, мне не следует оправдываться перед тобой. Кто я и что я – тебя не касается. Ты все равно скоро все забудешь, и начнешь все заново, а мальчонка уже наш.

– Мы позаботимся о нем! – С нескрываемой радостью воскликнула Ксения, припрыгивая на месте и хлопая ладошками. Предвкушала новые знания. Ребята, стоявшие позади нее, прикрывали ее прозрачным зонтиком, чтобы ни одна небесная капля не попала на ее начищенный от пыли и волос пиджак.

Та ей на ушко напомнила: – Не забывай о еженедельных отчетах для меня.

– Все как всегда!

А я все сидел на сырой земле, впитывал в себя дождь, смотрел со стороны на весь этот цирк. Это все – просто большой эксперимент какой-то магички. Я, Мара, Ксения и дру-

гие гимназисты – мы все просто ее питомцы в банке, но не те, о которых заботятся. Она сама что-то другое. Ни человек, ни животное, но что-то между этими двумя понятиями.

– А все-таки, кто ты? – Спросил я, когда «бравые бойцы» уже вводили барда. Я не мог противостоять этому, да и она не сопротивлялась. Смотрела со спины, но кивнула в знак повиновения судьбе. Хилерша боялась их методов по-прежнему, но за меня беспокоилась больше.

– Я? Ох, я – обычный наблюдатель и... немного актриса в этом театре. У каждого в этой игре свои цели. Помнишь?

– Твоя – изучить меня?

– И это тоже. Я рада, что ты оказался ценным нерукотворным артефактом. У меня для тебя даже заготовлена целая тетрадка.

«Какая честь» – подумал я, невесело посмеявшись.

Я опустил голову, пытаюсь построить логическую цепочку. Апатия, бессилие и предательство были сильнее моего разума.

– А они, все эти «избранные», оказались не такими ценными, да?

– Негативный опыт – тоже опыт. Впрочем, возиться с ним довольно интересное занятие. Готовы любой крючок подхватить, лишь бы это оправдывало их убеждения. А ведь они и, правда, верят в это. Всего-то стоило несколько лет внушать им, что они не часть этого мира, а другие, иные, не такие, как все. Интересно, то ли еще будет. Хорошие песики. Ну,

что ж, вставай. Нас ждут великие дела.

Мое тело, которым управлял Янин голос, снова подчинилось приказу. Я промок до нитки, дрожал, но холода не чувствовал. Вообще ничего не чувствовал. Сам стал подобен какой-то Ползучей твари, которая от природы не имела эмпатии.

Даже думать не хочу, о каких новых технологиях тогда шла речь. Что меня ждет – не волновало. Вероятно, мои мозги тоже вынут, промоют и выставят на сушку. Зачем? Служить верой и правдой человечеству? Но какому? Который ходит по струнке и повторяет одни и те же речи? Свято верит в благословение всех людей, но брезгливо потирает ручки заспиртованной салфеткой?

Неожиданно для себя я заговорил, когда следовал за начальницей: – А помнишь, как ты отчитывала свою некогда коллегу за устранение нас?

Она недовольно оглянулась: – И?

– Или то, как ты наругала меня за побег?

– Да, пришлось. Иначе маска была бы сорвана.

– Ты специально пропустила Волшебника?

– Глупо, не правда ли? Кстати, хотела тебя похвалить. Не думала, что ты откажешься идти за ним. Все-таки наблюдение за безмянными – удивительное зрелище. Каждый раз узнаешь что-то новенькое. Я даже перестала тебя воспринимать подопытным кроликом. Ты так стойко держался на тех переговорах, а ведь это был для меня отчаянный шаг. Ты –

самый интересный и послушный песик в этой стае.

– Песик? То есть, ты руководишь блюстителем, которых на самом деле сама презираешь? Ты не думала, что на самом деле они не питают к тебе уважения? Они не слушаются тебя и не доверяют твоим словам. Терпят тебя, как лидера, просто потому что это обычная социальная необходимость.

– Они мне этого не высказывают прямо, а значит – все в порядке.

– И ты не видишь в этом противоречия?

– Ах, что только не сделаешь, ради чистоты эксперимента. Все-таки человеческая память удивительная вещь. Все готовы оправдать любую оплошность, даже ту, что происходит прямо перед их носами, лишь бы это не противоречило их интересам. Неправда ли? Кстати, а ты знаешь, что от устранения никакие воспоминания не стираются?

– Чт...

– Ах, ты не задавался вопросом, почему твоя наставница прекрасно помнит свое прошлое? Это не более чем защитная реакция и самовнушение. В этом мире все зависит от физико-математических законов, но твоя психика сама решает, как распорядиться происходящим. Если бы ты хотел видеть меня снова, вспомнил бы сразу. – Она подмигнула, а мое лицо вмиг стало бледным, будто всю кровь выкачали.

В моем инвентаре ничего не было, кроме тетради и ручки. Видимо, никто не подумал пошарить во внутреннем кармане дряхлого пиджака. В остальном же, со мной остались лишь

наработанные статьи, да потрескавшееся сердце.

Я с такой злостью стиснул зубы, что небо на пару секунд залилось ярким белым светом. Все ослепли. Грянул гром. Такой силы, что машины, находившиеся за множество километров от нас, отозвались душераздирающим гулом.

Ксения, что шла далеко впереди нас, была поражена током, расщепившим на мелкие частицы металлический каркас зонта. Упала на мокрый асфальт, лишенная чувств. Те трое упали следом. Они были куклами, а теперь контроль был разорван. Теперь эти тела не боялись замараться.

Рядом со мной рухнуло дерево. Его ствол разделило пополам, а ветки разбросались по всей земле.

Мы минуту стояли молча, оценивая масштаб катаклизма.
– Что ты сделал? – Спросила Яна, смотревшая на меня глазами полными страха.

Я отвязался от ее голоса. Все ниточки, что были повязаны на мне, отрезались. Теперь она не могла манипулировать мной.

Я взял первую попавшуюся ветку и занес ее за голову. Она принялась обороняться моим сворованным мечом.

Началась финальная музыка, от которой по телу бродила дрожь. Я был стойким и неподкупным. Я – сильный. Я сильнее ее и всех на свете. Я не какой-то там удачный эксперимент. Я – ЧЕЛОВЕК! Вот мое настоящее имя! Я всегда был им и никому не украсть его у меня.

Мы направляли друг в друга удары. Ветка была толстая,

твердая, неподатливая для резьбы. Ах, лиственница! Проклятое дежавю...

Тем не менее, она терпела серьезные разломы. Десяток таких и приходилось менять ветку.

Когда она заметно уставала, я целился по рукам и ногам. Я использовал все, чему меня учили. Это было удачной тактикой.

С каждым таким ударом она переставала быть такой строптивой.

У нее были свои слабые места, я чувствовал их. Они есть у всех. У меня тоже.

И вот финальный удар. Она вложила в него всю оставшуюся силу. Яна бежала мне навстречу, испытывая и отчаяние, и гнев, и даже блаженное смирение перед неизбежным. Перед тем, что уже случалось однажды.

Ее голос доносился по всей округе, разбивая окна в жилых домах, что окружали нас.

Я был готов отразить этот крик боли, но... не стал.

Она тоже была человеком. С искаженным восприятием. Та, что не боится идти по головам. Не готовая мириться с бренностью и хрупкостью этого мира. Пытающаяся продлить себе жизнь, питаясь другими, словно хищник. Ей не сочувствуешь, ее не пожалеешь, выбирать ее тоже никому не хочется. Она, как и я, всегда одна. Никому не нужная. Одинокая. Наблюдатель.

Я понял, почему я здесь.

Я здесь, потому что больше не мог наблюдать за ней.

Мне жалко ее, а я не знаю, чем помочь...

Я разжал ладонь. Палка упала. Теперь она не была ни щитом, ни оружием. Я был чист, и меня обтекала вода, капавшая с неба, очерчивая мой силуэт, словно созвездие на ночном небе. Я запрокинул голову вверх и закрыл глаза.

Яна, если бы ты пошла со мной – я показал бы тебе мир. Мы могли бы исследовать его вместе и радоваться мимолетному моменту...

Могли бы...

Я почувствовал яркий свет даже сквозь опустившиеся веки.

... Но боли не было.

Вообще ничего, кроме удара молнии, не произошло.

Глава 6

Яны не было. От нее осталось лишь небольшое пульсирующее сердечко, налитое гранатово-красной жидкостью. Мне это напомнило Сашин рассказ о драконе.

Нет, Яна не была им. Сам дракон не был драконом. Таков жестокий закон Вселенной: «Убивая монстра – ты сам становишься им». Я не стал трогать останки. Незачем. Они и без меня растворятся в текстурах. Она уже наказана. Я действительно свершил суд. Я смог это сделать. Теперь на мне лежит ответственность за это. Я должен жить с этим и нести тяжкий крест.

Подумать только, это был самый настоящий волк в овечьей шкуре. Все это время. Козел-провокаатор, ведущий с собой на убой...

Следовать за Марой не было смысла. Ей не причинят вреда, а память уже наверняка стерта.

И все-таки Ксения – не менее опасна, пусть и будучи пешкой. «От таких людей искренности ждать не приходится». Либо я сам хочу верить в том, что ее бойцы двинуты не по своим личным убеждениям. Ах, не знаю... Их уже нет. Они устранены, а значит, они переместились в свою гимназию, и наверняка будут начинать все заново.

Поэтому я бесцельно бродил по дороге, без мысли и же-

лания идти «домой». Записывал все, что произошло и что наболело. Это был мой личный сценарий. Быть может, и по нему снимут фильм... когда-нибудь...

Земля постепенно осушалась. Дождь прекратился, но солнце не выглядывало. Оно словно не хотело смотреть на меня.

Больше мне записывать в тетрадь нечего. Я вновь остался один на один с собой. Скажу напоследок еще кое-что, пока у меня остались две пустые странички.

Я не заметил, как стемнело.

Не знаю, куда занесли меня ноги, должно быть на окраину города. Ни домов, ни деревьев рядом не было. Меня окружало лишь поле, а путь освещал лунный свет. Впервые за все это время я осмелился посмотреть на небо. Невольно улыбнулся. Я видел столько звезд на фиолетово-синем полотне, что даже не смог сосчитать. Их миллионы – и все они уникальны.

Я радовался и смеялся как умалишенный. Они были такие яркие и такие... прекрасные. Как снег, наверное. А главное они окружали меня и были рядом... все это время.

Я не одинок.

И пока я наслаждался видом и мечтал о зиме, одна звезда все же упала. А потом еще одна. И еще. Четвертая. Пятая.

Я не успевал следить за ними. Меня охватила паника. Неужели это сделал я?...

Неужели я... нет...

Я...

Я побежал за самой яркой. Самой близкой. Самой пленительной. Я просто должен был следовать за ней. Она должна была указать мне путь.

Я побежал так быстро, что терял ноги. Я так боялся упустить путеводную... я...

Как же... трудно... пи сать н а ходу...

я...

ее...

я...

– Все. – Сказала я, опустив тетрадь дрожащими руками. – Это... последняя запись на внутренней стороне корочки.

Я сидела напротив него.

Хозяин дневника лежал на кровати в больничной палате. Весь пропах зельями и мазями. Слеплен яркой лампой на потолке и белоснежной плиткой, которой были усыпаны все стены и пол.

Никаких движений. Между нами могла существовать уютная тишина, но ее разбавляло настойчивое пение птиц, стремящиеся поделиться радостным известием о прибытии солнечного лета.

– К... ко... нец?

– Да. – Я сглотнула. – Впрочем, я, кажется, понимаю, как ты получил все эти травмы. Ты упал и... Ох, прости, я не хотела... Ты истратил последнее сердце. Мне так жаль, что ты утратил и эти воспоминания.

– Ты... не должна... извиня... ться... это... правда...

– Нет, я все-таки должна принести извинения. Помнишь, я усмехнулась над твоим увлечением? Ах, ну да, я ведь недавно зачитала это. Все-таки идея вести дневник оказалась не такой уж и... кхм... Я была неправа. Ты... ты вернул мне память, и я... Черт, я не могу тебе лгать. Я не знаю, что мне теперь делать. – Я опустила руки и рассматривала нелюбимое помещение. – Пока я читала, я снова почувствовала это... понимаешь? – Он легонько кивнул. Все-таки с многочисленными повязками ответить что-то – непростая задача. – Я должна рассказать ребятам. Ах, защитная реакция сработала и в этот раз...

Он повторил жест: – Я сам... поже... лал... это... снова.

Я покивала головой, в знак понимания: – И... если ты решишь, могу я спеть тебе? Да, я пою дрянно, ха-ха... но я никогда не обещала себе научиться это делать! Но облегчить твои страдания попробую.

Я достала лютню и поправила шляпу.

– Ма... ра?

– А?

– Я... пой... мал ее?

Я даже не поняла сперва: – А, ты про звезду? Я думаю, это все суеверия.

– Подожди, это что, святая кружка Грааля? – Спросила я Жабика, когда тот налил в нее кофе.

– Ну да.

– Ты откуда ее достал? Это же артефакт эпический.

Он принял свой повседневный непосредственный вид: – Васильев отдал. У него таких с десятков. Он ими барыжит. Вроде как.

– Ах, ты, дождь апрельский! Мало того что меня обманули, так еще и...

– ... И что?

Я хотела высказать по поводу своей находки, но быстро сообразила насколько это некрасиво. Я как-никак спасла человека. Это стало отправной точкой в моей жизни.

– Да так. Не обращай внимания. Сдалась мне эта... кружка... магическая... эпическая...

Я многое не могу вспомнить, а заметкам одного человека не так легко поверить. Я помню, что меня отправили на квест. Я хотела получить немного опыта и монет. Да и святая вода для связок полезна. А потом... я очнулась на детской площадке около своего дома. Как и почему? Не знаю. Словно из меня вынули большой кусок жизни. Все-таки они неаккуратно обращаются с внутренней памятью. Никакой заботы.

– Ну, как? Чувствуешь святой дух?

– Хм... пахнет, как... кофе. Да ладно, не переживай ты так. Хочешь, тебе ее отдам?

– Да мне не кружка нужна...

– А что же?

– Я... не знаю...

Тот немного подумал: – Это потому что ты память потеряла. Но теперь-то ты вспомнила?

– Ага.

– Имя помнишь?

– Да ну тебя! – Я улыбнулась и в шутку стукнула его кулаком в плечо.

Мы немного постояли в тишине. Он даже старался не бить металлической ложкой о края посуды. Учтивый джентльмен. Может, он сможет вырасти из своего образа.

– Мне жаль, что все так вышло с Яной. Я подозревал, что она какая-то скрытная, но не более. Она ведь мне, по сути, и внушила, что я людей по школе устранял. Потому что я этого не помню. Может, этого и не было вовсе. Подумать только, я сбежал из коммуны, чтобы в итоге в нее снова попасть. Она меня ломала, чтобы просто посмотреть мою реакцию! Ох...

– И мне жаль. Я сама вляпалась в такую же ситуацию. Хотя я даже не думала о каких-то подвохах. Она всегда была доброжелательна ко мне и... даже снисходительно относилась. Когда я перевелась в эту школу, покинув семью, она лично встречала меня и объясняла что и как.

– А я вот, в свете этих откровений, не удивлен этому...

– Думаешь, я могла бы быть на его месте?

Он пожал плечами: – Как ты там говорила? Э-э-э... а! Все хотят получить избранного?

– Н-но... я с самого начала сказала, что я...

– Этот парень тоже до последнего момента отрицал. А я?

Я что, похож на уникама? Таких, как я, на дне пруд прудит. Мне ли не знать? А с тобой этот фокус мог бы и прокатить. Ты в нашей школе такая одна. Да и к тому же, как много игроков хотят быть хилерами? Все сплошь воины, да маги.

Я сделала глубокий вдох: – Не поспорить. Однако одно отрицать тоже нельзя: Яна держала всех нас под контролем. Да и гимназистов, как оказалось, тоже. Неудивительно, что их поили «Молчанием». Не всем нельзя доверять секреты. А те трое, не считая их главной, у которых были имена, сами по себе почищенные. Их можно допингами кормить. А крыс, что бегут с корабля, всегда убивают первыми, ибо они переносчики чумы. Как все продумано, и как это потребительски выглядит, эх. Как думаешь, что теперь с нами будет?

– Без лидера?

– Угу.

– Да ничего не будет. Все как всегда. Продолжим выполнять свой долг. Я вообще против всего этого лидерства, исполнительства и прочего. Мы должны делать то, что должны делать без всяких команд и нравоучений.

Я помотала головой: – О нет, мой друг, мы так скурвимся. Точно говорю. Если мы с тобой можем себя контролировать, то в других мы не уверены.

– Саша с Игорем?

– Эти увлечены друг другом, у них другого выбора нет, а вот те два брата-акробата...

Он скептически прищурил глаза: – Ну...

– Инкогнито?

– Мда... Ладно, согласен. Тогда, может, Сашу и сделаем негласным лидером. Она же вроде хотела?

– Не, тогда уж лучше Игоря.

– Он не согласится.

– Уверен?

– Ему это в карман не упало. Поверь.

– Тогда и она не согласится.

– Да-а-а... – Протяжно выдал он, после чего хлебнул из чашки.

– А что насчет тебя?

Он закашлял: – Бежать от авторитетности, чтобы снова к нему прийти? О, нет! Лучше устрани! Я уже когда-то пытался объяснять своим, где и как лучше жить – опыт не из удачных.

– Так ты и не учи жизни. Ты учи боевому опыту. Он у тебя, к слову, не маленький. Ты знаешь, как тебя наш найденыш ценит? Прислушивался только так.

Жабик самохвально улыбнулся и пригладил свои черные, как воронье крыло, волосы: – Хы! Ну, с этим не поспоришь! Ах, черт, завела меня! Ну, ладно, так и быть! Но только на время! Кстати, хорошее имя – Найденыш. Может, так и будем называть?

– Звучит странно. Хотя, это все же лучше, чем Сухой. И гораздо приятнее, чем... кхм... Полусухой. Кстати, а чем они заслужили такие имена?

– Да оба тоже земноводные, только первый дальними корнями и уже ничем от человека не отличается, а второй – полукровка по материнской линии. А вообще они оба Саши. Развелось тут «защитников». Да и лучница наша не нервирется.

– Предусмотрительно.

– А... Кстати, а ты знаешь, что «Ксения» происходит от латинского «чужестранка»?

– В каком-то смысле, это действительно так. Боюсь представить, что означает «Яна»...

Тот, почесав подбородок, немного подумал: – Если мне не изменяет память, то... «Божья благодать».

– Ох, час от часу не легче.

С недавних пор Полина, заведя себе фамильяра, снова поверила в свои силы. Теперь она оставалась в нашей компании, беседовала за столом, пила чай. Нам даже пришлось рассказать о своей деятельности, чему та не удивилась.

– Я догадывалась, что вы тут не библиотечным делом занимаетесь. – Она обращалась ко мне и Инге. – Да и был у меня... кхм... знакомый, который гнался за одним монстром. Я думала, вы тоже его ловите. Или типа того.

– Не... – устало сказала Саша, с которой они к этому моменту успели помириться, – Силантьев это отдельная история. Он больше сам себе врагов напридумал.

Я иногда не понимала контекста их разговоров, но не

встревала в это. Должно быть, это ее личный долг перед Вселенной.

Наш коллектив, в большинстве своем состоящий из мальчиков, был несказанно рад такому пополнению. Появилась оживленность и суэта. Особенно это отражалось на Жабике. Он сначала мялся вокруг, да около, краснел, бледнел. Потом, заикаясь, начал проявлять инициативу. Сорвал со школьной клумбы красную ромашку, хвастался своей физической подготовкой в шуточной форме. Оправдывался передо мной как ребенок: «Она – маг, ее надо беречь!» Я, в свою очередь, не настаивала. Оставила за собой право на удовольствие – быть наблюдателем. Не без иронии улыбалась, выслушивала его якобы точку зрения. Да и приятно было на него смотреть в такие моменты. Что-то мне подсказывало, что не в классе дело.

– Ох, да... – продолжила Полина, – и... мне жаль, что Маша...

– С ней все в порядке. Поверь, этот человек никогда не бывает ни на кого обижен.

– Слава Вселенной! У меня даже от сердца отлегло! – В последнее время она стала покрывать веки разными блестяшками и даже сама соорудила волшебную палочку из неподатливой лиственницы. Теперь дела шли хорошо. У нее были друзья и питомец. Она больше не чувствовала себя несчастной. – Я, должно быть, была предвзятого мнения о ней...

– Я о тебе тоже, так что...

Обе вздохнули.

– Ну, блин! – Огрызнулась Инга, подпирая рукой щеку, будто та тает. – Это что? Дружелюбие? Фу, как это мило!

– Да ладно тебе, – сказала я, – когда мы еще так хорошо посидим? Кстати, Полин, а как ты назвала своего... эм... дракона?

– Я думаю назвать его Шарик! Отлично передает суть, да и ласковый как щеночек! О, он такой клевый! Но его еще приручать к улице и приручать...

– Хорошее имя. Я рада, что маги академии оценили твои труды.

– Мне сначала было неловко им тащить его, но они ничуть не удивились. Сказали, и не такие баги порой выходят. Этот, мол, даже рабочий. Без костылей. Даже худо-бедно летать может. О, вы бы их видели! Все как один – бородатые фанатики своего дела! Привыкнуть можно, но без эмоций не взглянешь. А еще у них стены фольгой обклеены. Говорят, так отличный магический купол против ненужных вирусов создается.

– Хм... А я всегда знала, что маги – те еще задроты. – Снова сказала Инга, медленно пережевывая печенье: – Так они еще и сами не умеют обучать. Вот как ты объяснишь, как работает магия?

– Ну, можно сказать что-нибудь про «квантовый уровень». – Ответила Полина. – Честно говоря, я и сама не знаю

всех деталей.

– Ну, вот. О чем я и говорила. Теперь ты – самый настоящий маг.

«Ох, уж этот сай-фай...» – подумала я, не решившись сказать вслух.

Полина продолжила: – Осталось только одно понять...

– Ты про гимназистов? – Саша вроде пыталась из себя выдавить интерес, но природный скептицизм так просто не спрячешь.

– Да. В принципе добыть их манускрипты задача несложная, но лишь в теории. Я примерно догадываюсь, о каких технологиях идет речь. Яна много чего оставила после себя, осталось только понять, как его открыть. Он сплошь состоит из ловушек.

– Может, Игорь может помочь?

– Было бы неплохо.

– Надо и Жабика запрячь. – Встряла я, после непродолжительной паузы. – Дополнительная сила не помешает. Да и следует отдать распоряжение на дополнительное обучение. Будем изучать математику. Даже через «не хочу». Да, я сама в этом слаба и понимаю ваше недовольство, но... согласитесь, у нас «внутренностями» теперь занимается один Игорь. Это безумно мало. Нам нужно больше людей. Теперь, лишившись твердой лидерской руки, нам следует научиться быть самостоятельными. Одна такая манипуляция может занимать несколько часов – дополнительные руки никогда не

будут лишними.

Инкогнито печально вздохнула: – Что там у нас высшее благо? Труд, да? Ну, что ж... придется поразмять спинку.

Кажется, я даже услышала хруст.

– Согласна. – Поддержала магичка. – Мы должны сплотиться. Вы были обмануты, пусть не по своей вине, да и я тоже, чего уж там... Но теперь мы не наступим на эти же грабли. И, если вы позволите, я буду идти рука об руку. Вам маг не помешает, а мне – дополнительный опыт.

– Сойдет. – Саша пожала ей руку. – Кто знает, сколько открытий мы сделаем благодаря новым технологиям.

А я, в свою очередь, думала: «Как все-таки предусмотрительно – не обучать никого, кроме одного человека». Жабик был прав, Игорь не стремился занять ее кресло, а потому ее знания не будут применены против своего же лидера. А вот с самой Александрой задача посложнее. Она и импульсивна и вечно показывала характер. Ее опасно подпускать близко.

Но теперь и я сама настроена решительно. Мы даже переименовались. «Блюстителей» больше не было. Дурацкое название. Теперь мы – «Защитники». Да говорить о себе в третьем лице не требовалось. Зачем излишняя конспирация, от которой нет никакого толка?

С тех пор, как я очнулась, а Найденыш попал в больницу, на улице то стояла хорошая погода, то капали мелкие дожди. Не знаю, был ли он виновником этого шторма, а, может, так

совпало. В любом случае мы все устали от многодневных холодных осадков.

Я каждый день приходила к нему в палату и читала разные книжки. Начинали со сказок, закончили учебниками по школьной программе.

– В августе меня должны выписать

– Звучит замечательно! – Улыбнулась я.

Он заметно поправился за месяц. Ходил с трудом, но уже мог самостоятельно подниматься.

– Да. Я вот думаю, надо, наверное, школу закончить, да? Ну, раз уж начал.

– Конечно, мы все будем ждать тебя...

Он кивнул и задумался.

Сколько я не размышляла о сложившейся ситуации, одного не могу понять: Почему, имея под рукой настоящего сверхчеловека, нельзя было придумать более гуманного применения? Почему Яна поручила обучать его, укреплять, изучать, чтобы в итоге использовать его как расходный материал? Ради чего? Ради своего самолюбия или человечества? Хочет ли оно этого? Такой подарок судьбы и все впустую?... Собака на сене. Ни себе, ни другим.

И все это, чтобы навсегда остаться одному. Как и прежде. Что бы во веки веков ничего не поменялось.

Ах, это морализаторство еще, которое появилось из ниоткуда, чтобы все шло в никуда. Стыдиться передвинуть камушек в лесу, кичась пафосным монологом о «раздавленной

бабочке», но претенциозность все равно идет впереди планеты всей.

Правильно, что он не стал защищаться. Природа сама распорядилась как надо и не стала забирать его обратно. Похоже, он был готов к этому, но Всевышняя решила хотя бы сейчас дать ему шанс. Кто бы мог подумать, что я снова уверую? После всего пережитого...

Я не могла не выразить своего беспокойства: – Ты в порядке?

– М? А, да так... к своему имени не могу привыкнуть. Да и к положению в целом.

– О, я понимаю. Я проходила через это.

– Ты переживала такие же эмоции?

– Да. Возможно, даже хуже. У меня была такая стадия отрицания, что порой на меня находит осознание: А точно ли это все взаправду? Но потом я быстро успокаиваюсь. То, что было раньше – это пройденный этап. Сейчас я другая. И дела меня ждут другие.

– Это... обнадеживает. Но... мне вот что страшно...

– М?

Он начал хаотично пробегаться глазами по палате, словно выискивал подходящую метафору: – А не повторится ли все опять?

Я опустила взгляд: – Прости, но... я не могу гарантировать тебе это. Хотела бы, но...

– Но ты не можешь обещать того, что не в твоих силах.

– Да.

– Ложь во благо не есть добро. Так что я не в обиде. Это честно. Но... можешь ли ты обещать мне, что...

Наступила пауза.

– Так, что же?

– Нет. Забудь. Просто... просто побудь со мной, пока есть силы. Я... устал быть один.

Я снова улыбнулась и потрепала его светлые волосы.

– Ты все еще чувствуешь боль?

– Боль? Да, чувствую. Но не потому что я сделал что-то не то. Больно от того, что я так и не понял, зачем я нужен?

«Ты здесь, чтобы любить...» – подумала я, но я так и не сказала это вслух.

Ты ведь не только ученик и друг. Ты, помимо прочего, всегда был любовником. Пылким, живым, стремящимся познать людей и завоевать наши сердца. Ты всегда ценил девушек и прислушивался к добродетели парней. Потому, другие отвечали тебе тем же.

Я не стала петь ему песню, в лечении он больше не нуждался, а исцеление души – выше моих сил. Мычала колыбельную, которую я слышала когда-то. Это было хорошее для меня время. Мои силы тогда не прорезались, а родители воспринимали меня как обычного ребенка.

Теперь у Найденыша было имя. Нескладное и даже грубоватое, но передающее суть.

Он медленно закрыл глаза и проваливался в сон. А я скло-

нила голову у его кровати и наблюдала за этой безмятежной картиной.

«И сотворила Вселенная Героя и забрала его себе обратно, на небо, тем самым наказав человечество. И тогда люди начали играть между собою в игры. Плелись интриги, разлуки и ревность. Но существовало помимо и что-то большее...»